

Р. В. Пеннер

**Картография цифрового:
опыты философского понимания**

Монография

Челябинск
Библиотека А. Миллера
2023

УДК 130.121.4
ББК Ю516 + Ю518
П24

Рецензенты:

А. Б. Невелев, доктор философских наук, профессор;
Е. В. Романовская, доктор философских наук.

П25 **Пеннер, Р. В.**

Картография цифрового: опыты философского понимания : монография / Р. В. Пеннер. — Челябинск : Библиотека А. Миллера, 2023. — 246 с.

Монография посвящена современным цифровым технологиям в социальных реалиях. Каждая из статей монографии, по аналогии с трудом Делеза-Гуаттари, названа «плато»; они сгруппированы в три раздела, определяющих вектор движения от «старых» новых медиа через методологические подходы к «новым» новым медиа. Автор формулирует концепцию цифровой идентичности, которая позволяет выстроить понимающую призму в отношении цифровых феноменов и техники с точки зрения постантропологии и плоских онтологий, фокусирующих внимание на социальных актантах, претендующих на статус социальных субъектов.

Издание адресовано специалистам социально-гуманитарных дисциплин, аспирантам, студентам.

Работа выполнена при поддержке гранта Президента РФ для молодых ученых — кандидатов наук МК-2592.2022.2 «Цифровая антропология: теоретические и прикладные аспекты».

Работа выполнена при поддержке Российского научного фонда Конкурс «Проведение фундаментальных научных исследований и поисковых научных исследований отдельными научными группами» (региональный конкурс) 22-18-20011 «Цифровая грамотность: междисциплинарное исследование (региональный аспект)».

УДК 130.121.4
ББК Ю516 + Ю518

ISBN 978-5-93162-0000-0

© Пеннер Р. В., 2023

Оглавление

Предисловие	5
-------------------	---

Раздел I. «Старые» (доцифровые) новые медиа

Бег и бегство в дистопии.....	7
Современный spectator как рефлексирующий onlooker продуктов медиакультуры	14
Свобода человека и человекоподобных существ.....	23
Дрейф по Интернету: современный человек как номад XXI века.....	30
Иллюстрация концепта ризомы в фильмографии Д. Джармуша.....	46
Internet Studies в условиях пандемии.....	57

Раздел II. Методы и методологические подходы в исследованиях Media и Digital Studies

Нормативное в цифровом.....	78
Медиаграмотность видеограундера	87
Новое время — новый номадизм	95
«Технологии себя» в условиях самоизоляции	113
«А был ли мальчик?» Рецензия на книгу Рози Брайдотти «Постчеловек»	125
От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI в.	134

Культура общения в эпоху современных медиа..... 141

Раздел III. «Новые» (цифровые) новые медиа

De re ad absurdum: идентичность в косплее..... 159

Язык экзистенциального опыта
в цифровую эпоху 168

Цифровое пространство:
от идеи к проекту и контролю 183

“Camera lucida”: новый комментарий
к цифровому контенту 190

Дистопия в мемах или мемы в дистопии?
Размышления о цифровой культуре 199

Человек в сети: одиночество и общение 207

Послесловие или благодарности 225

Литература 227

Предисловие

Уважаемый читатель!

Твоему вниманию предлагаются размышления по вопросам о том, что же такое этот контемпоральный (а зачастую — именно цифровой) мир, в котором мы живем. Философ не может поставить этот вопрос в технологической парадигме; ему просто знаний не хватает; а если ему кажется, что хватает, то придет какой-нибудь умный технарь и покажет, что не хватает... Не беда. Значит стоит этот вопрос в иной, в моем случае — философской парадигме. Однако и тут возникают свои оговорки. Первая — философия же не про время, точнее — она всегда про него, но не про контемпоральность; скорее, она про безвременье или точнее — вневременность. Отсюда вторая оговорка, точнее вопрос: как в контексте вневременности исследователь способен реагировать на актуальный тренд *hic et nunc*.

Сквозь эти оговорки годами оформлялась моя исследовательская позиция, которая тесно переплетена с проблематикой Digital Studies. Цифра — это не только про технологии, это про особого рода пространство (которое, вновь, фактически пространством не является), куда заходишь познакомиться с идеями других и поделиться своими. Цифра — это виртуальное, выступающее сегодня ключевым, место для сосредоточения идей партикулярных единиц, а также народов и масс. Отсюда исследования цифры начинаются из непосредственного движения исследователя по этому цифровому.

Из широкого спектра теоретических оптик на бытие и отдельные его фрагменты я вот уже второе десятилетие сохраняю верность постмодернистскому подходу, точнее — теориям его концептуалистов, Ж. Делеза и Ф. Гуаттари. На моей книжной полке неизменно красуется их совместная работа

«Капитализм и шизофрения» (точнее говоря, не она одна, но сейчас речь именно о ней); не первая ее часть, что была ответом на массовый психоз в интеллектуалистских кругах во Франции с конца 1960-х гг. и ответом на «хайповость» психоанализа там же (в бумаге у меня ее никогда и не было); лично мне дорога ее вторая часть под именем «Тысяча плато». В ней человек будто постоянно ускользает из наших рук; он находится в вечном становлении, движении: от пчелы к орхидее, от волка к крысе, оседлый крестьянин сменяет рассекающего степь номада, а машина войны «каменеет» в бюрократических лабиринтах государственного аппарата. Но дорога мне эта книга даже не своими бесконечными превращениями, но тем, что написана она о дне не вчерашнем (хотя впервые вышла с печатного станка в 1980 г.), написана она о сегодняшнем дне (и, вероятно, завтрашнем). Сквозь «тысячеплатовую» оптику цифра оборачивается гладким пространством, а мы с вами, т. е. ее пользователи, становимся номадами, цифру эту рассекающими.

Вслед за известными французами каждую статью в этой работе я именую плато. Всего, уважаемый читатель, найдешь ты тринадцать плато, из которых собрано три раздела той книженции, которую ты держишь в своих руках.

Приятного тебе чтения!

РАЗДЕЛ I.

«Старые» (доцифровые) новые медиа

Бег и бегство в дистопии¹

В плато акцентируется внимание на темах бега и бегства в художественных произведениях. Авторы указывают не только на популярность этих тем, но и обращаются к означаемым и означаемым знакам бега и бегства. Эти знаки — яркие иллюстрации полисемии, противопоставление означаемому и означающему «свобода». Вариации тем бега и бегства содержатся и в дистопиях. Авторы рассматривают содержание знаков в дистопии «План побега» — одном из современных фантастических фильмов. Фильм «План побега» служит иллюстрацией некоторых размышлений Ж. Делеза — размышлений об обществе контроля, о кризисе структуры, о поверхности без глубины, о тотальности Машины-государства. Авторы приходят к заключению, что жизнь человека — перманентная смена мест лишения свободы. Переходы «от/к», «из/в» — обязанность, а не право. «Зоны» контроля современного цивилизованного общества — это не отдельные матрицы, а модуляции единой субстанции.

В литературе, музыке и кинематографе не раз возникали образы бегущего человека. И всякий раз бег человека что-то значил, нечто неизмеримо глубокое, в сравнении с локомоцией, с движением материальной точки. Бег Форреста Гампа — это и способ сохранить себе жизнь, и индекс спортивного таланта, и забвение любовной драмы. В беге Лолы — любовь к ближнему, самопожертвование и страх перед будущим — возможной смертью другого. Если означающее — «бегство», то означаемое дрейфует от страха к спасению, от утраты корней к поиску terra nova.

Многие исследователи обращали внимание на то, что бег нечто означает, символизирует. Под этим «непритязательным»

¹ Плато подготовлено в соавторстве с А. А. Дыдровым.

означающим скрыты пласты означаемых. В недрах знака зарождается энергия, готовая вырваться на поверхность: «бег» превращается в «бегство» и «побег», «бегущий» — в «беглеца». Н. Л. Калох Вид, размышляя о драме М. А. Булгакова, указал на глубоко различные значения, выраженные одним и тем же означающим: «Мотив бегства <...> прямо соотносится с исходом избранного народа из земли рабства и в то же время трагически снижается путем сравнения с тараканьим бегом впотьмах»¹. О. А. Дронова, анализируя содержание произведения Й. Рота, писала: «...в романе “Бегство без конца” история героя, его скитания, “бегство” находятся в центре авторского внимания»². Исследователь подчеркнул, во-первых, значимость темы бегства, во-вторых, сопоставил означающее бегство с означающим скитания. Бегством, иными словами, можно назвать не только интенсивное, требующее немалых физических усилий перемещение, но и скитание, обусловленное отрывом от корней. Бегство — это и скитание, и уход, и разрыв, и утрата. Сказанное вполне соотносится с мыслью М. Хайдеггера о «бегстве от мышления»³. В мире, где нет места осмысляющему раздумью, все стремится, «бежит» к цели (а цели, как кадры фильма, сменяют друг друга); человек не только проектирует, но и сам становится проектом.

Одной из причин бегства, как известно, является страх перед угрожающей опасностью. Или, по выражению М. Хайдеггера, «перед чем» страха имеет характер «угрожаемости». Страх открывает «угрожаемое» в его «страшности»⁴. А. С. Поршнева, размышляя о романе К. Манна «Бегство на север», указывает на «угрожаемое-Германию», а точнее, — на «угрожаемое-Рейх», на страх перед миром Nazi: «Германия для героини-эмигрантки — страна, принявшая “решение о тотальной бесчеловечности”»⁵. Бегство из Германии едва ли

¹ Калох Вид Н. Л. Язык Апокалипсиса в драме М. А. Булгакова «Бег»: аллюзия как стилистический инструмент // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Русская филология. 2014. № 3. С. 89.

² Дронова О. А. Роман Йозефа Рота «Бегство без конца»: между документальностью и фикциональностью // Социально-экономические явления и процессы. 2014. № 1 (059). С. 165.

³ Хайдеггер М. Отрешенность. URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 04.09.2023).

⁴ Хайдеггер М. Бытие и время. Москва : Ad Marginem, 1997. С. 140—141.

⁵ Замятин Е. И. Мы. Москва : Правда, 1989. С. 307—462.

не тождественно побегу из ада. Бегство из «пространства нации» в «пространство эмиграции» (выражения А. С. Поршневой) равнозначно спасению. Концентрационный лагерь, оставшийся за спиной, не может даже стать точкой, стремительно уменьшающимся пятном, сливающимся с линией горизонта.

Бег и бегство — популярные темы литературных дистопий. Кроме того, бегство и погоня эффектно выглядят на экране. Бег в дистопии — не просто один из способов локомоции живого существа, а знак, имеющий и означающее, и означаемое, выражающий глубокий смысл. Референт этого знака (в дискурсе дистопии) — процесс, ничуть не связанный со здоровьем человека и оздоровлением организма, с физической культурой. В определенном смысле бегущий человек — не спортсмен-легкоатлет. Персонаж антиутопии стоит перед выбором — бежать или погибнуть. В этой альтернативе движение не только устойчиво ассоциируется с жизнью, но и является жизнью, гарантом «здесь-бытия». Перманентное ускользание персонажа и потенциально губительные остановки (которые равняются задержкам) — сама жизнь. Для персонажа дистопии жизнь есть бег, а бег есть жизнь (это было показано С. Кингом в романе «Бегущий человек», Р. Шекли в романе «Охотник-жертва», А. Дашковым в повести «Черная метка» и т. д.). Вполне естественно связывать бег с целью и переходом границы. Быть может, у персонажа антиутопии и нет иной цели, кроме этого перехода. Выход из Тела Государства — *causa finalis*. Человек антиутопии не странник и не номад. Он подобен ньютоновскому телу, перемещающемуся из пункта А в пункт В. Пункт А хорошо известен. В Телe Государства у персонажа есть свое место. Персонаж выполняет ту или иную функцию. За пределами Тела представления сепаратиста о собственных функциях, месте и значении размываются. Сможет ли часть, покинувшая целое, стать частью другого целого? Такой способ проникновения в иное целое медикам и биологам известен под разными именами — «имплантация», «пересадка», «приживление». Специалистам несложно пересадить клетку из организма и другой, сложно заставить клетку прижиться. Означаемое бегства в дистопии, в связи со сказанным, сопрягается с дезертирством органа, клетки, части.

Тема бегства в дистопии довольно популярна. Более того, эта тема всегда завораживает читателей и зрителей,

влюбленных в погони. «Бегство Логана», «Бегство мистера Мак-Кинли», «Черная метка», «Голодные игры», «Охотник-жертва», «Бегущий человек» — немногочисленные примеры, почерпнутые из кладезя массовой культуры. В недавнем прошлом (2013 г.) на широкие экраны вышел фильм «План побега» (С. Сталлоне, А. Шварценеггер и др.). Фильм является вариацией на темы бегства и спасения, выхода на поверхность и освобождения.

Бегство вполне может стать и становилось лейтмотивом, «красной нитью» некоторых кинокартин. В фильме показана и сомнительная внутренняя политика Штатов, и жестокость представителей частного сектора экономики. Преступников, которых не берется содержать ни одна федеральная тюрьма, помещают в «экспериментальное» исправительное учреждение. Заведенный в этой тюрьме порядок вынуждает выбирать: бегство или смерть. Координаты расположения тюрьмы известны, по-видимому, немногим «заинтересованным лицам». Уголовнику не сообщают о том, где он находится, считая это «лишней» информацией. Репрессивная система (слово «исправительная» следует заключать в кавычки) функционирует в соответствии со строго установленным регламентом, а жестокости и произволу безликих охранников (на лицах стражей маски) ужаснулись бы и в государственных тюрьмах строгого режима. Иными словами, зритель видит модель локальной организации с гипертрофированной субординацией.

Заключенный — не человек (означающее дрейфует — «животное», «грязь», «нелюдь» и т. д.). Директор тюрьмы — а-ля Большой Брат, отдающий приказания, воплощенное всевидящее око, видящее преступника даже в самых «темных» углах тюрьмы. Система камер — ни что иное как система ячеек-сот. Пространство заключенного ограничено камерой и некоторыми общими помещениями (столовая, комната отдыха и т. д.). Одно из развлечений начальника тюрьмы — наблюдение за дракой преступников, а затем — наблюдение за избиванием заключенных обезличенными охранниками. Как и в иных антиутопиях, в фильме «План побега» внимание приковывают контрасты: контраст территорий (залитые кровью полы комнат, клетки-камеры, еле сдерживающие буйство заключенных), контраст увлечений (насилие над узниками и любовь к бабочкам), контраст лиц (искаженные болью лица преступников и маски-личины охранников). Но любая структура, несмотря на сверхпрочную спаянность ячеек, по-

видимому, все же имеет прорехи. В противном случае, сам директор тюрьмы оказался бы узником, был бы поработан собственным творением. Бегство от структуры осуществляется в соответствии с планом. Невозможно бежать, не зная карты, не имея ни малейшего представления о путях выхода. В этой связи кропотливое изучение привычек охранников тоже является картографированием, «сканированием» местности. Выход из системы всегда осуществляется по тем или иным каналам этой системы. Разве мог вообразить Д-503 то, что сможет выйти за пределы Государства, если бы не увидел брешь в Зеленой Стене?¹ Существование этой бреши — добрый знак Другого. Если Другой возводил Стену, то сохранил в ней проход, а если Другой покидал территорию...

Побег из Тела тюремного квазигосударства равнозначен подъему, выходу на поверхность. Экспериментальная тюрьма представляет собой огромное судно, дрейфующее в океанических водах. Тюрьма — это взаимосвязанные и взаимообусловленные глубина и поверхность. В глубине — жесткая и сверхпрочная структура, на поверхности — дрейф. Мелкие спаянные клетки в глубине, вольные волны океана — на поверхности. Выход на поверхность не является гарантом спасения. Бегство должно продолжаться. Если в классических дистопиях территория по ту сторону границы была «землей свободы», «terra libero», хотя и неизвестной, но манящей (земля за Зеленой Стеной, городская периферия, где обитали пролы и т. д.), то по ту сторону границы тюремного квазигосударства нет земли. К океану применимы слова Ж. Делеза о желающих машинах: океан анонимен и поверхность его не дифференцирована².

Тем не менее волны и дрейф — «верные» знаки воли и освобождения, противостоящие Структуре. Не следует думать о том, что игра поверхности и глубины единственная. В дистопии «План побега» не меньшую значимость имеет и игра поверхностей. Как уже было сказано, недостаточно выйти на поверхность, необходимо преодолеть и еще одну границу, возникшую на пути — границу *φυσικῆς*. Такова участь человека — стремиться вырваться из клетки, не осознавая того, каков мир за ее пределами. Но волны, бросающие человека из стороны в сторону, вынуждают моряка пристать к остро-

¹ *Замятин Е. И.* Мы... С. 307—462.

² *Делез Ж., Гваттари Ф.* Анти-Эдип. Екатеринбург : У-Фактория, 2008. С. 25.

ву, а остров может оказаться спящим чудовищем. Бегство от структуры, выход из Тела оборачивается разочарованием. Именно разочарование «написано» на лице заключенного, выбравшегося на поверхность. Она не цель целей. Поверхность страшит, так как обуславливает череду скольжений и падений, а главное — скрывает глубину. Под *der Fläche* таится *die Tiefe*. Оболочка как спасительна, так и опасна, как притягивает, так и отталкивает. Притягивает тем, что может служить точкой опоры (от поверхности можно легко оттолкнуться), вызывает страх потому, что скрывает, утаивает, трещит и разламывается.

Ужас, испытываемый от созерцания глубины, даже от самой мысли о глубине, имеет глубочайшие корни. Нет ничего удивительного в том, что человек опасается пропасти. Пропать проглатывает целиком, без всякого остатка. В бушующем море так хочется пристать к острову, но этот остров — Структура. Mesh Topology, ядро (фигура директора), обезличенные хранители порядка, распорядок дня и ночи. Поверхность зыбка, текуча в буквальном смысле слова. Проплывая между Сциллой и Харибдой, человек хочет ощутить под ногами поверхность без глубины, «абсолютную» кожу, кожу, ничего не скрывающую и ничего не обтягивающую.

Недостаточно указания на то, что человек ищет твердой почвы, сверхпрочного основания, границы, за которой не было бы уже ничего, никаких ярусов, этажей, ниш, локаций. Недостаточно указания и на то, что человек XX и XXI столетий — консьюмерист, мечтающий о поверхности без глубины, желающий разрушить прочную диаду, но бессильный против диалектики. Дрейфуя, человек ищет рифленую, гофрированную, разграфленную поверхность. Поверхность океана, как уже говорилось, не дифференцирована, океан «бросает» из стороны в сторону, более того, гомогенная нерифленая поверхность вод делает эфемерной всякую мысль о стороне, крае, границе, начале и конце. Штиль сменяется штормом, а шторм штилем. Разлиновывание поверхности — цель целей государства — патрона структуры. Сам по себе план побега есть индекс структуры. Бегство от структуры к структуре, переход из одной ниши в другую, стремление занять иную ячейку. «Аппарат Государства» (выражение Ж. Делеза¹) погружает в океан и вытаскивает из толщи вод, всякий раз

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Тысяча плато: капитализм и шизофрения. Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. 895 с.

помещая человека в клетку, опасаясь волн, тщетно пытаюсь структурировать сам океан. В «Обществе контроля» Ж. Делез использовал меткое выражение — «пространство заключения». Жизнь человека — перманентная смена мест лишения свободы. Переходы «от/к», «из/в» — обязанность, а не право. «Зоны» контроля современного цивилизованного общества — это не отдельные матрицы, а модуляции единой субстанции¹. Следует согласиться с утверждением О. Б. Соловьева: «...хотя Ж. Делез и не считал, что машины определяют тот или иной тип общества, но был согласен с тем, что машины выражают собой социальные формы, которые их производят и используют»². Подводная тюрьма, охраняемая безликими стражами, вполне может стать символом современности.

¹ Делез Ж. Общество контроля. PostScriptum. URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/260312081020.xhtml> (дата обращения: 04.09.2023).

² Соловьев О. Б. Общества контроля и дисциплины // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия. 2009. Т. 7, № 2. С. 49.

Современный spectator как рефлексирующий onlooker продуктов медиакультуры¹

*В дискурсе философии постмодернизма укоренилось критическое отношение к продуктам медиакультуры и к феномену современной культуры в целом. Некоторые практики философов XX в. были направлены на оберегание человека от пагубного влияния отдельных культурных продуктов. Вместе с тем, уже в творчестве Р. Барта, вскрывшего механизмы власти мифологии на сознание западного человека, появляются два интересных концепта: *Studium* и *Punctum*. И если первый отвечает за общекультурный и исторический фон, то второй — «кусает» смотрящего на него незаметной деталью. Авторы приходят к выводу о том, что все чаще так называемые «новые» сериалы включают в свое тело *Punctum*, заостряя внимание своего зрителя на отдельных деталях, что вырываются за границы общеразвлекательного контекста. Иными словами, зарождается своеобразная форма философской практики, где место философа-консультанта занимает новый сериал, ориентированный на вдумчивого рефлексирующего зрителя.*

Доминанта безудержного потребления, культивируемая средствами медиа, — то, что возмущало мыслителей XX в. Это возмущение стало «площадкой», на которой возвели свою критику модерна «классики» постмодерна. Как «пылесос», медиа, на их взгляд, затягивало человека в пучину страстей и рекламных драм. Паттерны поведения человека XXI в. создает не корневище логоса, но ризома повседневности. Продукты медиакультуры сыграли в этом не последнюю роль.

¹ А это плато написано в соавторстве с Е. Г. Миляевой.

Отсюда философские практики, что были представлены философами-постмодернистами к концу XX в.: забота о себе (М. Фуко), номадизм (Ф. Гуаттари и Ж. Делез), «борьба» с симулякрами (Ж. Бодрийяр). Во всех этих практиках продукты медиа подавались как то, что нужно отбросить, преодолеть, чьего гиблого влияния стоит избегать. Но в этой подаче упускалась мысль о том, что продукты медиакультуры не только то, что «творит» (или «губит») современного человека, но и то, что творимо этим же человеком. Продукты медиакультуры осмыслялись лишь как существующие сами по себе явления, возникающие в сетях медиапаутины, суть которых сводилась к одному — продать человеку товары и услуги. Становясь во времени и пространстве, человек как творец культуры изменялся и изменял свое творение. Сегодня, в XXI в., место большинства «мыльных опер» середины и конца XX века, например, занял «новый» сериал, целевая аудитория которого «выросла» в интеллектуальном плане. Новый spectator сериала воспринимает классический продукт медиа не только как «забавную» игрушку, скрашивающую его вечера. Места видеофила и видеомана постепенно занимают видеограундером, который в просмотре сериалов реализуют даже не эстетическое начало своего бытия, но задачу самосозидания, рефлексирюа над внешним миром и самим собой.

Публичные дискуссии, критические культурологические и философские исследования, политическая оценка и даже запреты на создание и трансляцию отдельных работ — «судьба» культовых произведений культуры Нового и Новейшего времени. Не в последнюю очередь это связано с тем, что человек, ищущий самого себя, фактически задается вопросами: кто я? Зачем я присутствую и присутствую ли я? Что есть мое существование? Куда я иду? Ответы на эти вопросы не лежат в «полной комплектации» на полке супермаркета. Их нужно собирать из пазлов, конструировать, вытаскивая из разных структур своего бытия, инаковых форм реализации своего Я. Одной из этих форм вот уже более столетия являются продукты медиа.

Тривиально сегодня утверждение, согласно которому акторы XXI в. погрязли в сетях медиа. То, что медиа превратились в своеобразную паутину, способную как поглотить субъекта реальности, так и выступить плацдармом его деятельности, не новость, но факт. Остается лишь терминологическая проблема: что мы имеем в виду, употребляя слово

«медиа» в означенных фрагментах. Если подходить к термину широко, то сегодня под медиа подпадают все произведения и продукты культуры, знакомые человеку с пещерных времен: от зарисовки охоты на мамонта на наскальной поверхности до классического романа, твита или современного сериала.

Речь идет о таких продуктах массовой культуры, которые, на первый взгляд, завораживают своих пользователей, поработают их, отнимая у человека, должного быть актором действительности, волю и силу действовать. Оговоримся, что в рамках данной статьи нас не интересуют понятийные границы медиа (это не поиск рамок и *definiens*); анализ палитры медийных продуктов (мы ограничимся исследованием серийных произведений — главы романа, эпизода сериала); поиск ответа на вечные этические вопросы, что есть хорошо и что есть плохо (мы не используем роли обвинителей или адвокатов феномена медиа). Ключевой проблемой статьи становится, тем самым, осмысление влияния актуальных (и в реалиях действительности, и в рамках статьи) медиа на человека, *vice versa*, и понимание того, кто он современный *spectator*.

Условимся, что в рамках статьи понятия «*spectator*» и «зритель» мы используем как синонимы. Эта позиция укладывается в подход творческого коллектива из Самары (Е. Иваненко, М. Корецкая, Е. Савенкова). К примеру, в одном из эссе М. Корецкая утверждает двойственность самого понятия «зритель», двойственность, что раскрывает пассивность и активность субъекта одновременно: «Окончание латинского слова указывает на активность субъекта (типа «креатор», «мелиоратор», «архитектор»), да и русское слово «зритель» тоже скорее указывает на некоего агента действия (типа «деятель», «учитель»). Но по смыслу зритель — это пассивный собиратель информации, воспринимающий, впитывающий ее глазами. Таким образом, активность зрителя — это активность восприятия, в отличие, например, от активности актера»¹. М. Корецкая приходит к выводу о том, что активность современного зрителя сведена до потребительской деятельности, что «как структура вполне укладывается в рамки общества потребления».

Следует вспомнить и о вкладе Г. Беме в современный философский дискурс — о «комплементарной по отноше-

¹ *Иванова Е., Корецкая М., Савенкова Е.* Созвездие Горгоны: эссе об эффектах медиа. Санкт-Петербург : Алетей, 2012. С. 121.

нию к лингвистическому повороту» формуле «iconic turn»¹. Причем нас в этой формуле интересует, прежде всего, разрез, констатирующий visual turn. Кстати, вместе с iconic turn Т. Митчелл ввел в философский дискурс иное понятие — pictorial turn, трактующий образ как «инструмент политики репрезентаций»². Несмотря на разницу в терминологии, оба понятия указывают на то, что на рубеже XX—XXI вв. визуальный образ превратился в то, что влияет на сознание человека и созидает его. Вместе с тем, во втором десятилетии XXI в. понятие поворота (будь то иконический или изобразительный) утратило свою актуальность, ибо множество визуальных образов, присутствующих в нашем бытии уже не новинка, но норма. Поэтому мы будем придерживаться позиции, согласно которой понимание современной реальности укладывается в рамки иконической повседневности, где медиа осмысляется как неотъемлемая часть повседневности.

С позиции иконической повседневности любопытно взглянуть на подходы к осмыслению медиа, сложившиеся в философии и смежных ей дисциплинах. Об истории становления медиа, проблемах и этапах медиафилософии написано достаточное количество работ³, потому на позициях конкретных исследователей останавливаться не будем, они раскрыты.

Однако обратим внимание на то, что в современном философском дискурсе успели укорениться два подхода к пониманию медиа. Условно назовем их классическим немецким подходом, выработанным в медиафилософской традиции⁴ и американским подходом с установкой на популярную философию⁵. Разница в этих подходах кроется в инаковом понимании медиа. Если в медиафилософской традиции из медиа создается теоретический и методологический каркас, который осмысляется с позиций онтологии и эпистемологии, то

¹ *Инишев И. Н.* «Иконический поворот» в теориях культуры и общества // Логос. 2012. № 1. С. 187.

² Там же. С. 188.

³ *Кириллова Н. Б.* Медиалогия. Екатеринбург : Академический Проект, 2015. 424 с. *Савчук В. В.* Медиафилософия: приступ реальности. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2013. 350 с. *Чубаров И., Рябова А.* Медиа, медианаука и философия медиа // Логос. 2015. № 2. С. 92—105.

⁴ *Камнер Д.* Тело. Насилие. Боль. Санкт-Петербург : Изд-во РХГА. 2010. 176 с.

⁵ *Irwin W., Conard M., Skoble A.* The Simpsons and Philosophy: The D'oh! of Homer. Blackwell Publishing. The Blackwell Philosophy & Pop Culture Series.

в границах поп-философии визуальные медиа — это инструмент, посредством которого зритель может воспринять отдельные философские идеи.

Не без влияния В. В. Савчука (и его работы, ставшей манифестом медиа в отечественной медиафилософии¹) в дискурсе отечественной философии закрепился теоретический подход к осмыслению медиа. В этом подходе утвердилась позиция, согласно которой медиапродукт есть то, что изменяет человека (и, как правило, далеко не в лучшую сторону), но не то, что способно дать медиапользователю нечто конструктивное. Этот подход можно проиллюстрировать на примере концептов видеомании и видеофилии, указывающих на человека как потребителя видео, зависимого от него и поработанного им. В свою очередь, многие фильмы, а за ними и сериалы, стали постепенно выводить осмысление видео за рамки означенного подхода. Если следовать идее Цицерона о том, что философ является возделывателем мудрости, то на протяжении XX в. зритель эволюционировал от банального потребителя видео до возделывателя идей, заложенных в видео. Назовем такого зрителя видеограундером — тем, для кого видео превращается в поле для возделывания; результат возделывания — рефлексия и саморефлексия. Видеограундер есть современный *spectator*, кто вступает в диалог с медийным продуктом, кто осмысляет внешнее и внутреннее бытие посредством тем и идей, что заложены в этот медийный продукт.

Проблема диалога пользователя продукта медиа непосредственно с самим продуктом не нова. Проследим ее в сравнении классического романа с современным сериалом.

В культуре западноевропейского Нового времени роман (*novel*) был особым инструментом, который позволял читателю в понятной и доступной форме не только приятно провести свободные часы, но и получить важные знания об окружающем мире: отношениях людей, актуальных культурных кодах и паттернах мышления, поведения человека, найти образцы и модели для подражания. Если в первом случае роман «проглатывался» за считанные дни, а то и часы, то во втором — медленно и вдумчиво читался, научая читателя сопереживать героям, рефлексировать над собственным бы-

¹ Савчук В. В. Неизбежность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability (дата обращения: 04.09.2023).

тием, обсуждать с Другим представленные в тексте сюжеты. Внутренний опыт человека не подлежит изображению, но «просит» своего изображения в конкретной форме. До середины XX в. популярным вариантом трансляции такого опыта был роман, «толщина» которого с конца XIX в. в западных странах постепенно «облегчалась», приходя к удобному для жителя мегаполиса формату pocketbook (карманная книга). Впрочем, в начале XXI в. благодаря гаджетам в моду возвращается «толстый» роман.

При этом популярные произведения постоянно подвергались критике со стороны «столпов морали» как развращающие молодежь, бегущую с романом от реальности. Например, в США на протяжении XIX в. даже действовал специальный нормативный акт Comstock Law (Закон Комстока), который вопреки декларированной свободе слова позволял преследовать и запрещать к изданию произведения М. Твена, У. Уитмена, Т. Харди, Б. Шоу и др. Под действие этого закона попала и «Крейцерова соната» Л. Н. Толстого.

Сегодня аналогичной критике, а иногда и прямому запрету, подвергаются популярные медиапродукты: от развлекательных шоу до видеоблогов на youtube. Вместе с тем в результате колоссальных трансформаций (социальных, экономических, политических) современный человек с середины XX в. начал говорить на языке масс-медиа — рекламы, комикса и телевидения.

В конце XX в. телевизионный сериал прочно занял место романа в глазах и сердце современного пользователя массовой культуры. А в XXI в. творцы «новых» сериалов решили «слить» культуры элитарную и массовую, создавая произведения искусства, доступные миллионам. На телеэкраны вышли сериалы, экранизирующие классические романы («Гордость и предубеждение» (1995), «Мастер и Маргарита» (2005), «Война и мир» (2007 — Россия, 2016 — Великобритания), «Преступление и наказание» (2007) и т. д.). Это уникальные художественные продукты, особые интерпретации текста, фактически — самостоятельные визуальные миры, продолжительность эпизода которых в некоторых случаях достигала средней продолжительности полнометражного фильма.

В условиях тотальной ризоматичности с необходимостью следует признать раздробленность поля публичной дискуссии. Если в век модерна элементом, это поле организующим, был роман, то сегодня это место уверенно занимает «новый»

сериал. Эта прееменственность обусловлена несколькими факторами:

- налицо пролонгированность обоих произведений и «порционность» их подачи (главы в романе, эпизоды в сериале);
- множественность героев и сюжетных линий, из которых можно выделить главные и второстепенные;
- эмоциональная связь читателя / зрителя с героем или сюжетной линией произведения;
- наконец, с целью актуализации повседневности и в романе, и в сериале вычленяются «проблемные» моменты, в том числе, критика социальной реальности, вокруг которой выстраивается повествование.

По словам З. Баумана, состояние медиакультуры можно охарактеризовать как «жидкий модерн» / «текучую современность». Сегодня основы, опоры групповой идентичности заменяются индивидуальными основаниями, которые становятся весьма пластичными под влиянием информационного поля. Протеевская модель поведения, согласно которой Я меняется в зависимости от конкретной ситуации и всякий раз транслирует новый образ, поддерживается новыми технологиями, например, социальными сетями. При этом современный человек не становится хуже человека предыдущих поколений; Номо Modernus обучается жить в специфических условиях современной культуры, доминантами в которой выступают потребление и невероятная информационная нагрузка на потребителя. Самотрансформируясь под влиянием социокультурных факторов, человек фактически осуществляет «технологию себя»¹, и это приближает его к достижению истинного Я. Человек стремится к изменению, трансцендированию, реализуя свою подлинную сущность через постоянное преодоление заданных границ, бесконечно вариативное поведение.

Сериал «Westworld» (в российском прокате «Мир Дикого Запада» производства «НВО», крупнейшего на сегодняшний день производителя продуктов масс-медиа) вышел в октябре 2016 г. и сразу получил статус культового не только благодаря звездному составу (Э. Хопкинс в главной роли), качественной работе сценаристов, что держат зрителя в напряжении до последних кадров финального эпизода, интуиции продюсеров, уделивших достойное внимание музыке, декорациям, работе консультантов. «Westworld» задал невероятно сложную и мно-

¹ Фуко М. Технологии себя. URL: [http:// www.intelros.ru/ pdf/logos_02_2008/04.pdf](http://www.intelros.ru/pdf/logos_02_2008/04.pdf) (дата обращения: 04.09.2023).

жественную философско-антропологическую проблематику, обращающую человека к вопросам о сути и природе своего существования.

В сериале — прогноз на ближайшее будущее, в котором потребность человечества в самодеструктивных развлечениях увеличилась в геометрической прогрессии. Андроиды, «созданные по образу и подобию человека», но лишённые алчности, страха, зависти, ненависти, могут быть светлее и чище, человечнее своих создателей. Но насколько эти антроиды являются людьми? Что вообще такое «я существую?» Если тело и программу антроида создают люди, то самих людей как существ биопсихосоциальных делает человеком социум.

В сериале формирование сознания антроида продемонстрировано через постоянный внутренний диалог, через проговаривание и глубокую рефлексию человекоподобными существами своих экзистенциальных состояний: свободы, тревоги, отчаяния, страха. Это своеобразная философская практика, когда сложный смысложизненный вопрос, заданный в самой простой форме, становится отправной точкой для человека в путешествии в свою глубину, в самосознании и самоосмыслении.

Именно поэтому в фокусе сериала «Westworld» не секс, кровь и насилие, а проблема человека-творца в его противостоянии с банальным «потреблятельством»¹, с ситуациями сиюминутной выгоды. В аудиовизуальном формате вновь являет себя диалектика раба и господина, когда раб устремляется к бытию человеком, но не обладает свободой, не может совершать выбор и утверждать его результаты; раб идет на поводу жаждущей низкопробных развлечений толпы, уничтожая искусство, пряча за красивые формы избитые штампы, провозглашая отсутствие смысла и вкуса. Сериал актуализирует философскую проблематику, как бы спрашивая своего зрителя: как далеко готов ты зайти, человек, убегая от своей скуки и самого себя? Где она, граница человеческого, и при каких условиях человек со своим бесконечно вариативным поведением готов пересечь этот последний рубеж, превращаясь из Я в Другого, из Другого в Чужого?

Spectator продуктов медиа может быть «внешним», бездумно проводя свободное время, буквально скользя по поверхностям узнаваемых и легко считываемых смыслов. Фактически это

¹ Грааф Дж. Д. Потреблятельство. Болезнь, угрожающая миру. Москва : Алгоритм, 2016. 368 с.

состояние можно проинтерпретировать как Studium, в котором создатели сериала и его зрители находят своеобразный консенсус, достигаемый на основе коллективного опыта, актуальных и активно транслируемых трендов сегодняшнего дня. Такое взаимодействие позволит Onlooker'у насладиться сюжетом сериала, декорациями, шутками, образами персонажей, но не затронет глубины сознания зрителя. Вместе с тем, во время просмотра зрителя «кусает» Punctum, когда нечто на экране, некая деталь, возможно, даже не предусмотренная создателями медиапродукта, станет тем самым острием, которое нанесет укол spectator'у, вырвет его из установок Studium и вовлечет в состояние рефлексии / саморефлексии. Сериал здесь не источник иллюзии жизни, не имитация переживаний и отношений, а тот инструмент, что напоминает вдумчивому зрителю об остроте существования, позволяет артикулировать смысложизненные проблемы, а, возможно, и найти пути и возможности их решения. Сериал превращается в то, что открывает пространство «живого» философского диалога для зрителя. Место вдумчивого философа-консультанта, тем не менее, занимает медиапродукт, то, что не имеет готовых ответов, но зачинает рефлексивную активность своего Onlooker'a.

Поэтому мы называем современного spectator'a рефлексизирующим пользователем продуктов медиакультуры. Onlooker не молча потребляет предоставленное «извне», но «изнутри» влияет на работу производителей медиапродукта посредством активной обратной связи (рейтинги просмотров и глобальные фэндом-сообщества, объединяющие тысячи зрителей). Особенностью медиакультуры XXI в. можно назвать то, что сегодня не только «владельцы» масс-медиа решают, что именно будут показывать, но зритель фактически формирует то, что будет смотреть. Благодаря наследию Нового времени (всеобщему основному образованию) одной из черт современного зрителя является высокий уровень интеллектуального развития и умение владеть современными средствами коммуникации. Под влиянием таких spectator'ов, находящихся в постоянном поиске своего Punctum, масс-медиа становятся все более smart; не легкость их замены и переключения в тренде; современные продукты медиакультуры несут «живые» ответы на интеллектуальные и эмоциональные запросы аудитории. Это уникальная философская практика, реализуемая в медиаформате, что не дает настоящему искусству погибнуть в доминанте безудержного потребления.

Свобода человека и человекоподобных существ¹

Рассматривается проблема свободы, нашедшая выражение в философских трактатах, художественных, аудиовизуальных произведениях. Использование техники и желание человека экспериментировать с самим собой обеспечивают действительные процессы изменения человеческой природы, например, киборгизацию. Фантастические произведения аккумулируют основные страхи, накопленные человечеством, связанные с желанием сохранить «слишком человеческое», в том числе, свободу.

Актуальность данной темы обусловлена рядом причин: во-первых, XX и XXI столетия устойчиво ассоциируются со временем бурного расцвета технологий и техники, коренным образом изменивших жизнь человека, а потому сосуществование человека и «второй природы», созданной homo sapiens, вызывает острые дискуссии о положительном или отрицательном влиянии на создателя его творений; во-вторых, человек, используя разнообразные технические достижения, по-прежнему экспериментирует с собственной природой; в-третьих, именно в конце XX и начале XXI в. появляются специальные области знаний, такие как биоэтика, озадаченные диссонансом технического прогресса и сохранением человеческого в человеке.

В связи с перманентным экспериментированием человека над самим собой актуальность биоэтики и решение проблем, связанных с человеком как целостностью, едва ли не растут по экспоненте.

¹ И это плато вновь подготовлено в соавторстве с А. А. Дыдровым.

Человек в поисках определения самого себя наталкивается на бесчисленные подводные камни. Невозможно, кажется, установить пределы существу, которое открыто миру, постоянно «размыкает» собственные границы и устремляется вовне. Объектом для человека выступает и он сам, а не только внешний мир. Для того чтобы познать самого себя, а впоследствии работать над собой, базируясь на истинном знании, а не на домыслах, человек интегрирует технику в свой жизненный мир (а быть может, интегрируется в мир техники), «вскрывает» себя, исследуя тело и пытаясь решить «загадку души».

Посягая на знание о самом себе и собственном мире, человек концептуализировал действительность. Один из концептов — свобода — по сей день является, пожалуй, наиболее труднодостижимым. Некоторые ученые объявили свободу фундаментальной антропологической константой, а вот содержание этой постоянной остается весьма туманным.

Проблема свободы, как бы смутно она человеком не понималась и как бы далека не была от своего решения, находила и находит выражение не только на страницах философских трактатов, но и в литературно-художественных и аудиовизуальных произведениях. Не следует останавливаться на том, какие преимущества в передаче тех или иных идей нередко возникают у создателей художественных произведений в сравнении с авторами философских трактатов.

В ряду художественных произведений, в частности в произведениях кинематографии, представлен довольно яркий портрет свободного человека будущего. Выразительность портрета обеспечена контрастом с образами несвободного существования. Эмпирическим материалом исследования послужили многосерийные фильмы — «За гранью» («Fringe», 2008), «Эйч Плюс. Трансгуманизм» («Н+», 2012), — рассматривающие проблему свободы человека в смоделированном мире, в котором реализованы идеи трансгуманизма — течения, претендующего на укрепление институционализации, на обобщение возможных и оптимальных путей развития всего человечества. Интересен тот факт, что образ человека будущего эксплуатируется значительным массивом художественных произведений. Кинематографические продукты «Терминатор» (1984), «Аватар» (2009), «Вспомнить все» (2012) и некоторые другие также выстраивают образ человека в будущем, который опирается на новейшие научные и техни-

ческие достижения. Но в трансгуманистической традиции ориентация наблюдается не столько на достижения в науке и технике, сколько на процесс синтезирования обозначенных технологий с человеческой плотью, более того анализируются возможные социальные последствия синтеза человека и образцов высоких технологий.

Поэтому в многосерийных фильмах «За гранью» («Fringe», 2008), «Эйч Плюс. Трансгуманизм» («Н+», 2012) человек будущего представлен не только и не столько как полноценное биосоциокультурное существо, сколько как «усовершенствованная» особь. Слово усовершенствование в данном случае уместно взять в кавычки, ибо, сообразуясь с позицией создателей художественных произведений, существование особи бесконечно удалено от воплощения идеала. Нередко «модернизация» человека происходит именно на основе техники и наукоемких технологий. Парадокс заключается в том, что, несмотря на видимое совершенствование тела и внутреннего мира самого человека (которого достаточно трудно назвать человеком, исходя из традиционных представлений о человеке и его сущности), свобода *homo sapiens* значительно ущемлена. Проводниками «усечения» свободы выступают именно высокоразвитые научные технологии.

Многосерийный фильм «Трансгуманизм» является, по существу, ярким примером сравнительно нового жанра — киберпанк. Оформление сюжета — размышления Джона Каберры и Казимо де Томмазо о том, что было бы, если каждому (или почти каждому) человеку был вживлен в мозг компьютерный чип, связывающий носителя по сети Интернет со всеми иными жителями планеты Земля. Внешняя сторона подобного акта весьма впечатляюща: компьютерный чип, вживленный в кору головного мозга человека, значительно упрощает жизнь обладателя продукта высоких технологий. Даже невозможно представить себе всех преимуществ: организация различного рода конференций не требует подъема с домашнего дивана; оформление покупки разнообразных товаров посредством лишь пары ключевых фраз; вообще одновременное совершение нескольких дел (своего рода «цезарианство» века *Ni-Tech*). Не требуется прибегать к услугам «гаджетов», достаточно лишь оперировать ключевыми фразами¹.

¹ Эйч Плюс / Трансгуманизм [Видеозапись] / реж. Стюарт Хэндлер ; в ролях: Х. Херцшпрунг, А. Денисоф, Ш. Ганн, Д. К. Роджерз. США, 2012. Фильм вышел на экраны в 2012 г.

Один из основных эпизодов сериала иллюстрирует противоречивость сосуществования человека и высоких технологий. Устройство (чип) встречается среди обывателей как восторженные возгласы («оно поможет справиться даже с теми болезнями, что считались неизлечимыми!»), так и пессимистические замечания («разве могут ирландцы сделать что-то порядочное?!»). Обыватели настроены к внедрению чипов негативно, даже не вполне осознавая мотивов неприятия. Неизвестность, которую влечет за собой процедура вживления, порождает страх — неотъемлемый «наполнитель» существования человека. Наивно полагать, что Hi-Tech избавили человека от страха, гораздо реалистичнее — предположение противоположного.

В первой серии («Н+», сезон 1, эпизод 1 «Поездка под землей») все носители чипов, а по сути, марионетки в руках своих создателей, начинают невольно отключаться из-за какого-то «загадочного» вируса в сети. Отключение системы питания имплантата проходит для человека отнюдь не безболезненно: оно равносильно не обмороку, а коме. Вирус, конечно, искусственное творение, а потому свобода по перемещению в Сети оборачивается зависимостью от сил, контролирующих Сеть. Массовая истерия («весь мир может сдохнуть!») не случайна и вполне оправдана. Пока каждый человек наделен устройством, то и зависим от создателя данного устройства в той мере, в какой сам создатель эту зависимость спроецировал. Изъятие чипа равнозначно погружению в летаргический сон.

Не все люди высоко ценят имплантаты. Так, один писатель на предложение расширить свои возможности посредством чипа отвечает отказом, акцентируя внимание на том, что предпочитает непосредственно взаимодействовать с людьми. Сеть позиционируется писателем как поле близости, как совокупность персонифицированных элементов, каждый из которых в отдельности равным счетом ничего ценного собой не представляет. Показательно и то, что у доктора, занимающегося вживлением чипов, имплантат отсутствует.

Техническая новинка, вживленная в человека, на первый взгляд, способствует образованию симбиоза — сосуществования на основе взаимовыгодного сотрудничества. Симбиоз этот становится иллюзорным тогда, когда лишь индивидуум зависим от техники, а обратной зависимости не наблюдается. Существенное влияние на мир техники, в особенности,

если речь идет о ликвидации всех или некоторых «плодов прогресса», равносильно утопическому «возврату к природе». Встроенный в голову чип, в общем, есть средство реализации каких-либо возможностей, не доступных человеку вне со-бытия с техникой. Тем не менее, всегда возможно увидеть и реверс «медали» прогресса.

Одна из героинь сериала выражает, по существу, основную мысль, в которой представлена квинтэссенция тревоги: неужели имплантат позволит читать мысли? Героиню беспокоило вовсе не то, что она сможет влезть в голову к кому-либо, а то, что в ее сознание сможет проникнуть некто другой. Этот некто представляет собой неизвестность, абсолютную неопределенность. Попытки определить того, кто проникает в сознание, равняются домыслам. Чуждая сила, контролирующая сознание, читающая мысли, словно страницы книги, а также страх, возникающий при реальном или вымышленном существовании такой силы — вот сущность оборотной стороны со-бытия человека и высоких технологий.

Преимущества, предоставляемые техникой, наличествуют вместе с несравнимо большими угрозами существованию человека. Так, чип позволяет главному герою рассказа У. Гибсона хранить сотни мегабайт информации. Кажется, персонаж рассказа не в состоянии ничего забыть, ибо активна в данном случае не память как остов всякого опыта. Несмотря на то, что чип встроен в голову героя, обладание им — лишь кажимость. Джонни Мнемоник квалифицирует себя как «идиотвсезнайка»: чип хранит гигантские информационные ресурсы, а доступа к нему у героя нет. Самоопределение героя в этой связи весьма симптоматично: Джонни — «кусочек мяса», битком набитый имплантированными чипами памяти, в которых хранят «грязное белье» иные люди. Человеческое существо, таким образом, превращается в данном случае в «склад» информации, его свобода не распространяется на эту информацию. Напротив, на эти информационные ресурсы распространяется вседозволенность других людей. Невозможно жить — весьма философски замечает Джонни Мнемоник, не оставляя следов, «кусочков» информации, которые всегда могут быть извлечены. Ядром несвободы героя является не только и не столько неспособность распоряжаться собственным телом (например, после воздействия парализатора), сколько невозможность распоряжаться сознанием. Точнее, внутренний мир Джонни словно разделен на зоны, чуждые

друг другу: область своего и область чужого. Их сосуществование вызывает перманентный дискомфорт, так как герой как будто не имеет своего я, хотя рефлексировать, называя себя информационным «складом», и именно рефлексия выступает источником дискомфорта¹.

Одной из высших точек сосуществования человека и техники, представленной в художественных произведениях, все же является не вживание в плоть человеческую материалов новейших технологических разработок, а создание роботов на биологическом материале: устройство машины синтезируется с человеческой природой (точнее с тем, что считалось и считается «слишком человеческим»). Такой синтез представлен в американском научнофантастическом телесериале Дж. Дж. Абрамса «За гранью» посредством введения в канву повествования так называемых «оборотней». По сравнению с людьми они обладают рядом преимуществ: развитые физические возможности, например, в сравнении с возможностями человека; отсутствие необходимости в питательных веществах и, наконец, способность менять личины. У «оборотней» сложно отыскать лицо, но легко увидеть лица. Обстоятельства смены личин фундированы условиями войны. «Оборотни» — агенты, реализующие заложенную в них создателем программу по уничтожению мешающих военной операции лиц².

«Оборотни», таким образом, являются относительно сложными программами; они имеют алгоритмы действий и нарушить их не могут, поскольку наличествует абсолютная зависимость «оборотня» от его создателя. Без программы «оборотень» — ничто, он не выполняет никаких функций. Без труда можно заметить и ограничение естественной человеческой природы, производимое посредством создания совершенного оружия уничтожения.

Техника, будучи воплощением прогресса, опредмеченной идеей, ориентированной на улучшение условий жизни всех и каждого, вполне вероятно, уже никем из ученых не рассматривается исключительно с позиций оптимизма. Невозможно даже предположить, что существует развитие только со знаком «+». Потому в реалиях разбиваются надежды на всеобщий комфорт и мечты о светлом технологическом будущем. Как

¹ Гибсон, У. Джонни Мнемоник. URL: <http://lib.ru/GIBSON/johnmnmn.txt> (дата обращения: 04.09.2023).

² За гранью [Видеозапись] / реж. Джо Чэппелл, Брэд Андерсон ; в ролях: А. Торв, Д. Джексон, Д. Ноубл, Л. Реддик, К. Асеведо, Б. Бранун, Д. Николь; США, 2008. Фильм вышел на экраны в 2008 г.

писал Х. Ортега-и-Гассет, техника позволяет достичь счастья с «избытком», насладиться «излишествами», присутствовать в мире «с благом и удобством»¹. Видимо, за удобство необходимо платить, и человек платит, прежде всего, усечением или полной ликвидацией свободы; он вновь и вновь видит то, что уже не в состоянии по собственному усмотрению направить вектор жизни «второй природы», ощущает относительную или абсолютную зависимость. Зависимость от техники выражается как в том, что человек испытывает прямое, непосредственное влияние плодов прогресса (его внутренний мир синтезирован с программой, основанной на алгоритмах), так и в том, что человек не может даже помыслить о полноценном существовании без и вне техники. Авторы многочисленных фантастических произведений, в частности трансгуманистической ориентации, предлагают читателям и зрителям гротескные картины зависимости создателя от своего творения. Тем самым реализуется ценностно-ориентирующая функция, воплощается гуманистический потенциал художественных произведений. Современный человек в действительности (а не только на страницах книг) уже безмерно далек от того, чтобы воплотить надежды М. Хайдеггера и отрешиться от техники². Образ человека будущего органично встраивается в новейшие достижения науки и техники, что требует пересмотра его свободной составляющей в контексте философских исследований. Трансгуманизм является институционализированным течением, привлекающим все большее число сторонников среди представителей самых различных страт. Такое внимание к течению не случайно. Все более человек становится «площадкой» для опытов над самим собой, все более, как писал Ж. Делез, силы кремния берут реванш над силами углерода. Вероятно, грядущий мир — мир делезовских «сверхчеловеков», а возможно, мир поработанных вирусом любителей высоких технологий.

¹ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике. URL: <http://philosophy.mitht.ru/ortegaigasset.htm> (дата обращения: 04.09.2023).

² Хайдеггер М. Отрешенность...

Дрейф по Интернету: современный человек как номад XXI века

Предметом плато является портрет современного номада. Составление этого портрета происходит посредством обоснования связи нового номада с номадами предшествующих эпох, выявления ключевых черт через соотношение с феноменами и артефактами действительности, к которым следует отнести Интернет и портативную технику. Работа с публикациями из базы данных Scopus утвердила актуальность проблемы: многие авторы из широкого диапазона отраслей научного знания обращаются к термину 'номад' в названии, ключевых словах или аннотации своих работ, но термин фигурирует в этих работах как бы случайно. Это демонстрирует размытость терминологических (прежде всего, смысловых) границ номада в современном исследовательском пространстве, и, следовательно, указывает на необходимость метадисциплинарного исследования современного номада. Такой мета-дисциплиной может выступить философия.

Введение. Некоторые артефакты способны определить специфику исторической эпохи и существенно повлиять на сознание человека, сформировать его идентичность. В свое время колесо предопределило становление будущих цивилизаций и повлияло как на бытие оседлых, так и на существование кочующих народов. В девяностые годы таким «колесом» стал персональный компьютер. А в наши дни место колеса занимают мобильные гаджеты, которые вывели кочевника из кавычек (Ф. Гиренок), обозначив его суть и плоть в XXI в.

Поэтому проблемное поле статьи сужается до прорисовки портрета современного номада, в том числе, обоснования его связи с номадами предшествующих эпох, выявления ключевых черт через соотношение с феноменами и артефактами

действительности, к коим, прежде всего, следует отнести Интернет и портативную технику.

В исследовательском поле феномен номадизма вышел из рамок монодисциплинарного пространства (антропология и археология) в сферу междисциплинарных и метадисциплинарных исследований. Исходной точкой статьи стала концепция номадологии, проработанная философами-постмодернистами Ж. Делезом и Ф. Гваттари. При погружении фигуры номада в тело Интернета интересной становится психогеографическая позиция мыслителя XX в., художника-авангардиста Г. Дебора. Здесь интересна даже не сама концепция психогеографии, а способ, которым новый географ перемещался по городскому маршруту — дрейф.

С целью понимания того, в каких исследовательских практиках живет сегодня термин «номад», обратимся к данным международной реферативной базы Scopus¹. На свой запрос по ключевому слову ‘nomad’ было получено 3347 документов в период с 1908 по 2019 гг. В обозначенной хронологии наибольший интерес к этому термину прозвучал в 2012 г., когда было опубликовано 207 работ, в названии, аннотации или ключевых словах которых присутствовал термин ‘nomad’. В последующие годы интерес к этой теме стал незначительно ослабевать. Так, статистика за последние три года демонстрирует, что в 2016 г. было опубликовано 195 работ, в 2017 г. — 196 работ, в 2018 г. — 164 работы. Но следует оговориться, что календарно 2018 г. еще продолжается.

В анализе работ из Scopus с позиции отрасли знания, в которой было проведено исследование и по которой был опубликован материал, на первый взгляд, нет ничего примечательного. 22,9 % материалов от общего числа всех публикаций (1265 материалов) в Scopus по ключевому слову ‘nomad’ относятся к циклу социальных наук (Social Sciences), в том числе, это исследования по социологии², политологии³ и менеджменту⁴. 15,8 % (874 материала) — к циклу гуманитарных

¹ Все данные взяты с официального сайта Scopus. URL: <https://www.scopus.com> по состоянию на 24.10.2018.

² *Mattalia G., Volpato G., Corvo P., Pieroni A.* Interstitial but Resilient: Nomadic Shepherds in Piedmont (Northwest Italy) Amidst Spatial and Social Marginalization // *Human Ecology*. 2018. No 46(5). P. 747–757.

³ *Carlsen Huggrot M.* The right to vote and nomadic voter enrolment // *Citizenship Studies*. 2018. No 22(7). P. 725–744.

⁴ *Kannisto P.* Travelling like locals: Market resistance in long-term travel // *Tourism Management*. 2018. No 67. P. 297–306.

наук (Arts and Humanities). В основном, это статьи по истории¹, археологии² и антропологии³. Вполне логично даже то, что 7,0 % работ (384 документа) опубликовано в цикле исследований окружающей среды (Environmental Studies)⁴ и 6,5 % (356 документов) в работах по исследованию планет (Earth and Planetary Sciences)⁵. Выбивающимися из рамок тематики кажутся следующие направления: 8 % (444 материала) — медицина (Medicine)⁶; 7,1 % (390 документов) — инжиниринг (Engineering)⁷ и 5,4 % (297 материалов) — компьютерные исследования (Computer Sciences)⁸.

Но самые интересные результаты были выявлены при анализе авторов и организаций, с которыми аффилированы эти авторы. Так, тройку авторов с наибольшим количеством публикаций по заданной тематике составили физики-ядерщики Р. Петти, Д. Отиеро и М. Бальдо-Сеолин с 36, 34 и 34 публикациями соответственно. Более того, все три автора прямо или косвенно связаны с Европейской организацией ядерных исследований (European Organization for Nuclear Research).

¹ *Cosmo N. di, Hessel A., Leland C., Andreu-Hayles L., Cook E. R.* Environmental stress and steppe nomads: Rethinking the history of the Uyghur Empire (744–840) with Paleoclimate data // *Journal of Interdisciplinary History*. 2018. Vol. 48 no 4. P. 439–463.

² *Pétursdóttir Ю., Olsen B.* Theory adrift: The matter of archaeological theorizing // *Journal of Social Archaeology*. 2018. Vol. 18 no 1. P. 97–117.

³ *Lyailya K., Zaire S., Aigul K., Ainur M., Saule Z.* Spatial orientations of Nomads' lifestyle and culture // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. 2018. No 10(2). P. 27–39.

⁴ *Li L., Tietze D.T., Fritz A., Vьrgi M., Storch I.* Rewilding cultural landscape potentially puts both avian diversity and endemism at risk: A Tibetan Plateau case study // *Biological Conservation*. 2018. Vol. 224. P. 75–86.

⁵ *Etioppe G.* Understanding the origin of methane on Mars through isotopic and molecular data from the ExoMars orbiter // *Planetary and Space Science*. 2018. Vol. 159. P. 93–96.

⁶ *Ag Ahmed M. A., Hamelin-Brabant L., Gagnon M. P.* Sociocultural determinants of nomadic women's utilization of assisted childbirth in Gossi, Mali: A qualitative study // *BMC Pregnancy and Childbirth*. 2018. Vol. 18, no 1. P. 388.

⁷ *Apak K.* Traditional Wall Construction Technology of the Ottoman Empire in Relation to the Seismic Resistance of Bath Structures in the Marmara Region // *RILEM Bookseries*. 2018. No 18. P. 250–258.

⁸ *Bergamo O.* Surface and curves: A dialogue between nature and structural analysis in *Advances* // *Intelligent Systems and Computing*. 2019. Vol. 809. P. 173–183.

Проведенный анализ продемонстрировал то, что на данный момент проблематика номадизма принципиально размыта. Возможно, ключевой причиной этого стала нечеткость терминологических границ. С одной стороны, номад покинул бывшее материнским поле антропологических и археологических исследований. Но с другой стороны, этот термин, наверное, слишком быстро перекочевал в поле междисциплинарных исследований (технические и компьютерные науки), не успев очертить границы своих существенных характеристик, не обозначив своего места в метадисциплинарном исследовании. Таким метадисциплинарным полем для изучения феномена номадизма и фигуры современного номада, на наш взгляд, может стать философия.

Современные философы все чаще обращаются к фигуре кочевника. Если Ж. Делез и Ф. Гваттари в свое время манифестировали закат оседлых цивилизаций, то мыслители XX—XXI вв. все чаще задаются вопросом о том, как человеку существовать в ту эпоху, когда закат старых цивилизаций состоялся, а рассвета новых еще не произошло.

Отсюда особый интерес вызывают работы некоторые авторы. Например, наверное, сами того не подозревая, поле номадической проблематики расчертили отечественные философы-антропологи Ф. Гиренок и Б. Марков; один со своим анализом пата, выведшим кочевника из некогда присущих ему кавычкам; другой — с анализом постсоветской России и обращением к феномену бездомности нового россиянина. Иной акцент в проблематике выставляет французский футуролог Ж. Аттали при обращении к номадическим предметам. Г. Башляр в своей топологии расчерчивает пространство, по которому движется номад. Современные философы З. Бауман, А. Секацкий и А. Шляков обозначают предшествующие бытийные конструкции в движении номада до-современной эпохи. А черты современной эпохи взяты из работ М. Кастельса и М. Маклюэна, изучивших новые медиа.

Таким образом, в границах предметной проблематики вырисовывается фигура нового номада, его связь с предшествующими номадическими типами и его черты, на становление которых оказали влияние феномены и артефакты современности.

Методы и материалы. Исследование представленной статьи опирается на общетеоретическую методологическую базу:

анализ и синтез (прежде всего, при работе с данными из базы данных Scopus), историко-сравнительный метод и компаративный подход при работе с номадическими типами, диалектический метод при осмыслении фигуры номада через ее противоположность — фигуру агрота¹, а также в понимании дома в противоположности экзистенции². В осмыслении предшествующих современному номадическим типам и при определении черт нового номада особую важность представляет метод экстраполяции.

Теоретическую базу исследования составляют работы, обозначающие суть номадизма и причины его становления в современной ситуации.

В философии постмодернизма понятие номадизма связано с движением, становлением, интенсивностью. А. Шляков по этому поводу пишет: «Кочевник обладает территорией: он продвигается от пункта к пункту, не пропуская ни одного. Пункты, очерчивающие маршрут, сами принадлежат этому маршруту, тогда как для оседлого жителя именно пункты задают маршрут»³. Остов цитаты составляет идея о том, что

¹ В статье «Номадизм и Агротизм. К постановке проблемы» А. Шляков противопоставляет номаду фигуру агрота по следующим параметрам:

Топос агрота репрезентируется в фигуре Каина-землепашца; это весомость, мудрость и пример, ориентация на созидать, достигать и повторять, это окультуривание природы и стремление к покою и равновесию; это процесс сжатия; человек-растение; это становление дома как начала и конца любого движения;

Топос номада репрезентируется в фигуре Авеля-пастуха; это сила, статус, престиж; возможность оспоривать; ориентация на случайность; растворение в природе, движение и расширение; человек-зверь. (Шляков А. В. Номадизм и Агротизм. К постановке проблемы // Человек. 2016. № 1. С. 30—35.)

² Вот дом, а вот — экзистенция. И экзистенция отделяет человека от дома. Она гонит его за порог быта оседлых, к тому, что на обратной стороне мира. К его лицевой части. К кочевникам. Гонит и сбивает в стадо. В кочевое тело экзистенции. Но оседлость не знак, указывающий на кочевника. Она становится означающим в патовом пространстве. На поверхности целого <...> Сознание монады, кочующей по поверхности пата. В нем рационализируется желание коллективных одиночек. Бездомных в доме бытия. (Гиренок Ф. И. Метафизика пата. Москва : Лабиринт, 1995. С. 184.)

³ Шляков А. В. «Бездомность» человека эпохи постмодерна // Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия : сб. материалов науч.-практ. конф. Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. С. 360—363.

связь номада (кочевника) с движением не является специфической, ведь и представитель оседлой цивилизации тоже движется. Особенность здесь кроется в том, о *каком* движении идет речь и *что* выступает главным в этом движении. В отличие от оседлого жителя номад совершает движение ради самого движения (или маршрута), он не привязан к конкретной точке в своем маршруте, в его маршруте нет конечной точки. Отсюда поэтическим содержанием наполняется движение и образ дороги, конституируемой этим движением. А. Секацкий, гриот славянин кочевничества, определяет номадизм как опыт иного бытия, где дорога является трансцензором времени, вводит человека в иное состояние сознания. «Номадическая траектория конституируется дорогой, экстраполируемой в вечность, но даже разовый глоток пробного бытия уже пробуждает предчувствие»¹. Это предчувствие только одного, это страх номада остаться одиноким и одновременно с этим осознание, осмысление им своего одиночества. И это чистая экзистенциальная проблематика: движение по чему и почему — по бытию и потому что я вброшен (заброшен) в это бытие; и никто не способен реализовать это движение за меня или разделить тяжесть моего движения; но только в этом движении выкристаллизовывается тот, кто я есть.

Классики номадологии, Ж. Делез и Ф. Гваттари, противоположность номадизма обозначили как оседлость, имение дома, укоренение в почве. В свою очередь, номадизм — это утрата дома или вообще его отсутствие. По мнению Б. Маркова, бездомность и безродность — это ключевые проблемы современных мегаполисов:

Человек, как слабое и неприспособленное к естественной окружающей среде животное, созревает в искусственной среде обитания. Это место издавна зовется домом, и его границы постоянно расширяются по мере увеличения семьи, племени, этноса, народа. Так называемые имперские нации считали домом весь мир. Древние люди воспринимали Вселенную ... как место жизни и считали, например, океан или небо оболочкой, границей, панцирем, покрывающим Ойкумену. Родина и отечество — это два разных измерения окультуренного места обитания человека. Его можно охарактеризовать как особую теплицу, где в искусственных климатических условиях выращиваются дети. Чем больше заботы и ласки они получают, тем сильнее, умнее и красивее они вырастают. Материнское тепло и дым

¹ Секацкий А. К. Книга номада. Санкт-Петербург : Амфора, 2000, С. 113.

очага свидетельствуют о наличии теплового центра места обитания. И в имперские фазы развития человечества на улицах городов горел священный огонь, как символическое выражение отечества. Для существования и процветания людей необходима не только физическая (стены), физиологическая (тепло и пища), психологическая (симпатия), но и символическая иммунная система, ограждающая вскормленных в искусственных условиях индивидов от опасных воздействий чужого¹.

В позиции Б. Маркова дом — это место самоидентификации человека. С утратой этого места человек не лишается себя, он теряет себя. Вместо питающей его силы иммунной системы он получает пустоту и холод внешнего пространства. Идея даже не в том, что в связи с объективными историческими событиями (в примере Б. Маркова это распад Советского Союза) стены родного дома заменяются на холодные плиты высоток мегаполиса; а в том, что якобы сохранилась теплота отечества, мерцающая в симулякре родины. Эту идею Б. Маркова продолжил Ф. Гиренок:

Эпоха оседлого человечества прошла и стала прошлой. Этого не понял Хайдеггер, который тосковал по крестьянским башмакам. Эпоха прошла, но что-то от нее осталось. Например, национальное государство. Или родина. Ведь что такое родина? Место, где ты родился, где живет твоя родня. Народ без родины засыхает в своем уродстве. Но все дикие не знают родины. Это Иваны, не помнящие родства. У них нет нации, нет дома отца, то есть нет отечества, того, что вырастает само по себе. Пролетанты конструктивны в сооружении конструкций и деконструкций. Конструкция делается в горизонте поддельного. Сделанное не вечно, хотя оно и не умирает. Конструкция, как раковина, которую покинул моллюск, подлежит деструкции. Из костной конструкции убегает живое. Куда? В изначально живое, в порядочность быта бытия. Быт болен кочевниками. Но живое вечно, хотя оно и умирает².

В обеих позициях просвечивается идея тотального: на смену процветавшей эпохи оседлости («золотой век») пришло время кочующих; иных вариантов быть не могло. Что происходит с новым номадом, когда вместо родного дома он

¹ *Марков Б. В.* Бездомность человека в постсоветском пространстве // Человек постсоветского пространства : сб. материалов конф. / под ред. В. В. Парцвания. Вып. 3. Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2005. С. 324—350.

² *Гиренок Ф. И.* Метафизика пата... С. 85.

получает симулякры, когда он утратил кров и род и рискует растерять самого себя.

Позиция Ж. Аттали на этом фоне выглядит весьма оптимистично. Артефакты способны сформировать сущность эпохи. Сущность настоящего, в его видении, создают кочевые предметы:

Кочевые предметы, вторгаясь в нашу жизнь, несут целую вселенную товаров, которые на первый взгляд находятся в полном беспорядке и не связаны друг с другом. Но на самом деле они объединены одним направляющим принципом: все они созданы для манипуляции информацией — образами, формами, звуками, причем делают это на громадных скоростях, трансформируют услуги, оказываемые вам другими людьми, в предметы, одновременно полезные и портативные, производимые в ходе индустриального процесса <...> Я выбрал слово «номад» вполне намеренно. Это понятие, по моему мнению, не только отлично характеризует будущие предметы, но это еще и ключевой термин для обозначения культуры потребления и определения стиля жизни в будущем тысячелетии¹.

При сопоставлении позиции Ж. Аттали с современной ситуацией можно подивиться прогностической точностью футуролога. Современный человек и в самом деле живет в так называемом окружении кочевых товаров: от смартфона и портативного компьютера до личного автомобиля и дома на колесах. И, кажется, что в этом прогнозе мы уцепились за то, что как утраченное оплакивают отечественные философы. Но все, что мы получаем у Ж. Аттали, это еще более страшный прогноз: «Можно предположить, что в конце такой культурной мутации и сам человек превратится в кочевой предмет. Со вставленными в него искусственными органами он станет и сам искусственным существом, которое можно будет купить или продать, как любой другой предмет или товар. Фантастика?»² В дискурсе самого Ж. Аттали, где все продается, доказав свою эффективность, представленный прогноз не кажется фантастическим. Более того, не кажется он и страшным, ведь по факту человек (если подобное понятие в этом контексте еще приемлемо), усовершенствовав себя искусственными органами, только поднимет свою продажную стоимость, на которую сможет приобрести еще

¹ *Аттали Ж.* На пороге нового тысячелетия. Москва : Международные отношения, 1993. С. 151.

² Там же. С. 186.

большее количество вращающихся вокруг него кочевых товаров.

Утвердившись в позиции о том, что современный человек реализует номадическое движение, и, согласившись с тем, что кочевые товары инициируют и определяют характер этого движения, зададимся последним вопросом из теоретической базы: о каком движении идет речь. В этом вопросе исследование обращается к психогеографическим разработкам Г. Дебора и теории дрейфа как способу перемещения по городской среде. «Дрейф — это практика чувственной миграции путем быстрого перемещения по различным атмосферам»¹. Иными словами, современный номад не плавно движется по сформированному маршруту, а дрейфует на нем; он составляет маршрут на городской местности и свободно перемещается, «управляя психогеографической динамикой за счет осознания и учета предоставляемых ею возможностей (экология города)»².

Результаты. Ключевым результатом исследования становится обозначение фигуры номада XXI в. как дрейфующего по Интернету. Этот тип номада осуществляет движение, впрочем, как и номады предшествующих эпох. Но это качественно иное движение. Чтобы определить его принципиальное отличие, обратимся к З. Бауману, осмысляющему феномен номадизма в эпоху постмодерна.

По З. Бауману, характер эпохи задает характер движения номада:

...если проблема идентичности эпохи модерна заключалась в том, как построить идентичность и сохранить ее целостность и стабильность, то проблема постмодерна прежде всего в том, как избежать фиксации и сохранить свободу выбора. В отношении идентичности, как и многого другого, ключевым словом модерна было «создание», ключевое понятие постмодерна — вторичное использование. Кроме того, можно сказать, что если материальным носителем модерна была фотобумага, то носителем постмодерна стала видеокассета с магнитной лентой (запись можно прекрасно стирать и перезаписывать). Если в новые времена главной заботой в связи с идентичностью была забота о долговечности, то сегодня заботятся о том, как уклониться от обязанностей. Модерн строился из бетона и стали. Постмодерн — из вырожденной органики — пластмассы³.

¹ Дебор Г. Психогеография. М. : Ад Маргинем, 2017. С. 80.

² Там же. С. 20.

³ Бауман З. От паломника к туристу // Социологический журнал, 1995. № 4. С. 133—154.

Именно поиск идентичности предопределяет характер движения. Актор эпохи модерна искал целостности, а постмодерна — увлекающей свободы. Это привело к тому, что номад XXI в. искомую свободу имеет, но не всегда способен найти точку сборки самого себя. Прежде формирования характеристик нового номада, обозначим черты номадов предшествующих эпох: домодерна, модерна и постмодерна (см. табл).

Таблица

Эпоха	Имя номада	Определение номада	Характеристики номада
Домодерн	Кочевник	В поисках ресурсов	<ol style="list-style-type: none"> 1. Ведет скотоводческую деятельность. 2. Находится в поисках пастбищ и иных природных ресурсов. 3. Проявляет агрессию к оседлым народам с целью завоевания их ресурсной базы
Модерн	Паломник	Движимый провидением	<ol style="list-style-type: none"> 1. Не имеет истинного места — оно всегда в некотором удалении в пространстве и времени; он находится там, где зазор между тем, чего нужно достичь, и тем, что достигнуто. 2. Ему важны только улицы, а не дома, потому что дома искушают возможностью отдохнуть, расслабиться и забыть о назначении. 3. Не просто идет, а куда-то направляется, осуществляет целенаправленное движение
Модерн	Бродяга	Безместный	<ol style="list-style-type: none"> 1. Не знает, куда двинется дальше, и не имеет путевой карты, так как его маршрут складывается по кусочкам. 2. В любом месте он может сделать привал, но никогда не знает, надолго ли задержится. 3. Везде является чужим; нигде не будет «здешним», «местным», «пустившим корни в землю»

Окончание таблицы

Эпоха	Имя номада	Определение номада	Характеристики номада
Постмодерн	Фланер	Эстет	<ol style="list-style-type: none"> 1. Находится постоянно в толпе, но не принадлежит ей. 2. Не встречается с Другим, а реализует как бы случайные пересечения без взаимных влияний. 3. Прядет истории других людей из увиденных фрагментов жизней других людей без последствий; играет в сценариста и режиссера там, где узкие улочки Европы превратились в театральную сцену
Постмодерн	Турист	Наслаждающийся	<ol style="list-style-type: none"> 1. Хочет погружения в незнакомую, экзотическую атмосферу, но при условии, что от этой атмосферы можно будет избавиться в любой момент. 2. Выбирает безопасные места для своих туристических вылазок. 3. Его мир целиком структурируется по эстетическим критериям
Постмодерн	Игрок	В поисках приятной жизни	<ol style="list-style-type: none"> 1. Взрослый полностью окунается в игру так, как это делают дети. 2. Видит Другого прежде всего как объект эстетической, а не моральной оценки; индивидуальная автономия выше моральных обязанностей. 3. Находится в поисках ведения приятной жизни; в этом дискурсе государство обязано предоставлять своим гражданам средства, которые считаются необходимыми для ведения такой жизни

Номады предшествующих эпох, как и артефакты настоящего, повлияли на формирование номада современной эпохи. Это обезличенная (или имеющая кодовое имя — ник) единица, плавающая по потокам и сгусткам информации. Номад XXI в. дрейфует по Интернету, что подобно прогулке по доменам. Информация некоторых доменов привлекает его

больше, поэтому на одном домене он может задержаться на минуту, час и даже сутки.

Интернет для номада есть информационное море, в котором либо распадается, тонет еще не оформившаяся идентичность, либо происходит созидание человеком самого себя, реализуется встреча с собой и обретается искомое Я.

Как и у номадов предшествующих эпох, у номада XXI есть особенные черты. К ним можно отнести:

1. Непривязанность к месту. Из внешних связей осталась только IP-адрес, который способен определить страну, Интернет-провайдера и населенный пункт. Но уже сегодня многие сервисы, анонимайзеры, позволяют скрыть реальный IP.

2. Сам пользователь в сети не зафиксирован одним именем; количество имен (вернее, ников) не имеет ограничений; за каждым новым именем может скрываться иная идентичность. Это порождает феномен плавающей идентичности.

Обе характеристики указывают на анонимность номада в Интернете. Если обратиться к ставшей классической сюжетной линии научно-фантастического боевика Э. и Л. Вачовски «Матрица» (The Matrix, 1999), то вначале фильма протагонист ведет двойную жизнь с разными именами и разной судьбой. И жизнь, кажущаяся виртуальной, становится реальной.

3. Путешествие по доменам открывает для пользователя сети возможности путешествий к иным социальным группам, культурам и даже языкам, странам. Это расширяет кругозор номада, раскрывает рамки его мировоззрения.

4. Сегодня Интернет не есть только развлечения за фиксированную плату; это возможность заработка и связанным с ним финансового и профессионального роста.

5. В свою очередь, погружение в медийный контент Интернета, тем более, в тело видеоигр, стирает в сознании пользователя границы между реальным и виртуальным. С одной стороны, это открывает для номада потенцию презентовать самому себе и внешнему миру некоего идеального Я, того, кем он не является, но кем желает быть. С другой стороны, это создает новые угрозы идентичности (сознание человека) и его аутентичности (его поведение).

6. Перефразируя М. Маклюэна, можно сказать, что механическая эпоха расширила тело человека в пространстве, а электричество и Интернет расширили до вселенских масштабов

центральную нервную систему и упразднили пространство и время¹. Иными словами, посредством электричества и Интернета номад преодолел те барьеры, что раньше казались непреодолимыми: длительность дневного света, предопределявшего длину рабочего времени; положение тела в пространстве и во времени, полагавшего статику сознания (что непосредственно представлено моему взору, то и осмысляю); наконец, барьеры в коммуникации. Так, сегодня вне зависимости от нахождения своего тела на карте земного шара (главное, чтобы были электричество и Интернет) номад потенциально открыт всему миру и даже Вселенной (хотя Вселенная не отвечает подобной открытостью).

7. Интернет, созданный для реализации свободной коммуникации между отдельными людьми и социальными группами, способствует формированию меритократических групп,двигающих экономику, культуру и технологии². Существование меритократических групп в Интернете не подвержено консервативным законам, по которым существуют «реальные» социальные группы. Поэтому новый номад может осуществить свободный вход в одну из этих групп (или создать свою группу) и такой же выход из группы. Само участие (присутствие) в группе предопределяет активность номада и формирование им ответственной позиции за совершенные действия.

Обсуждение. З. Бауман, опираясь на работы Дж. Шварца, различил тоску по дому и ностальгическую грусть. Если последняя ориентирована в прошлое, то первая — это настоящая потребность настоящего, желание признать границы своими и принадлежать им. «Тоска по дому — это мечта о том, чтобы при(над)лежать месту, мечта не просто быть “в”, но быть “из”»³. Различение *в* и *из* предлагает инаково взглянуть на феномены утраты корней (по М. Хайдеггеру) и потери дома (по Ф. Гренку и Б. Маркову). С одной стороны, прописка в паспорте и физические стены квартирки не выступают гарантом того, что у Я есть дом; но с другой стороны, нахождение в движении, перемещении и становлении без явной привязки к физическому месту не утверждает того,

¹ Маклюэн М. Понимание медиа. Внешние расширения человека. Москва : Канон+, 2003. С. 8.

² Кастельс М. Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе. Екатеринбург : У-Фактория, 2004.

³ Бауман З. От паломника к туристу...

что у номада нет дома. Номадизм как оппозиция оседлости с необходимостью не противостоит и укоренности, так же как и оседлость не тождественна прорастанию корней.

Снятие противоречия между номадизмом и укоренением может указать на одну из целевых установок движения. Ведь человек всегда движется не только *как*, но и *почему*. Возможно, в движении номад ищет самого себя, находится в обнаружении того *из*, что может выступить искомой точкой сборки.

Как показали результаты проведенного теоретического исследования, эпоха постмодерна обозначила переход от реального к симулятивному. В мире симулякров номад находится в поиске сиюминутного удовольствия; он эстет, жаждущий наслаждения в окружающем и требующий этого наслаждения у Другого. Интернет еще в большей степени повлиял на слияние реального и не-реального, размытие рамок между, а главное — на осмысление (вернее, отсутствие этого осмысления) номадом этих рамок. Вместе с тем, именно Интернет кроет в себе ростки спасительного. Как у М. Хайдеггера, задавшего вопрос о технике: «Чем ближе мы подходим к опасности, тем ярче начинают светиться пути к спасительному, тем более вопрошающими мы становимся»¹. Окунувшись в поток информации Интернета, новый номад не растворился в нем, но, как кажется, пока и не нашел себя. Отсюда вытекают два важных вопроса: возможно ли найти себя в Интернете? И если такая возможность есть, какой будет дорога к самому себе: через меритократическую элиту, расширение своего сознания или свободное блуждание по доменам.

Представленное исследование не дает ответы на многие вопросы. Но оно вырисовывает проблему и обозначает зачатки спасительного, которые, следуя канонам философии, возвращают нас к мысли, вопрошанию. Это исследование формулирует тематику будущих работ: на основе качественного и количественного изучения живого (мыслящего, чувствующего, сознающего свое движение) номада, дрейфующего по Интернету, поработать гипотезу, согласно которой номадическое движение есть тоска по дому и поиск своей точки *из*.

Заключение. Исследование ставит проблему номадизма. В постановке проблемы важное место занимает понимание того, о чем идет речь. Ведь когда мы говорим о номаде, за

¹ Хайдеггер М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие (статьи и выступления). Москва : Республика, 1993. С. 347.

сухим термином стоит реальный человек. Но даже это простое определение разрушается при использовании термина 'nomad' во многих дисциплинарных практиках: от медицины и аграрных наук, до инжиниринга и астрономии.

В свою очередь, ясность терминологии высвечивает проблематику современной ситуации времени, утверждает необходимость исследования номада по той простой причине, что сама реальность делает из нас номадов.

К началу XXI в. человек достиг многого — он подчинил влиянию своей мысли и своего тела землю, воду и даже воздух, он преодолел силу земного притяжения и стремится выйти за границы Солнечной системы. Кажется, не достиг он одного — понимания самого себя. И это неудивительно постольку, поскольку в постижении себя важно не только знание поверхности, но и проникновение вглубь. Вместе с тем, с каждой новой эпохой человек продолжает проецировать изучение предметов внешнего мира на осмысления себя, что предопределяет лишь скольжение по поверхности своего Я.

С новым временем изменился портрет оседлого человека, меняется портрет кочующего. Противостояние между ними и между цивилизациями, ими созданными, происходило всегда. Непонятно только, кто выиграл это противостояние, и обрел ли выигравший искомую идентичность. На смену дикому кочевнику пришли паломник и бродяга, их сменили фланер, турист и игрок, сегодня это пользователь Интернета. Каждый из них обладает чертами, принципиально отличающими его от других; но все они разделяют общий номадический принцип — движение как становление, выход за границы своего Я (трансцендирование) с целью возвращения в самого себя.

В конце обратимся к тем строкам, что в свое время поразили М. Хайдеггера своей силой:

Но где опасность, там вырастает
И спасительное¹

Спасительное не в том, какую форму внешнего бытия реализует человек, оседет ли он в конкретной точке или продолжит свое движение. Спасительное в том, как близко человек способен подойти к опасности; и в том, что он сделает дальше, подойдя к опасности вплотную. Чтобы сегодня

¹ Гельдерлин Ф. Патмос. URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/25/ge22.html>.

не растворится в потоке информации и не встать в один ряд с «кочующими» товарами, человек должен научиться *быть человеком*; уметь не столько *действовать* в этом скороизменяющемся мире, сколько *думать*; думать не столько о том, *как*, но и *что есть*.

Иллюстрация концепта ризомы в фильмографии Д. Джармуша¹

В плато используется одно из ключевых понятий постмодернизма — «ризома». Ризома является символом философского проекта Ж. Делеза и Ф. Гваттари, номадологии. Посредством исследования признаков ризомы, обозначенных мыслителями в нескольких трудах, авторы статьи раскрывают теорию иного мировосприятия сквозь призму творчества американского кинорежиссера Д. Джармуша. Благодаря образу, запечатленному в «потустороннем» пространстве, в определенном движении и времени, происходит иллюстрация концепта философии постмодернизма инструментами кинематографа.

Мир утратил свой стержень, стал хаосом. Проблема в том, что современный человек теряет основу своего восприятия, корень, формировавшийся на протяжении веков. Вместе с тем, книга продолжает оставаться образом мира. Книга как образ мира — прекрасная идея, отмечают Ж. Делез и Ф. Гваттари. Во II томе «Капитализма и шизофрении. Тысяча плато» философы-постмодернисты определяют книгу как сборку, первый тип которой есть книга-корень. В этом определении — базовая метафора классической философии — ось Бытия, она же Древо. Модель дерева встречается в различных культурах как образ мира и традиционных знаний о нем; в таком случае корень — это Древо мира. Иллюстрацией здесь выступает классическая книга, которая, имитируя пространство, формирует мироощущение, преобразует реальность и, в некоторых случаях, завершает то, что природа сделать не может. Книга использует рефлексю, которая не перестает

¹ А эта статья написана в соавторстве с любимой студенткой, ныне француженкой, Полиной Полукеевой.

развивать «закон Одного», закон бинарной логики. Однако мысль такой системы никогда не постигнет множественность: системе-корню требуется крепкое основное единство. В свою очередь, система-корешок — вторая фигура книги: «На этот раз главный корень абортирован или почти до конца уничтожен; к нему прививается и обретает чрезвычайное развитие непосредственное и неопределенное множество вторичных корней»¹. Такая система больше соответствует нашей современности. И все же, утверждают Ж. Делез и Ф. Гваттари, «множественное нужно создать, но не добавляя всегда более высокое измерение, а, напротив, посредством умеренности, на уровне измерений, коими мы уже располагаем. Вычитать единственное из множества, которое надо конструировать; писать $n - 1$ »². Отталкиваясь от биологических моделей (луковицы, клубни, стаи, норы и т. д.), подобную систему авторы называют ризомой.

Ризома — символ философского проекта Ж. Делеза и Ф. Гваттари, номадологии. Цель ее — служить основанием и формой реализации обозначенного проекта. Концептуальный персонаж ризомы — номад (кочевник). Несмотря на то, что феномен «кочевничества» фигурировал в прошлом, он актуален и в современности. В ситуации выбора между утомительным проживанием, состоящим из однородных пространств и симулятивных отношений, и «бессмысленной» виртуальной реальностью, человек в поисках альтернативы решает осуществить побег. Философы-постмодернисты приветствуют подобное стремление, указывая на то, что только в бегстве и может быть обретен хоть какой-то смысл. Главное не прекращать движение и «не укорениться». Одним из вариантов этого бегства становится путешествие.

Образ путешественника — неотъемлемый элемент творчества независимого американского кинематографиста Д. Джармуша. Первая полнометражная работа режиссера, «Отпуск без конца» (1980), определила ключевого персонажа его «текста». Главный герой фильма — юноша без работы, «кочующий» по Манхэттену два с половиной дня. Экзистенциальная драма не направлена на раскрытие личности молодого человека. Важным для автора было передать движение и показать незначительные процессы, освобождающие героя от временной

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка. Москва : Новое литературное обозрение. 2017. С. 10 (Кинотексты).

² Там же. С. 11.

зависимости: бездельничество, мечтание, дурачество и встречи с незнакомыми людьми.

В самостоятельной работе «Кино» Ж. Делез обозначает альтернативную теорию восприятия кинематографа. В анализе кинофильма Ж. Делез отталкивается не от статичной фотографии, а от запечатленного во временном промежутке движения. Философ обозначает зрителя как воспринимающего субъекта, пассивную фигуру. Такая пассивность способствует выявлению различий и повторений. Система образов хаотична; кадр является множеством элементов; монтаж представляет собой плато для идеи произведения; план отображает движение как сложное перцептивное образование. Образ-время помогает зрителю познать время, образ-движение — пространство. Подобный подход позволяет воспринимать бесконечный процесс развития кинематографической реальности.

Экран, на котором воспроизводится кинофильм, метафорически представляется окном в другой мир. «Красивое окно для Джека и Зака, хорошее окно, широкое» — говорил итальянец Роберто, рисуя большой прямоугольник мелом на стене тюремной камеры в фильме «Вне закона» (1986). Схематичное окно в иную реальность — ключевая деталь произведения. Центральным событием фильма становится побег из тюрьмы, спланированный чудаком Роберто, единственным из трех героев, кто увидел пейзаж в плоском изображении. Согласно традициям кинематографа, подготовке и реализации побега было уделено непривычно малое количество времени, в отличие от блуждания героев по окружающему тюремному лесу, который завораживал своей монотонностью, словно погружал в гипнотический сон. Статичные кадры «убежищ» действующих лиц вступают в спор с протяженностью городского, лесного и речного пейзажей. Побег становится отправной точкой путешествия главных героев; к финалу повествования это движение будет далеко от своего завершения.

Название фильма можно было бы перевести как «Вниз по закону», ибо именно направление «вниз» описывает траекторию существования маргиналов, сутенера Джека и пропавшего ди-джея Зака. Ирония фильма заключается в том, что пассивные Джек и Зак не нарушали утвержденных правил, однако им был вынесен приговор, и оба оказались за решеткой. Д. Джармуш обращает внимание зрителя на то, каким образом установленный закон оказывается выше человеческого права. Динамику в повествование вносит именно Роберто,

странный сокамерник, не расстающийся с блокнотом, куда он записывает новые слова на английском языке. Итальянец в Америке искренне восхищен страной, о которой знал только по фильмам; именно он раскрывает поэзию этой истории своей первой репликой: «Это грустный прекрасный мир!»

По Д. Джармушу, изображение иностранцев в такой чужеродной Америке обладает особым притяжением. В молодости режиссер провел значимый промежуток времени в Париже, куда в конце фильма отправляется главный герой произведения «Отпуск без конца» (1981). Странствуя по Европе, кинематографист научился смотреть на Америку со стороны. Впервые проявил он свое умение в изображении героини киноленты «Более странно, чем в раю» (1984) Евы, прибывшей в Нью-Йорк из Будапешта. В работе представлена жизнь венгерских эмигрантов: разочарованной в своих ожиданиях Евы, ее кузена бездельника Вилли и укоренившейся в Кливленде тетушки Лотти. Разбавляет «венгерскую рапсодию» беззаботно дружелюбный друг Вилли — американец Эдди. Три персонажа, три города, три главы фильма: «Новый свет», «Один год спустя» и «Рай». Названия глав раскрывают их содержание. Ускользящие линии героев приведут их именно в «Рай». Однако само устройство жизни помешает главным героям его узреть. Сконструированная американская мечта (у каждого своя) оказывается недостижимой. Произведение не только разрушает стереотипный образ Америки, но и создает собственный. Д. Джармуш поэтично изображает ту постиндустриальную страну, в которой вырос сам: ее обшарпанные уголки и разбитые улицы, свободолюбивых аутсайдеров и независимых бездельников; красоту и уродство этой странной Америки.

Продолжая тематику странствия, Д. Джармуш создает «Таинственный поезд» (1988). «Пускаться в путь с середины, посреди, входить и выходить — но не начинать и не заканчивать»¹. Действие фильма начинается в купе поезда, где располагается молодая пара из Японии. Прибытие на вокзал полузаброшенного Мемфиса, города короля рок-н-ролла, сопровождается одноименной песней Э. Пресли «Таинственный поезд». Таинственность раскрывается в причудливом переплетении путей различных людей, по случайности оказавшихся в соседних вагонах поезда; в разных номерах одной гостиницы. Это история о паре влюбленных, таких разных как две планеты; история о потерянной итальянке, блуждающей между

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка... С. 44.

пересадками рейсов самолета; история о пред-Тарантиновском криминальном происшествии, случившемся с давними приятелями. Формально фильм является абсурдной комедией о любви, странствиях, совпадениях и неудачах. Однако в основу заложена идея смерти и бренности бытия.

Д. Джармуш постепенно подходил к созданию самого значимого произведения в своем творчестве. «Мертвец» (1995) — неоднозначная работа в истории кинематографа. По сути, это и фильм-притча, и опрокинутый в прошлое роуд-муви, и метафизический вестерн. Но прежде всего, это история о путешествии, которое не имеет ни начала, ни завершения. Путешествие в бесконечность. Данное произведение было выбрано в качестве полноценной иллюстрации концепта ризомы Ж. Делеза и Ф. Гваттари.

«Желательно не путешествовать с мертвецом» — слоган художественного фильма «Мертвец». Выдержка из рассказа А. Мишо «Ночь с болгарями» определяет начальное построение композиции. Как и в «Таинственном поезде», первые кадры представляют молодого путника, передвигающегося поездом. Режиссер передает растянувшееся время странствие, акцентируя внимание на таких мелочах, как качающаяся лампа, кроткий взгляд на часы, чтение буклета, раскладывание пасьянса в промежутках между сном и утомительным ожиданием прибытия. Меняются пассажиры и видовые ракурсы за окном, но движение поезда, кажется, будет нескончаемым. Фокусировка машинного механизма крупным планом передает ощущение движения в полный ход, поезд набирает обороты, «скорость превращает точку в линию!»¹

Главный герой — молодой человек по имени Уильям Блейк. Он простой бухгалтер и отправляется в другой город, чтобы устроиться на работу. Характерная черта западного человека — совершать постоянные переезды с целью трудоустройства. Если на Востоке осуществляется древовидный поиск и возврат к старому миру, то в противоположность ему Запад — с кочующими племенами, с ускользающими пределами, с неустойчивыми границами. Вся американская «карта» — ризома, которая в полной мере раскрывается в разобранных ранее работах Д. Джармуша.

Еще в поезде странный кочегар расспрашивает юношу о причинах, вынудивших его проделать весь этот путь. «Кто мы? Откуда мы? Куда мы идем?» — по мнению Ж. Делеза

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка... С. 43.

и Ф. Гваттари самые бесполезные вопросы. В конце диалога кочегар предрекает главному герою скорую погибель под громогласные выстрелы охотников. Одна из особенностей данного фильма в том, что мы в действительности не знаем, в какой именно момент молодой человек становится «мертвецом». Более того, режиссер предоставляет возможность зрителю решить самому. Но, что есть «могила», смерть ли это? Скорее всего, могила — это прекращение движения. Символически конечная станция — город Машин, который представляет собой венец промышленной революции и тупик, где собирался укорениться бухгалтер.

По сюжету молодой человек пересекает негостеприимный город на правах Розовой Пантеры. По Ж. Делезу и Ф. Гваттари, «розовая пантера ничего не копирует, ничего не воспроизводит, она окрашивает мир в свой цвет — розовое на розовом, — это ее мировое становление, цель которого — стать незаметной, незначимой, осуществить разрыв и создать в себе линию ускользания, довести до конца собственную «непараллельную эволюцию»¹. «Клоунский» фрак бухгалтера странно контрастирует с варварскими нарядами окружающих. Отправившись в самое сердце ада — на металлургическую фабрику, — он узнает, что опоздал на месяц, и на его место приняли другого человека. Владелец фабрики Дикинсон оказывается самодуром и мизантропом; разговор он ведет под прицелом ружья. Под общие насмешки, У. Блейк покидает главный офис. Практически без гроша в кармане молодой человек заходит в местный бар, где случайно знакомится с продавщицей бумажных цветов. Если формулу ризомы писать лозунгами, то в данном фрагменте подошли бы следующие: «Обладайте кратковременными идеями! Никаких справедливых идей, только одна идея (по Ж.-Л. Годару)!»². Остаток вечера главный герой проводит у девушки в съемной комнате. В определенный момент бывший «возлюбленный» флористики прерывает свидание неожиданным визитом. Последствиями становятся разочарование, убийство и смерть. Пуля, выпущенная визитером, пролетает сквозь тело девушки в самое сердце У. Блейка. Скорее всего, в этот момент и умирает главный герой.

Д. Джармушу нужен был только предлог для того, чтобы его новоиспеченный номад оправился в путь. Первый раз

¹ Там же. С. 19.

² Там же. С. 44.

в своей жизни скромный бухгалтер из Кливленда держит в руках оружие и наносит ответный удар. По иронии судьбы он убивает сына владельца Дикинсона и скрывается на лошади, которая тому дороже собственного сына. Падение звезды символизирует отправления У. Блейка в путь. Стоит обратить внимание на то, что теперь главный герой — кочевник, не странник. У. Блейк более не волен выбирать свою дорогу; различные случайные обстоятельства задают ее направления. Привычный логоцентричный мир разрушен до основания, а новая целостность теперь — ризома.

Если ризому представить в виде кинематографического произведения, то содержание будет формироваться не каким-либо одним предметом или автором, а конфликтом потоков, движущихся вдоль определенных линий. У Ж. Делеза и Ф. Гваттари описаны линии сочленения или сегментации, страты, территориальности, линии истечения, движения детерриторизации и дестратификации. Вдоль линии ускользания движется ризома, либо ее отдельные части — сегменты, страты, территории; ризома их не разделяет. В некотором смысле У. Блейк представляет собой линию ускользания.

На последнем дыхании юноша покидает город. Судьба благосклонна к У. Блейку. В лесу его находит чудной индеец по имени Никто. Он заживляет рану и становится проводником «мертвеца» по неизведанным местам. Траектория движения этой контрастной пары рисует карту. «Карта открыта, она способна к соединению во всех своих измерениях, демонтируема, обратима, способна постоянно модифицироваться. Она может быть разорвана, перевернута, может приспособиться к любому монтажу, может закладываться индивидом, группой или общественной формацией»¹. Картография является одним из признаков ризомы. Фиксируется такая карта в кинематографическом произведении последовательностью локаций, которые пересекают главные герои и их преследователи. Такой параллелизм усиливает у зрителя ощущение погони, которую организовал Дикинсон, послав за головой У. Блейка отъявленных убийц.

Данный прием параллельного сравнения также используется при изображении населенных пунктов. Поезд, город или поселение представляют собой особые скопления — множественности. «Сборка и есть такое пересечение измерений во множестве, которое с необходимостью меняет природу в

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка... С. 22.

той мере, в какой наращивает свои соединения»¹. Множества ризоматичны: нет единства, нет ни субъекта, ни объекта, только измерения, способные видоизменяться.

Принцип неоднородности раскрывают сами персонажи. Различные лица, одеяния, характеры, национальности и т. д. Общей чертой становится наличие оружия и необходимость им воспользоваться в определенный момент. Иная особенность данного фильма — постоянный вопрос о наличии табака у Другого. Табак является связующей нитью произведения. Для коренных жителей Америки — это нечто священное, нечто такое, что приносишь к кому-то в дом в знак почтения, куришь, даже когда молишься. Оружие и табак неотъемлемый признак американца, принцип соединения. «Любая точка ризомы может и должна быть присоединена к любой другой ее точке»². Для Д. Джармуша курение символично: табачный дым напоминает о постоянной связи жизни со смертью.

Иносказательный смысл путешествия главного героя усиливается тем, что он носит имя великого провидца-мистика конца XVIII века. По всему сценарию «Мертвеца» разбросаны отсылки к произведениям У. Блейка. Речь Никто наполнена афоризмами из «Пословиц ада», которые молодой человек принимает за индейский фольклор. «В час вечерний, в час дневной Люди входят в мир земной. Кто рожден для горькой доли, Кто для радости одной; Кто для радости беспечной, Кто для ночи бесконечной»³. Идеи и стихи великого романтика «словно пропитаны духом индейцев». Принцип декалькомании активно используется Д. Джармушем в этой работе. Каждая деталь фильма наполнена аллюзиями: это и ракурс поезда, аналогичный ракурсу короткометражной работы «Прибытие поезда на вокзал Ла-Сьота» (1895); воссоздание Машины-Молоха из антиутопии Ф. Ланга «Метрополис» (1927); реконструкция Дикого Запада по историческим книгам и фильмам, характерного жанра.

Индеец Никто является проводником У. Блейка до «зеркала воды», которое выведет героя на другой уровень бытия. Метафорическое путешествие сопровождается гитарным соло Н. Янга, которое придает фильму особую атмосферу. Несмотря на то, что должно произойти расставание с телом, блуждание

¹ Там же. С. 14.

² Там же. С. 12.

³ Блейк У. Приципания невинности. URL: <http://lib.ru/POEZIQ//BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 04.09.2023).

души будет бесконечным. Помимо движения из тьмы к свету происходит становление У. Блейка. Идентификация себя со смертью (он мертвец, но и он есть смерть, ее посланник): из простого офисного клерка главный герой трансформируется в настоящего поэта, сам того не осознавая, ненамеренно. Отныне его стихотворения написаны не чернилами на бумаге, а излиты кровью и закреплены забранной жизнью.

«Любая ризома включает в себя линии сегментации, согласно которым она стратифицирована, территориализована, организована, означена, атрибутирована и т. д.; но также и линии детерриторизации, по которым она непрерывно ускользает»¹. Собственно, смерть означает разрыв: смерть продавщицы цветов и ее настойчивого ухажера, конфликт с агрессивными «шкуродерами», убийство коррумпированных маршалов и неприветливого миссионера, разборки между охотниками за головами, бойня индейцев и белых людей, финальная дуэль проводника и преследователя. «Ризома может быть разбита, разрушена в каком-либо месте, но она возобновляется, следуя той или иной своей линии»².

Ризому можно обнаружить на протяжении всей творческой деятельности Д. Джармуша. «Ночь на земле» (1991) охватила половину земного шара. В этот раз карту рисует ризоматичная сеть такси, состоящая из плато. Плато представляет собой «непрерывный, сам по себе вибрирующий регион интенсивностей, который развивается, избегая любой ориентации на точку кульминации или на внешнюю конечную цель»³. Пять новелл, действие которых происходит в замкнутом пространстве автомобиля сразу в нескольких городах (Лос-Анджелес, Нью-Йорк, Париж, Рим и Хельсинки). «В конце концов, ничего и не произошло, но это именно то ничто, которое и вынуждает нас вопрошать — что же могло произойти?»⁴

Эксперименты режиссера с новеллами предали особую целостность произведениям. Короткометражки, соединенные полноценным фильмом «Кофе и сигареты» (2003), также являются собой ризому, проникшую в четвертое измерение — время. На протяжении семи лет (1986—1993 гг.) коллеги и товарищи режиссера пили кофе, курили сигареты и вели пустые разговоры, затрагивающие разные темы такой странной

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка... С. 16.

² Там же.

³ Там же. С. 38.

⁴ Там же. С. 36.

жизни. Мимолетные идеи, проскальзывающие в диалогах, и неуловимый табачный дым запечатлены в «потустороннем пространстве» кинематографа.

В определенном времени и движении действуют героино-одиночки фильмов Д. Джармуша: Пес-призрак завершает свой путь самурая бессмысленной смертью; оболстителю женских сердец Донни так и не удается переиграть судьбу, избавившись от одиночества, сконструированного им же самим; а наемник-чужестранец так и продолжает следовать по запискам из спичечных коробков, выслушивая абсурдные высказывания посыльных на языке, которого не знает.

Когда происходит долгожданная встреча одиночек, рождается прекрасная история любви. Д. Джармушу потребовалось создать десятки кинолент, чтобы раскрыть эту тему. Работа «Выживут только любовники» (2013) становится манифестом любви. Концептуальной аранжировкой фильма является вампиризм. Фабула раскрывает уникальную жизнь после смерти пары вампиров. Влюбленных уже несколько столетий связывают брачные узы, однако они находятся в постоянном разрыве, обитают на разных континентах. Потусторонние герои с библейскими именами, Адам и Ева, дополняют друг друга. Внутренняя гармония отношений Адама и Евы не допускает иного конфликта чем перманентный многовековой конфликт с окружающей реальностью. Даже находясь в изоляции от общества «разлагающихся зомби», влюбленные пребывают в постоянном движении. По Д. Джармушу, именно любовь является движущей силой человечества. Любовь проявляется не только в отношениях этой прекрасной пары аутсайдеров, она находит свое выражение в бессмертных произведениях искусства и хрупких научных теориях. «Выживут только любовники» есть ризоматичное переплетение аллюзий, исторических фактов и культурных отсылок.

Любовь, как творческий акт, постоянно развивается и преобразуется, изменяется и ускользает; такая любовь есть ризома. Освобожденный от кинематографических канонов Д. Джармуш создает уникальные произведения, наполненные поэзией. Последней работой кинематографиста стал фильм «Патерсон» (2016) — повествование о недели из жизни простого водителя автобуса по имени Патерсон из города Патерсон, штат Нью-Джерси. Не эпифора ли жизнь, состоящая из рутины? Каждый день похож на предыдущий, каждая неделя на последующую. Соблюдая обманчивую будничность и бессобытийность до

конца картины, Д. Джармуш погружает зрителя в пространство современного искусства и литературы. Режиссер гармонично «рифмует» детали повседневности в поэму; это же делает и его герой Патерсон, безызвестный поэт. Метафорой поэзии в скудной реальности становится идиллическая любовь Патерсона к его спутнице Лоре. Как и в предыдущей работе, здесь представлена пара влюбленных, которая по отдельности, кажется, просто не сможет существовать. Абсурд таких отношений выражен отсутствием общих стремлений и интересов. Любовь есть верлибр. Неопределенность формирования поэзии притягивает режиссера. Как настоящий авангардист Д. Джармуш может обходиться без явного ритма и рифм. Чтобы родиться на свет, поэзии не требуется укорененной рифмы и торжественного повода; достаточно мотива сновидения, явившегося прошлой ночью, и линий ускользания, заданных разговорами беспрестанно сменяющихся пассажиров автобуса. «Я двигаюсь сквозь триллионы молекул». Молекулы представляют собой крохотные частицы, из которых состоит жизнь; частицы, находящиеся в постоянном движении, создающие движение. Для Д. Джармуша в этом и проявляется истинная поэзия, без начала и завершения, пребывающая в постоянном стремлении, без границ и ограничений — свободная поэзия.

Ж. Делез и Ф. Гваттари отмечают, что «именно американская литература ясно сумела двигаться между вещей (меж-бытие), устанавливая логику, перевернуть онтологию, отстранить фундамент, аннулировать конец и начало. Середина совсем не середина, она — то место, где вещи набирают скорость»¹. В отличие от классической прозы поэзия разрушает закон бинарной логики. Обладая множеством кратковременных идей, опираясь на чувства и следуя ощущениям, поэзия приобретает независимость. Варьируясь в формах, постоянно развиваясь, она движется по неоднородным смысловым потокам. Создавать поэтические произведения — значит создавать ризому. «Мы устали от дерева. Мы не должны больше верить деревьям, их корням, их корешкам, мы слишком пострадали от этого. Вся древовидная культура основана на них — от биологии до лингвистики»². В ситуации непрерывного потока информации разум современного человека больше не может быть сведен к древовидной системе. Возникает необходимость иного восприятия мира, восприятия мира как ризомы.

¹ Долин А. В. Джим Джармуш. Стихи и музыка... С. 44—45.

² Там же. С. 26.

РАЗДЕЛ II.

Методы и методологические подходы в исследованиях Media и Digital Studies

Internet Studies в условиях пандемии¹

Это плато представляет собой обзор VI научно-практической конференции «Internet beyond 2020» (22—24 апреля 2021 г.), организованной онлайн-школой интернет-исследований при поддержке Высшей школы экономики. Программа конференции включала в себя секционные доклады и «круглые столы», посвященные роли глобальной сети, эволюции искусства и образования в условиях пандемии COVID-19. Конференция объединила представителей социально-гуманитарных наук (социологов, культурологов, лингвистов), деятелей культуры и искусства, дизайнеров и специалистов в области Internet Studies. Организаторы и участники конференции пытались ответить на различные вопросы, среди которых: является ли современный человек свидетелем возникновения принципиально новых антропопрактик? Возможно ли из частных сюжетов Internet Studies собрать целостную картину цифровых реалий, а также прогнозировать появление и развитие еще не известных социальных и антропологических трансформаций? Возникнет ли постпандемический нарратив, концептуализирующий гетерогенную событийность нашего времени?

Введение: освоение неизвестного вируса. 22—24 апреля 2021 г. прошла конференция «Internet beyond 2020», объединившая усилия молодых исследователей и известных специалистов в области Internet studies. Различие в заявленной дате и дате фактического проведения конференции объясняется, по мнению организатора, длительностью содержательного наполнения сформулированной темы. Тематика «Internet beyond» была определена сравнительно быстро, но, разумеется,

¹ Вместе с В. О. Богдановой, А. А. Дыдровым и А. Н. Гулевой мы стали соглядатаями конференции «Internet beyond 2020».

требовала развертки, сбора и структурирования эмпирического материала, проработки концептуального аппарата, не говоря уже о сопутствующих организационных задачах.

В конференции приняли участие специалисты различных профилей из Высшей школы экономики, Европейского университета в Санкт-Петербурге, Института востоковедения РАН, РАНХиГС, Санкт-Петербургского государственного университета, Челябинского государственного университета. Кроме того, в «Internet beyond» участвовали и некоторые независимые исследователи. Усилия организаторов и участников объединились в контексте так называемых «Internet studies», перспективы которых активно обсуждались еще в середине первого десятилетия XXI в. (см., например, S. Jones¹, H. Campbell² и др.). Internet Studies, генетически связанные с социально-гуманитарными науками и соответствующими дисциплинами, актуализируются в условиях COVID-пандемии, что детерминировано увеличением значимости Интернет-технологий, электронных ресурсов и онлайн-коммуникации, возникновением и распространением в сети гетерогенных антропопрактик, дающих социологии, культурологии, социальной философии, философской антропологии, истории и другим наукам новый материал для исследований.

В базисные идейные установки «Internet beyond» интегрирован рефлексивный компонент, конституирующийся рядом исследовательских вопросов (приводимый здесь перечень, разумеется, не является полным): переживает ли современный человек рождение и развитие принципиально новых или является свидетелем перехода на новый уровень традиционных антропопрактик? Возможно ли из «небольших сюжетов» Internet studies в принципе собрать целостную картину цифровых реалий и определить перспективы дальнейших социальных и антропологических трансформаций? Следует ли ожидать возникновение (пост)пандемического нарратива, то есть дискурса, собирающего и, главным образом, концептуализирующего гетерогенную и интенсивную событийность нашего времени?

¹ Jones S. Fizz in the field: Toward a basis for an emergent internet studies // Information Society. 2007. Vol. 21, iss. 4. P. 233—237. DOI: 10.1080/01972240591007544.

² Campbell H. Making space for religion in Internet studies // Information Society. 2005. Vol. 21, iss. 4. P. 309—315. DOI: 10.1080/019722-40591007625.

Конференцию открыл доклад профессора Челябинского государственного университета М. В. Загидуллиной, посвященный медиаобразам коронавируса. Исследователь сопоставил т. н. «каноническое» изображение вируса с различными вариациями на тему. Канонический имидж COVID подвергся в интернет-среде многочисленным иконическим корректировкам, детерминированным векторной графикой, искусством коллажа, мемефикацией и, в общем, художественной стилизацией. Подробно на тему образа вируса писали, например, О. И. Калинин и Д. В. Мавлеева¹. Образ коронавируса распространяется в качестве украшения кондитерских изделий, многочисленных аппликаций для вязания, детских игрушек и т. д. Все эти практики исследователь назвал «доместикацией» вируса. Доместикация привела к противоположному результату, в сравнении с тем, что ожидался микробиологами. Выход из сложившейся ситуации М. В. Загидулина видит в реинкарнации государственных пропагандистских практик, а в качестве примера эффективного функционирования пропаганды приводит Китай, где прямое и санкционированное запугивание граждан привело к тотальной вакцинации. Либерализация государственной политики, по мнению исследователя, напротив, ведет к безответственному поведению в условиях карантина: в частности, в России сравнительно низкая доля вакцинированных граждан (препарат при этом доступен).

Титульный доклад в значительной степени определил направленность всей конференции, участники которой анализировали интернет-практики и пытались определить их органическую связь с транс(де)формациями традиционных культурных кодов. Условно содержание конференции можно представить в единстве трех тематических блоков: во-первых, специфика организации и проведения Internet studies, во-вторых, трансформации культуры и искусства в сети, в-третьих, ситуация в образовании и перспективы его развития.

¹ Калинин О. И. Лингвопрагматические характеристики образа вируса в китайской лингвокультуре // Языки и культуры стран Азии и Африки : тез. докладов междунар. науч.-практ. конф. Москва : Изд-во Моск. гос. лингвистич. ун-та, 2021. С. 85—87. Калинин О. И., Мавлеева Д. В. Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2020. Т. 18, № 4. С. 99—109.

Специфика проведения исследований Интернета в условиях пандемии. В значительной части мероприятий конференции организаторы и участники задавались вопросом, «как изменилась наша работа во время пандемии». Этот вопрос с необходимостью затронул сферу Internet Studies, с одной стороны, как той области знания, что занимается исследованиями самого Интернета, а точнее его трансформаций, что случились в пандемию; с другой стороны, тех областей знания, накопление и сбор информации в которых происходит посредством Интернета (социология, исследования антропологического и культурологического характера). На самом открытии прозвучал тезис, ставший, наверное, лейтмотивом всех трех дней конференции, о том, что единый нарратив о пандемии еще не сложился (его не собрали), «мы все еще внутри потока» (П. В. Колозарида). Отсюда описание мероприятий является отображением самого «потока» и одновременно выражает рефлексию акторов конференции по вопросу о том, как мы по этому «потоку» движемся.

Большое место в обсуждениях было отведено размышлениям об экспертизе. Как было сказано на открытии, в фокус внимания попала «экспертиза, происходящая “снизу”» (П. В. Колозарида, А. А. Шетвина). Иными словами, все мы, тем или иным образом, наблюдаем за теми изменениями, что происходят в Интернете (прежде всего, обязательный перевод работы и учебы в онлайн в условиях пандемии), являемся акторами этих изменений (сами переходим в онлайн). Поэтому по большому счету каждый из нас может сегодня выступать экспертом в области того, что происходит с Интернетом. Размышляя на эту тему, Д. Кваснюк упомянул о работе Н. Collins и Р. Evans, заявивших о «Третьей волне научных исследований», в которой все более весомое положение занимает «экспертиза, основанная на пользовательском опыте» (user experience-based expertise)¹. Ключевое ее отличие от классической экспертной оценки проявляется в том, что user experience-based expertise проводят институционально не подтвержденные эксперты. Также как и признанные институциями эксперты, они являются носителями уникального экспертного знания, но в отличие от первых их знание базируется на личном опыте, как правило, напрямую не связанном с их профессиональной деятельностью.

¹ Collins H. M., Evans R. The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience // Social Studies of Science. 2002. Vol. 32, iss. 2. P. 235—296. DOI: 10.1177/0306312702032002003.

Принципиально важным был и тезис, прозвучавший на открытии конференции (М. В. Загидуллина): «То, что не фиксировалось, фиксируется, связывается с надзором, наказанием». Все большее количество времени человек проводит в Интернете. Этот факт имеет глубоко различные последствия. Перевод трудовой деятельности в режим онлайн актуализирует нормативизацию общения в сети. Проблема сетевого этикета также была посвящена передача Ф. Толстой «Наблюдатель». Участники программы размышляли, как изменяется общение при переходе в онлайн, что можно и что нежелательно делать (писать, говорить) сегодня в сети. Интересной была ремарка С. В. Тихоновой о том, что изначально «нэтикет» формировался меритократически, профессиональным меньшинством для общения в своей узкой группе¹. Сегодня же в Интернет пришло большинство. Отсюда вопрос о возможности и необходимости пересмотра «нэтикета» для масс.

В свою очередь, Е. О. Труфанова, кто более четверти века обращается к теме эскапизма, за последний год высказывает интересные тезисы на тему побега в сеть и из сети. Еще в начале 2000-х гг. Интернет был благодатной почвой для тех, кто стремился «убежать» от норм и стандартов, диктуемых обществом (где учиться, куда пойти работать и кем, что одеть, что купить и пр.). Интернет с его анонимизацией, снижением уровня ответственности (в режиме онлайн человек может писать, но не совершать действия, непосредственно нарушающие права и свободы того, кому он пишет) стал оптимальной площадкой для тех, кто мечтал вырваться из «оков» повседневности². В пандемийных условиях наблюдается иная тенденция: будучи вынужденным работать и учиться в режиме онлайн, человек все чаще судорожно ищет возможности выхода в «оффлайн». Эта тенденция указывает на то, что изменяется статус Интернета в современности; из технического средства коммуникации и хранилища информации Интернет претендует на статус «третьей природы», отмежевывающейся не только от физической реальности, но и от культуры³.

¹ Наблюдатель. Цифровой этикет. Как соблюдать диджитал нормы? Эфир 01.02.2021. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=-zQD89oMF5VE> (дата обращения: 04.09.2023).

² Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей // Вопросы философии. 2010. № 2. С. 13–14.

³ Труфанова Е. О. Эскапизм: между природой и культурой // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». 2021. № 1. С. 128.

Интернет как «третья природа» формирует свои правила игры: например, сегодня за человеком могут надзирать не только классические институты власти, школа, больница и тюрьма¹, но такие же, как и он, пользователи. Отсюда следует заключение: надзиратели изменяются, а паноптикум остается.

Одной из наиболее ярких, на наш взгляд, была работа секции «Как избежать Интернета» (модератор А. А. Шетвина). На ней А. Куцман прочитала доклад о невовлеченности (disengagement) в цифровую реальность. Докладчик указал на то, что в среде пользователей ширится недовольство цифровым миром как таковым. Само недовольство подкрепляется увеличением случаев цифровой слежки. Из цифрового сленга в научный дискурс вышли слова «кибер-омон» (надзиратели) и «имидж-борд» (анонимная толпа)². Помимо прочего, идея недовольства подкрепляется онтологически; сам цифровой мир является неустойчивой системой, ибо привязан к серверу. Пока сервер функционирует; но что будет, если он рухнет? Этот вопрос порождает тему уязвимости цифрового пространства. Все это А. Куцман рассмотрела сквозь призму disengagement. У человека всегда должен быть выбор: пользоваться сетью или свободно выйти из нее. В ходе дискуссии на эту тему парировала О. Бронникова: «Если у вас нет смартфона, у вас нет выбора». Она заключила, что если посмотреть на дебаты активистов цифровых прав, то скорее выбора нет у тех, кто не хочет цифровизоваться. Миноритарные группы сами исключили себя из многих практик.

Вполне естественно то, что в своих размышлениях об изменениях в исследовании Интернета участники конференции обращались к своим работам и конкретным кейсам. Д. Кваснюк презентовал результаты исследования «Анализ антивакцинационного сообщества в ВК («Правда о вакцинах»: <https://vk.com/antiprivivki>)»³. Проблему своего исследования он обозначил через то, что знание противников вакцинации не научно, но легитимно. Отсюда вопрос работы: как сделать так, чтобы знание, которое производят противники вакцинации, было принято обществом. Докладчик пришел к

¹ Фуко М. Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы. Москва : Ad Marginem, 1999. 480 с.

² Куцман А., Богданова Е. О., Пономарева Э. Я., Шетвина А. А. Отказ и ограничение использования Интернета в среде российских IT-специалистов // Социология власти. 2018. № 3. С. 144–164.

³ Правда о прививках. URL: <https://vk.com/antiprivivki> (дата обращения: 04.09.2023).

выводу о том, что признания обществом подобного знания возможно посредством экспертизы, точнее user experience-based expertise. В сообществах ВК, участники, как правило, делятся личным опытом по вопросам о том, как родителю отстоять право ребенка не вакцинироваться и к каким последствиям привела та или иная вакцинация.

В первый день конференции прошел «круглый стол» по теме «Как мы можем узнавать и исследовать». Мероприятие было посвящено вопросу об изменении социологических исследований при переходе в онлайн. Его модератором выступила Б. Остромоухова, автор исследовательской программы ResistTIC («Resistance on the Internet: Criticism and Circumvention of the Digital Borders in Russia»). О. Бронникова и А. Зайцева («Laboratory LLA-CRÏATIS») поделились опытом качественных исследований по работе с бизнес-тренерами и правозащитными НКО. В своем докладе они указали, что информанты из области правовой безопасности весьма закрыты, как правило, они не приглашают интервьюеров на свои тренинги. В свою очередь, в пандемию ситуация кардинально изменилась: можно стать участником тренинга, т. к. тренеры перешли в онлайн. Интервьюер вовлечен в процесс обучения, но сохраняет инкогнито, т. е. остальные участники не знают, что он исследователь. В заключении докладчики отметили, что опыт пандемии дал исследователям повод для пересборки понятия «безопасность» по той причине, что меняется объект исследования, а эксперты из этого поля сами превращаются в акторов трансформационных процессов.

Участник того же «круглого стола» К. Ермошина («Citizen Lab») поделилась опытом проведения количественного исследования на тему, как изменился Крым после аннексии. Она справедливо отметила, что обращение к онлайн как к средству обоснованно в условиях, когда материал исследования для исследователя является удаленным. Отсюда вытекает вопрос о создании технологической и антропологической базы для проведения работы: аренда серверов и поиск тестеров (провайдеры, активисты), тех, кто будет собирать информацию. В саму же пандемию К. Ермошина наблюдала за новым явлением, онлайн-митингами, и перестройкой онлайн-платформ под нужды пользователей в условиях ковидных изменений (2ГИС) и под требования властей в условиях «несанкционированной» пользовательской активности (Яндекс).

Социолог Е. Гудова в своем выступлении в большей степени ставила вопросы, нежели давала конкретные рекомендации или ответы. Как работать онлайн, когда «крючки» из офлайн здесь не срабатывают? Как настроить интервьюируемого на доверительное общение? Как работать с его невербальными сообщениями? Как обращаться с метаязыком в Интернете, ибо в разных группах появляются свои наборы смайлов, носящие не доступные аутсайдерам эмоциональные коннотации? В размышлениях на поставленные вопросы она вышла на тезис о том, что современный социолог должен обращаться не столько к конкретным данным и новым методам их обработки, сколько совершить возвращение к древним этнографическим методикам, когда взгляд исследователя еще не успел «замылиться». Отсюда ведущим поисковым ресурсом для социолога становится интуиция, позволяющая собрать все сегменты конструируемой в исследовании картинки.

На третий день конференции в рамках работы «круглого стола» «Что я должен делать (об этике)» выступила Т. Миронова с кейсом из сферы современного искусства. В своем докладе она поставила серию практических вопросов. Может ли художник использовать реальный документ в своей выставке? Как документ, сложная структура отражения истории, может быть встроен в художественную выставку? На вопросы она предложила два решения: 1. «Слабое» — отображение неполноты / незавершенности самого документа без продуманного «обрамления», что предлагает художник; 2. «Сильное» — все экспонаты выставки «играют» на документ. Т. Миронова в завершении концептуализировала свои размышления вопросом: есть ли субъектность у документа? Этот теоретический вопрос, в свою очередь, обнажает ряд прикладных проблем этического плана, прежде всего, как художник должен понимать исторический документ и обращаться с ним.

Значительное место в конференции занял уже упоминавшийся «круглый стол» «Что я должен делать (об этике)» (модератор П. В. Колозарида). В течение работы «круглого стола» развернулась дискуссия по вопросу о том, как изменяется ответственность исследователя (и изменяется ли она), материал которого «перекочевал» в пандемию из офлайн в онлайн. Косвенно тема ответственности исследователя поднималась на других мероприятиях конференции (в том числе, на «круглом столе» «Как мы можем узнавать и исследовать» в контексте вопроса об анонимизация исследователя в момент

участия в тренингах, в работе секции «Как избежать Интернета» в контексте размышлений об экологической уязвимости цифрового пространства). Условно ключевыми оппонентами можно назвать П. В. Колозариди, с одной стороны, призывающую относиться к людям как субъектам, а не бездушному материалу для подсчета и оцифровки¹, и М. В. Загидуллину, с другой стороны, выразившую позицию о том, что сами исследователи «связывают себе руки» избыточной ответственностью. М. В. Загидуллина (как и С. В. Тихонова в упомянутой ранее телепередаче) развела понятия этики и этикета, того, что должно быть, и того, как хорошо бы было. Ответственность исследователя зафиксирована документально, например, в 14-й статье Соглашения на «Facebook²»: вы собираете данные, можете их анонимизировать, но до тех пор, пока подобный «подсчет» не угрожает свободе носителя информации³. Отсюда вопрос об ответственности по большей части «сидит» именно в голове исследователя, не в документах, предназначенных эту ответственность регулировать.

Размышления участников конференции над вопросом каким образом изменились Internet Studies и что нового произошло в исследованиях, проводимых онлайн, можно переименовать как размышления в потоке. По той причине, что дистанция между временем самих изменений и временем их осмысления невелика, исследователи слишком близки к предмету своего исследования. Вследствие этого итоговая картина получается еще очень размытой.

«Internet beyond 2020» и искусство. В последний день конференции 24 апреля проходил «круглый стол» «Как нам быть с искусством?». «Круглый стол» был посвящен вопросу о влиянии пандемии на функционирование арт-пространств. Участники конференции делились своим опытом наблюдения о том, как изменились форматы взаимодействия деятелей искусства со зрителями в различных художественных инсти-

¹ Bodrunova S. S., Koltsova O., Folstad A., Halpin H. et al. Internet Science: INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24–26, 2018, Revised Selected Papers. URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/internet-science-insci-2018-international-workshops-st-petersburg> (дата обращения: 04.09.2023)

² Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

³ Политика использования данных. URL: <https://www.facebook.com/about/privacy/update> (дата обращения: 14.06.2021).

туциях, рассказывая о разнообразных проектах, запущенных в период пандемии.

Преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ П. Сковородников отметил, что во время пандемии люди, работающие в сфере искусства и культуры, столкнулись с проблемой сохранения зрительской аудитории, поэтому все силы были направлены на адаптацию к новым нетипичным условиям. Многие участники считали, что главной проблемой в период пандемии для деятелей искусства и культуры стал пустующий зал. Отсутствие прямого контакта со зрителем создавало угнетающую атмосферу для творческих людей. Невозможно было понять уровень готовности аудитории к восприятию искусства. Онлайн-формат создавал трудность быстрого реагирования на духовные запросы людей, поэтому деятелям искусства сложно было понять интересы зрителей. Данные проблемы, связанные с взаимодействием людей, требовали своевременного решения, поэтому стали меняться форматы встреч деятелей искусства и культуры и способы трансляции результатов творчества ценителям искусства. Можно сказать, что пандемия стала площадкой для экспериментирования с формами воплощения художественного замысла, способами передачи его слушателям и зрителям. Можно было наблюдать волну интереса к цифровому искусству. Например, проект «Non Player Piano» приковал внимание большой аудитории зрителей, послужил отражением духа цифровой современности. Данный проект стал своеобразным способом взаимодействия людей (музыкантов) с искусственным интеллектом.

Руководитель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» в Школе дизайна НИУ ВШЭ, музыкант и куратор перформанса (перформанса) «Non-player Piano» А. Гандрабур подробно рассказал о данном проекте. Перформанс проходил 31 августа 2020 года на корабле, плывущем по Москве-реке. Данный проект учреждался специально для «Arts Electronica Festival 2020». В импровизации участвовали десять музыкантов, студенты и кураторы направления «Саунд-арт и саунд-дизайн». Особенностью этого проекта являлось то, что он создавался с применением искусственного интеллекта, для этого использовался сервис генеративной музыки «Mubert AI». В нейронную сеть загружались музыкальные треки, которые она связывала, создавая между ними плавные переходы. В итоге получался бесконечный музыкальный поток. Следует отметить, что нейронная сеть была обучена анализировать со-

стояние окружающей среды. На носу корабля стояла камера, которая снимала ландшафт. С помощью датчиков нейронная сеть фиксировала погоду, время суток, местоположение, скорость корабля, наклон палубы, высоту реки над уровнем моря, движение ее волн и многое другое. Все полученные данные собирались и трансформировались в уникальные звуковые паттерны. Голоса вокалистов также обрабатывались в зависимости от состояния окружающей среды. Глядя на проделанную работу, трудно сказать, кто задавал музыку: человек или искусственный интеллект. Полученные нейронной сетью данные служили основой для импровизации музыкантов и вокалистов, которыми, по сути, она управляла, выполняя функцию дирижера.

Преподаватель направления «Саунд-арт и саунд-дизайн» Школы дизайна НИУ ВШЭ, музыкант Е. Вороновский обратил внимание на то, что пандемия не повлияла на вторжение цифровых технологий в нашу жизнь, она лишь ускорила те процессы, которые уже становились частью повседневности современных людей. С 15 июля 2020 года в России можно было наблюдать, как в сфере музыки происходило внедрение нейросетей. В это время был официально запущен интернет-сервис потокового аудио Spotify. Самой популярной функцией Spotify становится «Discover Weekly», которая позволяет создавать списки с рекомендуемой музыкой. Сервер формирует для пользователей плейлисты на базе загруженных файлов артистов, анализируя музыкальные предпочтения пользователей. Таким образом, Spotify произвел революцию восприятия контента, которая нашла выражение в появлении феномена пассивного слушания музыки. Отсутствие первоначального выбора приводило к тому, что пользователь не запоминал названия композиций и исполнителей, поскольку воспринимал их нерелексивно. Получалось, что в какой-то степени искусственный интеллект сам программировал пользователя на прослушивание определенной музыки.

По мысли Е. Вороновского, еще одной немаловажной тенденцией развития искусства в период самоизоляции являлось возрастание интереса к альтернативной (авангардной) музыке и музыке с природным звучанием. Например, группа «Оцепеневшие», создающая музыку в стиле drone-doom, во время онлайн-выступлений набирала аудиторию более 200 человек. Многие пользователи в период самоизоляции почувствовали тоску по прогулкам на природе, которая отразилась в выборе

композиций. В апреле 2020 года был проведен необычный стрим. В прямом эфире была дана запись со звуками обитателей болота, которая набрала большое количество прослушиваний. Люди, оказавшись в замкнутых пространствах, стали восполнять утраченные возможности наиболее доступными способами, обращаясь к музыкальным композициям.

Следует отметить, что пандемия повлияла на доступность музыкальных платформ для людей, занимающихся электронной музыкой. Именно в этот период становятся бесплатными на некоторое время компьютерные программы от компании «Ableton». Они использовались для студийной работы (аранжировки, сведения). Появляются цифровые звуковые рабочие станции с богатой библиотекой звука для написания электронной музыки. Это давало пользователям возможность создавать треки без применения музыкальных инструментов. Возможно, когда-нибудь компьютерные программы будут способны без участия человека писать и публиковать музыку.

Таким образом, анализируя развитие музыкальной сферы в период самоизоляции, можно сказать, что существенно была переосмыслена роль компьютерных технологий в создании музыкальных произведений, наметилась тенденция к синтезу привычных способов работы музыкантов с богатым арсеналом цифровых методов, повысилась их доступность для создания музыкальных композиций. Применение новых технологических возможностей музыкантами способствовало повышению интереса слушателей к цифровому искусству.

Медиа-художник, дизайнер и иллюстратор, преподаватель Школы дизайна НИУ ВШЭ О. Пашенко в своем докладе раскрыл, какое место занимают цифровые технологии в искусстве XXI в. Сложно переоценить роль цифровых технологий. Они широко применяются во многих видах человеческой деятельности: от редактирования фотографий до создания эскиза картины на компьютере или скульптуры с помощью технологии быстрого прототипирования. Современное искусство стало более интерактивно. У зрителя появилась возможность взаимодействовать с художником и даже участвовать в создании произведений. Появилось новое направление в искусстве — инцепционизм, когда картины рисуются нейронными сетями. Нейронные сети создают картины на основе введенных параметров. По сути, они занимаются синтезом новых образов, опираясь на материал, загруженный в базу данных.

Достаточно высокий уровень развития цифровых технологий позволил людям в условиях самоизоляции участвовать в культурной жизни, частью которой является искусство. Олег Пашенко отметил, что во время самоизоляции и после нее люди стали чаще обращаться к цифровым технологиям, однако нельзя утверждать, что самоизоляция принесла большие качественные изменения в сферу искусства. Скорее период самоизоляции повысил степень обращения людей к цифровым технологиям. Однако, следует заметить, что пандемия обострила некоторые проблемы, которые уже существовали в цифровом искусстве и актуализировала потребность в разработке способов их решения. Дело в том, что цифровые технологии обладают неисчерпаемыми возможностями, которыми пользуются современные художники. Они дают большую свободу творчества. С помощью компьютера художник может перегруппировать и совместить несколько изображений, применить разные фильтры и цвета, тогда рождается новое произведение искусства. Можно сказать, что благодаря цифровым технологиям создаются новые формы «производства» искусства. По-другому строится работа художника потому, что визуальная информация перестала быть строго фиксированной. Теперь художник можно бесконечно преобразовывать фрагменты изображения с помощью компьютера. Как отмечает П. Вайбель, впервые в истории изображение стало подвижной системой¹.

Главное изменение, которое произошло, по мысли медиахудожника — это преобразование способа работы с арт-объектами. Раньше самой успешной судьбой произведения искусства считалось попасть в музей. Теперь арт-объекты могут не украшать интерьеры музейных залов. В цифровом искусстве создается своя система показа и продажи арт-объектов. Цифровые художники не ставят перед собой цель попасть в галерею или музей, считая их пережитками до-сетевой культуры. Они выставляют и продают свои работы на персональных сайтах. Каждый художественный объект должен обладать уникальностью. По сравнению с традиционными произведениями искусства, статус цифрового искусства сложно определить из-за простоты техники создания. Художники, творящие в этой сфере искусства, часто воспринимаются как «content creators» («создатели контента») наряду с блогерами.

¹ *Паш М.* Новые медиа в искусстве. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. 256 с.

По словам О. Пашенко, основной проблемой для художников является то, что в цифровом искусстве можно легко воспроизводить произведения путем копирования. Это порождает проблему авторства и неповторимости произведения искусства, которое в процессе репродуцирования теряет свою «ауру». В цифровом искусстве популярен *netart*, однако он не стал полноценным художественным явлением, поскольку его природа слишком эфемерна для арт-рынка. Сложно продать арт-объект, который поддается тиражированию и лежит в открытом доступе. Цифровые художники столкнулись с существенной проблемой обесценивания их творчества. Решением данной проблемы стала платформа «Foundation», которая появилась в 2021 г. Благодаря функционированию этой платформы стало возможным определять материальную ценность *digital art* и продавать произведения искусства коллекционерам. Особенностью Foundation является продажа цифрового искусства в виде невзаимозаменяемого токена (NFT), который является видом криптографических токенов. Каждый экземпляр NFT уникален, он не может замещаться другим аналогичным токеном. NFT не запрещает копирование произведений цифрового искусства, не ограничивает демонстрацию арт-объектов. Он только дает право владения цифровым оригиналом, благодаря ему художники могут продавать цифровые произведения искусства как уникальные объекты. Невзаимозаменяемый токен можно сравнить с сертификатом подлинности в структуре традиционного арт-рынка¹.

Таким образом, Foundation расширила финансовые возможности цифровых художников, открыв для них вторичный рынок (от каждой повторной продажи произведения искусства художник получает 10–20 % от прибыли предыдущего владельца). В дальнейшем применение технологии блокчейн позволит отличать оригинальные цифровые работы от их копий, даже если это два идентичных файла, что в свою очередь уравнивает инвестиционную привлекательность цифровых и традиционных работ. Новые технологии помогут художникам становиться известными, публикуя работы в открытом доступе без страха, что их работы потеряют ценность.

На «круглом столе» была поднята тема о влиянии пандемии на деятельность художественных институций. Эксперты

¹ Корнеев А. Что такое NFT-токены. И причем тут Бэнкси. URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040cd429a7947281adb5a94> (дата обращения: 04.09.2023).

в этой области рассказали, что сама тенденция по внедрению цифровизации зародилась уже в 2017 году, но пандемия сильно подтолкнула развитие в этом направлении. По мысли А. Першеевой, кандидата искусствоведения, доцента Школы дизайна НИУ ВШЭ, музей всегда был храмом, сакральным местом приобщения к художественному смыслу. Когда ценители искусства оказались в условиях самоизоляции, они почувствовали потребность в духовной пище, поэтому музейные работники сделали шаг навстречу зрителям. В кратчайшие сроки музеи перешли в онлайн-режим на специализированные платформы, сайты, в социальные сети и стали искать новые способы взаимодействия с аудиторией. Следует отметить, что новый формат оказался востребованным. Существенно изменилось отношение людей к музейному контенту, возрос спрос на онлайн-лекции, онлайн-экскурсии, виртуальные выставки, мастер-классы и вебинары.

В своем докладе Александра Першеева обратила внимание на быстрое реагирование на ситуацию пандемии музея имени Пушкина. Данный музей до самоизоляции размещал 4—7 видеороликов в месяц на своем канале YouTube. В период локдауна стало выходить до 40 видео в месяц. Музей проявлял высокую активность в социальных сетях. Лента новостей была переполнена актуальными постами с информацией о деятельности музея. Сотрудники музея создавали подкасты, размещали видео- и аудиолекции, проводили фестивали встреч с художниками, «круглые столы», виртуальные выставки. Следует отметить, что многие современные художники шли навстречу ценителям искусства, они позволяли бесплатно размещать свои работы на платформах на одни сутки. Зритель получал возможность просмотреть большое количество работ, которые сотрудникам музея было проблематично собрать в одном месте. Особенно востребованными были проекты, которые давали возможность на базе музейных ресурсов организовать общение людей. Например, бэкстейдж с вопросами, на которые отвечают хранители музея. Запускались проекты, в которых использовался личностный нарративный подход к произведениям искусства, когда искусствоведы рассказывали о любимых картинах. Данные проекты создавали пространство открытого диалога, сокращали дистанцию со зрителями.

В Пушкинском музее был запущен новый проект «100 способов прожить минуту», тематически связанный с режимом

самоизоляции. В этом проекте люди из сферы искусства, делились своим опытом проживания времени, описывали способы «приручения» времени, рассказывали о произведениях искусства, в которых поднималась тема замедления времени или уединения. Таким образом, практика показала, что музеи могут вести активную работу в виртуальном пространстве, вдохновлять людей, приобщая к искусству.

Социолог искусства М. Кулева описала опыт участия в проекте Андрея Мизиано «Рефлексия». Целью проекта являлось осмысление изменений, которые произошли в обществе и культуре в результате пандемии. Перед участниками проекта ставилась задача написать эссе о данных изменениях и приложить к нему работу художника, которая бы иллюстрировала текст. Проект был направлен на поддержку деятелей искусств и культуры. М. Кулева в рамках этого проекта написала эссе «Привилегии присутствия», в котором она описала как связаны культурные институции с социальными привилегиями. Эссе М. Кулевой по условиям проекта дополнялось инсталляцией Виктора Кудряшова «Отзыв настоящего». Работа ставила проблему присутствия посетителей в институции онлайн и офлайн. Инсталляция включала в себя 34 таблички со словом «Exit», которые располагались в пустом выставочном зале в Санкт-Петербурге. Когда на сайт музея «Гараж» заходил посетитель, одна из табличек загоралась.

По мысли М. Кулевой, многие музеи, в том числе Эрмитаж, проводили онлайн-экскурсии. Главная особенность онлайн экскурсий — это создание эффекта присутствия. Зритель может виртуально «пройтись» по залам музея благодаря деятельности технического сотрудника, который снимает залы и коридоры музея и арт-объекты. В это время экскурсовод поясняет увиденное на экране. Социолог искусства отметила, что размещение изображений арт-объектов могло стать более удобным способом знакомства аудитории с искусством, но этот способ взаимодействия лишил бы зрителей привилегии присутствия, возможности быть там, где быть нельзя. Трансляция потеряла бы свою эксклюзивность. Подобные онлайн-экскурсии проводились многими музеями в период самоизоляции. Интерес к ним, по мысли докладчика, говорит о «зачарованности зрителя материальностью институции», «фетишизации музейного пространства»¹. Воз-

¹ Кулева М. Привилегии присутствия. URL: <https://garagemca.org/ru/event/garagereflections/materials/margarita-kuleva-privilegii prisustst>

никает вопрос, в чем причина данных явлений? Социолог искусства приходит к выводу, что можно найти несколько причин. Оказавшись «заложниками» режима самоизоляции, люди испытывали тоску по культурным институциям, поскольку были лишены возможности «видеть и взаимодействовать с искусством», однако, немаловажную роль играла сама возможность почувствовать и продемонстрировать свою причастность к культурной жизни. Отсюда следует вывод, что арт-пространства не только создают необходимые условия для культурного обогащения личности, но и служат ей средой общения, находясь в которой она испытывает чувство принадлежности к более широким социальным группам и свое культурное превосходство, которое может продемонстрировать в социальных сетях.

Кандидат искусствоведения, доцент Школы дизайна НИУ ВШЭ Т. Фадеева в качестве тенденции в развитии художественных институций назвала расширение зрительской аудитории благодаря онлайн-формату. После пандемии художники продолжили работать в онлайн-режиме, несмотря на открытие многих арт-площадок. Режим самоизоляции привел к появлению новых техник работы, которые были направлены на совмещение онлайн и офлайн форматов. Художники стали привязывать Интернет к физическому пространству, однако происходил не просто механический перенос компьютерных технологий на физическую реальность, создавалась целая гибридная история. Эта тенденция находит воплощение в художественных сериях постоянно меняющихся, в зависимости от внешних факторов, картин. С одной стороны, создается материальный объект — произведение искусства, — с другой, он появляется в пространстве социальных сетей благодаря деятельности пользователей. Так, был создан проект, в котором нейросеть реагировала на тон высказываний в сети и создавала картину общих чувств. Художники, которые стали работать с нейронными сетями, нашли оригинальные способы создания произведений искусства и обрели свой узнаваемые почерк.

Таким образом, режим самоизоляции привел к глубинным трансформациям в культуре и искусстве, которые происходили под влиянием информационных технологий. Повысилась цифровизация музейной среды. Многие культурные

[viya?fbclid=IwAR36yayevKsl848Eu3G2npq3nUiUrEErWyIRKbTNXNhgJU9xQ6CcGg3nr-Q](#) (дата обращения: 04.09.2023).

институции стали применять стратегию открытости и доступности арт-пространств, позволяя людям получать виртуальный доступ к арт-объектам экспозиционных залов музеев разных городов и стран. Во время пандемии музеи выполняли образовательную и просветительскую деятельность, используя разнообразные цифровые технологии, часть из которых предполагала взаимодействие с ценителями искусства. Применение интерактивных методов привело к тому, что за музеями закрепились и социальная функция. Музеи превратились в площадку для общения деятелей культуры и искусств со зрителями. Пандемия показала положительные стороны использования онлайн формата, поэтому после выхода из режима самоизоляции его продолжают использовать, наряду с офлайн. Традиционное искусство и новые виды цифрового искусства уже в меньшей степени конкурирует между собой, они развиваются параллельно, дополняя друг друга.

Как мы могли (бы) преподавать: «круглый стол» по образованию в эпоху пандемии. На второй день конференции состоялся «круглый стол», отправной точкой которого стал вопрос «как мы могли (бы) преподавать?». Включение такого вопроса в повестку конференции кажется вполне закономерным: практики обучения в формате онлайн стали весомой частью жизни не только для тех, кто подобную практику в своей жизни, образовательной или корпоративной среде уже осуществляет, но и для тех, кто стал делать это впервые и вынужденно. Несмотря на изобилие образовательных практик в эпоху *lifelong learning*, в рамках «круглого стола» речь шла в основном о системе высшего образования. В дискуссии участвовали теоретики и практики цифровизации образования НИУ ВШЭ: Е. Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования, Е. Патаракин, руководитель программы цифровизации образования, а также аналитики Института образования и Центра социологии высшего образования И. Груздев и Е. Терентьев.

Евгения Кулик, руководитель дирекции онлайн-образования НИУ ВШЭ, указала на неопределенность ситуации с онлайн-обучением, сложившейся к началу пандемии. Неоспорим факт, что российские вузы оказались в совершенно разных ситуациях. Это иллюстрируется ссылкой на аналитический доклад НИУ ВШЭ «Уроки стресс-теста: вузы

в условиях пандемии и после нее»¹, целью которого являлось следующее: «извлечь уроки из опыта экстремального режима работы всей системы высшего образования в период пандемии для ее адаптации в период частичного сохранения санитарных ограничений и дальнейшего развития». Е. Кулик подчеркнула, что сложнее всего пришлось тем вузам, у которых к началу пандемии не было системы управления обучением, или LMS — Learning Management System, а таковых порядка 11 % в России. При этом только у 46 % вузов, имеющих LMS, показатели соответствуют реальному использованию LMS для организации образовательной деятельности. В таком случае чаще всего использовались асинхронные технологии обучения, например, переписка по электронной почте. Но и крупным вузам, у которых LMS присутствовала, были сложности, а именно — с точки зрения организации бизнес-процессов по переводу всего учебного процесса в онлайн, т. е. главная сложность состояла в том, что в короткое время было необходимо масштабировать все процессы. Несмотря на многочисленные сложности с организацией онлайн-обучения, эксперты сделали вывод о том, что система высшего образования справилась со «стресс-тестом»: по оценкам экспертных интервью, в сравнении с другими странами, особенностью российской ситуации стал быстрый переход системы образования на другой режим работы (450 университетов в две недели) и все это при том, что в России одна из самых массовых систем образования. Итак, система в целом сохранила свою устойчивость.

Весьма мала вероятность того, что вузы вернутся на «доквидный» уровень развития модели образования, так как все участники осознали плюсы дистанта, впрочем, как и его ограничения. Эксперты-аналитики подчеркнули, что, с учетом постпандемической ситуации в высшем образовании, важно рассмотреть возможность построения комбинированной модели образования, в которой бы сочетались возможности и ограничения как очного, так и онлайн-образования. «Окно возможностей», открывшееся после пандемии для образования, позволяет осмыслить возможности и ограничения как дистанционного, так и традиционного очного формата обу-

¹ Анисимов Н. Ю., Васильев В. Н., Волков А. Е. и др. Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее : аналитический доклад. URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf.

чения. Накоплен сложный опыт, и из него только предстоит извлечь уроки. Эти тезисы созвучны с общим настроением конференции, с попыткой осмыслить поток, при этом все еще находясь в нем.

Е. Терентьев осветил вопрос об эмоционально-оценочном отношении к вынужденной и тотальной цифровизации обучения в эпоху пандемии. Ожидаемо, что восприятие это может полярно отличаться в зависимости от роли субъекта в образовательной системе. Было отмечено, что в целом по большому количеству исследований данные следующие: негативное отношение к цифровизации наблюдалось у преподавателей, более позитивное у студентов.

Базовый тезис исследований Е. Терентьев сформулировал так: до пандемии (февраль 2020 г.) цифровое будущее воспринималось как очень далекое, никто из респондентов не верил, что это случится так быстро — но поверить пришлось. В апреле 2020 данные опросов были следующие: ситуация масштабного перехода в дистант, несмотря на стрессовость, была воспринята с энтузиазмом, как вызов, позволяющий экспериментировать, большинству участников учебного процесса было интересно, они получили удовольствие. Однако долгосрочная перспектива менее оптимистична: в июне 2020 г. в связи с рутинизацией на безальтернативном основании (только дистант вызывает усталость от цифры) ситуация привела к пессимистичным оценкам о том, как быть дальше.

Участники интервью отмечали проблему размывания личного и рабочего пространства как ключевую, так как эта граница и так всегда весьма зыбкая для академического сообщества, а в условиях пандемии стала проницаемой и вообще стерлась. Не у всех домашние условия были приспособлены к такому переходу, что обернулось психологическими трудностями, стрессом и депрессивным состоянием. Была отмечена сквозная тема — обострение актуальности проблемы психологического благополучия обучающихся. Так, по мнению докладчика, аспиранты в 55 % случаев находятся в депрессии (по данным стандартизованных опросников). В исследованиях образования мало внимания уделяется этому аспекту, а пандемия позволила актуализировать его.

При оценке отношения перехода на удаленную форму обучения важно учитывать дисциплинарный контекст: работа с лабораторным оборудованием и креативные специальности в пандемию пострадали больше всего, так как симуляторы

гораздо менее развиты, чем LMS. Именно в этих сферах были более негативные оценки по отношению к онлайн-образованию в эпоху пандемии. На данный момент мы не можем с уверенностью сказать, что пандемия COVID-19 стала тем фактором, который разделит образование на «до» и «после» — это нам еще предстоит увидеть. Но уже сейчас очевидно, что путем проб и ошибок переизобретаются образовательные практики и гибридизируются подходы, а компас социологических исследований образования переориентируется на растущий интерес к психологическому комфорту субъектов образовательной деятельности.

Заключение. «Internet beyond 2020», как и аналогичные конференции предыдущих лет, объединила исследователей в различных областях знания, занимающихся т. н. «Internet studies». Ее участники продемонстрировали, что конструирование нового нарратива, результирующего переосмысление значимости и роли «Всемирной паутины», концептуализирующего воздействие технологий на человека и все сферы жизни общества, является делом, вероятно, отдаленного будущего. Неопределенно великие массивы перманентно увеличивающихся данных затрудняют подходы к универсальному, обобщающему высказыванию о человеке и его мире. Вследствие сложившегося положения вещей исследователи обращаются к конкретным и частным аспектам проблематики Internet studies. Путь мысли от частного к общему (именно этим путем пошли все без исключения исследователи, представившие результаты всей работы на конференции) общеизвестен и является неотъемлемым для познавательной деятельности человека. Вопрос в том, не обречен ли человек переходить от частного к частному?

Нормативное в цифровом

Проблема нормы и нормативного в пространстве цифры лежит на поверхности. Цифровые практики онтологически отличны от своих реальных прототипов. Этот тезис в статье проиллюстрирован посредством обращения к сериалу «How to sell drugs online (fast)». Ключевой персонаж работы — юный Мориц — живет обычной жизнью перд'а и одновременно является основателем первой наркоимперии онлайн. В статье поставлен вопрос, что такое норма в цифровом и возможна ли она. В поисках ответа на вопрос определены три уровня нормы: биологический (физиологическая норма в функционировании организма человека), социальный (языковые и правовые нормы), универсальный (норма в бытии человека в качестве актанта наряду с иными однопорядковыми актантами из мира природы и мира техники). Понимание нормы и нормативного в контексте цифры, таким образом, складывается в видении нормы на всех трех уровнях.

Введение. Новое поколение в цифровую эпоху. Как дефинировать современное поколение? Оно какое? Чем оно отличается от поколений предшествующих? Некоторые называют молодежь поколением Z¹. Т. н. «зеты» дефинируются по нескольким основаниям:

Во-первых, время — все они родились в едином хронологическом поле, но в разных географических точках и инаковых культурах. Нижняя хронологическая рамка их появле-

¹ Tolstikova I., Ignatjeva O., Kondratenko K., Pletnev A. Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction. Communications // Computer and Information Science, 2020. Vol. 1242. P. 47—60; Yuugina D. Generation Z in Russia: The Digital Divide of the Generation Putin in Generations Z in Europe: Inputs, Insights and Implications. Bingley : Emerald Publishing Limited, 2019. P. 253—274.

ния размыта, она колеблется в интервале между 1980-ми гг. в странах Европы и Северной Америки и второй половиной 1990-х гг. в России, Китае и странах СНГ;

Во-вторых, культура — все они родились в контексте т. н. цифровой культуры. Из этого тезиса получаем важное следствие: цифра сформировала их практики обращения с информацией, прием, обработку и дальнейшую трансляцию. Это следствие приобретает важность в контексте сравнения цифровой культуры с традиционной. Если еще в XX веке, как минимум, большую его часть, информация усваивалась человеком постепенно, то сегодня с каждым годом скорость оборота информации увеличивается. Наверное, это увеличение уже вошло в логику геометрической прогрессии.

Наряду с зетами другим известным именем нового человека из цифровой эпохи стали digital natives М. Пренски. В 2022 г. открывается второй десяток с того момента, когда М. Пренски впервые разделил людей на две группы сквозь призму их связи с цифровым. Согласно американскому педагогу, принципиальное отличие аборигенов от иммигрантов в том, что цифровое для них является естественной средой обитания; они уже родились в условиях цифровых гаджетов и доступного Интернета, оттого язык цифрового — компьютеры, видеоигры и Интернет — является их естественным языком¹. В то же время иммигранты, как бы хорошо они не освоили этот язык, будут говорить на цифровом с явным акцентом²; иными словами, на поверхности усилия, что затрачивают digital immigrants в обращении к цифровому языку.

В XXI в. идея М. Пренски остается на острие цифровой проблематики в социально-гуманитарном и образовательном дискурсах³. В актуальных исследованиях авторы из различ-

¹ *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1 // On the Horizon. 2001. Vol. 9, no 5. P. 1.

² *Ibid.* P. 2.

³ *Akçayir M., Dündar H., Akçayir G.* What makes you a digital native? Is it enough to be born after 1980? // *Computers in Human Behavior*. 2016. Vol. 60. С. 435—440; *Smith E. E., Kahlke R., Judd T.* From digital natives to digital literacy: Anchoring digital practices through learning design // *ASCILITE 2018 — Conference Proceedings — 35th International Conference of Innovation, Practice and Research in the use of Educational Technologies in Tertiary Education: Open Oceans: Learning Without Borders*. 2017. С. 510—515; *Nikou, S., Brännback, M., Widén, G.* The impact of digitalization on literacy: Digital immigrants vs. Digital natives. 27th European Conference on Information Systems — Information Systems for a Sharing Society, ECIS 2019.

ных областей научного знания, в том числе, компьютерных наук, инноватики и информационных систем, двигаются от непосредственно идеи цифровых аборигенов к цифровой грамотности как антропологическому маркеру цифровой эпохи. Цифровая грамотность в них представлена не только как интуитивно нарабатываемые навыки, но как система взаимодействия разных актантов, прежде всего, человека и цифровых технологий, в рамках которой человек (вне зависимости от того, является он аборигеном или иммигрантом в пространстве цифры) должен быть открыт новому, не только готовым знаниям, но и информации¹, должен пребывать в условиях имманентного образования и самообразования².

«How to sell drugs online (fast)»: сериал за пределами нормативного. С вопроса о том, кто такие эти Digital Natives или «зеты», открывается повествование в сериале «How to sell drugs online (fast)» от Netflix. На сегодня вышло три сезона, в которых четко прочитываются введение в трагедию, кульминация заявленной драмы и ее «благополучное» (точнее, наиболее вероятное из возможных) разрешение. Перед нами история несчастной любви подростка. Юный Мориц (в исполнении Maximilian Mundt) — аутсайдер. Себя и своих сверстников он пакует в рамки зетов: весь мир открывается для них посредством Интернета. Там есть все: школа, друзья, семья. Онлайн, не оффлайн, зет узнает о мире; онлайн, не оффлайн, зет демонстрирует этому миру себя. Будучи аутсайдером, т. е. не вовлечённым в пучину событий из жизни современных подростков, Мориц обладает привилегией наблюдать происходящее со стороны, рефлексировать то, что происходит с ним и его поколением в век Интернета. В своей рефлексии он приходит к печальному выводу о том, что Интернет плодит потребителей бездумного контента и бессмысленных практик, не гениев. Однако в одном ряду потребителей т. н. инфотейнмента возникают техногении. Мысль «nerds today boss tomorrow» («ботаник сегодня — босс завтра») «красной нитью» пробегает по канве каждого из сезонов. К таким «nerds» Мориц, безусловно, причисляет себя и своего друга Ленни (в исполнении Danilo Kamperidis). Их

¹ *Сепп М.* Девочка с пальчик. Москва : Ad Marginem, 2016.

² *Bombardelli O.* Digital Citizenship and Lifelong Learning. *Advances // Intelligent Systems and Computing.* 2021. Vol. 1231 AISC. С. 817—826.

техногенный выразился в продаже наркотиков, точнее MDMA, экстази, онлайн.

Что такое MDMA? Химиками оно расшифровывается как 3,4-метилendioкси-N-метамфетамин. Наверное, все те, кто далек от понимания прелестей языка химических формул, способны из этой абракадабры вычленивать только метамфетамин, что налаживает мосты в сознании обывателя с психоактивными веществами. MDMA признан сегодня как наркотик, стимулирующий психоделические реакции. Вместе с тем, примечательно то, что в 1910-е гг., когда он был впервые синтезирован А. Келишем (к имени которого, кстати, непрерывно делают отсылки создатели сериала) и впоследствии запатентован на базе фармацевтической компании из Германии “Merck”, химиками двигала идея создать лекарство, не наркотик¹. Изначальной целевой аудиторией препараты были женщины, страдавшие от постродовой депрессии. В тот момент, когда на MDMA был получен патент, у фармацевтов возник вопрос о том, где границы применимости синтезированного вещества. Потому уже к началу 1920-х гг. стартовала кампания, в рамках которой “Merck” бесплатно рассылала MDMA желающим, от которых требовалась только подтверждение своей аффилиации с медицинскими учреждениями. Тогда целевой вектор MDMA выстроил направление на практикующих психиатров и психотерапевтов, всех тех, кто работали с психическими расстройствами своих пациентов (в том числе, повышенная тревожность и депрессивные состояния) или их хроническими заболеваниями (алкоголизм). На территории США MDMA таким психотерапевтическим путем оказался еще в первой половине XX в. Однако поистине мировую известность он обретает только на рубеже 1960—1970-х гг. Прежде всего, это связывают с деятельностью профессора из Гарвардского университета, химика А. Шульгина, кто экспериментировал с химическим соединением, результаты этих экспериментов он испытывал на себе и своих студентах². В этом контексте легко устанавливаются связи между проникающим в массы психоделическим препаратом и движением New Age, что было ответом молодежи 1970-х гг. на требования из эпохи “prosperity”, протестным ответом.

¹ *Wieckiewicz G., Piegza M., Pudlo R.* History of MDMA (ecstasy): From synthesizing until today // *Psychiatria*. 2021. Vol. 18, no 2. P. 136—139.

² *Passie T., Benzenhöfer U.* The history of MDMA as an underground drug in the United States, 1960—1979 // *Journal of Psychoactive Drugs* 2016. Vol. 48, no 2. P. 67—75.

Мориц иллюстрирует схему действия MDMA на мозг человека следующим образом: после употребления таблетки в течение, в среднем, 30 минут, активное вещество начинает стимулировать те клетки мозга, что отвечают за выработку эндорфинов (т. н. «таблетка счастья»). Таким образом, перед человеком открывается доселе невиданное счастье, что проявляется в скачке энергии, актуализации творческой активности, чувстве единения с миром, природой и другим. Однако результат приема такой таблетки является переменным, он варьируется в зависимости от особенностей психики, эту таблетку принимающего. В некоторых случаях прием MDMA способствует скачку тревожности, панике или росту агрессии. В любом случае, само соединение не вызывает привыкание; привыканию способствуют реакции, сопровождающие прием химического вещества¹. Какой бы ни была реакция непосредственно после приема MDMA, на следующий день человек с необходимостью испытывает упадок сил и утрату четко сфокусированного образа счастья, что он имел доселе. Т. н. психическая норма (в контексте химии она связана с усредненным уровнем выработки мозгом эндорфинов) выведена из условного состояния «равновесия», что во время приема таблетки, что после него.

Вместе с тем, вернемся к сериалу. Мориц встречает свою девушку Лизу (Anna Lena Klenke) после возвращения из Штатов, где она провела год по программе обмена школьников. За этот год понимание Лизой мира и самой себя трансформируется: она наблюдает разрушение брака своих родителей, несостоятельность юношеских планов на будущее, что они строили вместе с Морицем. После этой поездки Лиза не знает, чего хочет, но точно знает, что не хочет того, о чем мечтала год назад. Помимо прочего в США она познакомилась с экстази, волшебной таблеткой, что возвращает ей вкус к жизни в условиях тотального экзистенциального вакуума. За очередной порцией счастья она обращается не к бывшему возлюбленному Морицу, но красавчику Даниэлю (Damian Hardung), кто знает толк в вечеринках и умеет скрывать за красивыми селфи неурядицы в семейной жизни родителей и слабые отметки в школе. Мориц ищет варианты того, как

¹ Fingeret M. C., Moeller F. G., Stotts A. Gender differences among MDMA users on psychological and drug history variables // Addictive Disorders and their Treatment. 2005. Vol. 4, no 2. P. 43—48.

вернуть любимую. Наиболее оптимальным из возможных оказывается продажа наркотиков онлайн (быстрая).

Из истории социальной нормы. Предложенный прецедент является нарушением нормы в социальном и юридическом планах. Если психическая норма говорит нам о том, как должен функционировать мозг человека, свободный от воздействия любых психотропных веществ, то социальная и связанная с ней юридическая норма утверждают то, как должны вести себя социальные агенты. Отсюда понимание социальной нормы возможно в контексте т. н. социального блага, некоего идеала, что был сконструирован в эпоху Нового времени. Авторами этого идеала в определенной степени являются английские философы, Т. Гоббс и Дж. Локк. В своих трактатах о власти они оба обращаются к метафоре левиафана. Из христианского дискурса мы помним о том, что левиафан — это морское чудовище, что пожирает души проклятых. Вообще большие и опасные змеи в культуре разных народов и разных эпох — весьма распространенный символ. На российских монетах наряду с двуглавым орлом возвышается на своем коне Георгий Победоносец и поражает своим копьем змея. Эта картинка рисует легко прочитываемый двухполярный мир: всадник «отвечает» за добро, змей — за зло; вонзив копье в тело змея, всадник утверждает добро в этом мире. Не все так прозрачно, однозначно с новозаветным левиафаном. Он сотворен богом, дабы пожирать души проклятых. Его невозможно одолеть, но с ним можно договориться: «Моешь ли ты удою вытащить левиафана и веревкою схватить за язык его? вденешь ли кольцо в ноздри его? проколешь ли иглою челюсть его? будет ли он много умолять тебя и будет ли говорить с тобою кротко? сделает ли он договор с тобою, и возьмешь ли его навсегда себе в рабы?.. Нет на земле подобного ему; он сотворен бесстрашным; на все высокое смотрит смело; он царь над всеми сынами гордости»¹.

Идея договора человека с морским чудовищем оказалась настолько привлекательной, что, следуя друг за другом, Т. Гоббс и Дж. Локк используют ее в своих государственных моделях². Исторически первым к ней обращается Т. Гоббс.

¹ Книга Иова // Поэзия и проза Древнего Востока / пер. С. Аверинцева. Москва, 1973.

² *Гоббс Т.* Левиафан. Москва : Рипол Классик, 2017; *Локк Дж.* Два трактата о правлении. Москва : Социум, 2022.

Английский мыслитель использует связь человека с древним чудовищем неслучайно. Следуя латинской поговорке, он заключает, что homo homini lupus est (человек человеку волк). В XVI в. в Англии начинается сложный процесс перехода от феодальной системы ведения хозяйства к капиталистической. Капитализм есть та экономическая система, что базируется на феномене личной свободы и частной собственности. Идея персональной свободы зиждется на установке, согласно которой точка свободы — несвободы проходит по линии там, где заканчивается твой кулак и начинается мой нос. Это то, что И. Берлин впоследствии назовет «свободой от»¹. То же самое должно безболезненно проецироваться на систему хозяйствования: линия свободы — несвободы проходит по границе моих ворот или двери. Но эта проекция разрушается в столкновении с реальностью, что формируется на ветхозаветном языке «волками», не людьми. Потому, по Т. Гоббсу, чуть позже, по Дж. Локку, люди договорились между собой о том, что отчуждают от себя часть своих свобод и делегируют их левиафану, чудищу страшному, но справедливому.

Идея социальной нормы, от языковой до правовой, в том числе, нормы уголовного права, презентирована в современном социальном дискурсе. В разных исследованиях авторы утверждают неустойчивость современной культуры, что, помимо прочего, отражается в проблемах социальной коммуникации, персональном движении личности в обеспечении собственной свободы, пертурбации ценностей. К примеру, А. И. Макаров и И. С. Селезнев обращаются к идее номинативного языка из социальной теории О. Розенштока-Хюсси по причине «дисфункции имен в современном обществе»; они исходят из установки на то, что имя претендует на статус искомой социальной нормы, способно выступить продуктивным «посредником между языком и обществом, обеспечивающим процессы нормальной социальной коммуникации»². Л. В. Лобанова, А. П. Рожнов, Л. Н. Ларионова, в свою очередь, ставят вопрос об уголовном праве и его категориях как разметки для воспитания личности свободной (1), созидания личности своей свободой (2) и установления личностью границ своей свободой как

¹ Берлин И. *Философия свободы*. Европа. Москва : Новое литературное обозрение, 2001.

² Макаров А. И., Селезнев И. С. Что такое номинативный язык общества? *Философский анализ социальной теории О. Розенштока-Хюсси // LOGOS ET PRAXIS*. 2020. Т. 19, № 1. С. 25.

позитивной практики реализации этой свободы в обществе (3)¹. Наконец, Ю. Ю. Ветютнев утверждает кризис ценностей в культуре, поименованной постмодернистской. Сама культура, по утверждению Ю. Ю. Ветютнева, дробит и распадается традиционные ценности². Отсюда задача нормы, в том числе, правовой нормы, в том, чтобы установить логику и гармонию в ценностном бытии человека в ситуации перманентно меняющихся ценностей³.

Концовка «How to sell drugs online (fast)» назидательна. Деятельность MyDrugs, онлайн-детища Морица и Ленни, раскрыта; ключевой актант, т. е. Мориц, определен и обезврежен. Мориц берет всю ответственность на себя. В течение функционирования MyDrugs тысячи людей получали экстази онлайн, были убиты (случайно и спланировано) четыре наркодилера. Одновременно с этим Мориц зарабатывает необходимую сумму для лечения саркомы Юинга у Ленни; Ленни и Даниэль находят свои «вторые половинки»; Лиза находит себя в журналистике; а сам Мориц, осужденный на пребывание в тюрьме общего режима, продолжает строить гениальные планы, в том числе, выходя на связь онлайн со своими друзьями прямо из тюремной камеры.

Заключение. 3 уровня нормы

Кажется, что в философском контексте идею нормы следует наблюдать на трех уровнях:

Первый или базовый — уровень биологического: в отношении человека это будет некая физиологическая норма, что можно мониторить в контексте здоровья, физического и психического;

Второй — уровень социального, согласно которому человек является социальным актантом наряду с другими людьми,

¹ Лобанова Л. В., Рожнов А. П., Ларионова Л. Н. Отражение феномена свободы в категориях уголовного права // LOGOS ET PRAXIS. 2019. Т. 18, № 4. С. 32.

² Ветютнев Ю. Ю. Кризис в аксиологии права // Долженствование, норма и научное знание в прогнозируемом будущем : материалы Всерос. науч. конф. Симферополь, 2021. С. 157—159.

³ Ветютнев Ю. Ю. Отражение ценностного релятивизма в правовых нормах // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма : сб. тр. междунар. науч. конф. / редкол.: И. Д. Невважай (отв. ред.) [и др.]. Саратов, 2021. С. 493—497.

обществом, социальными институтами и государством. На этом уровне в силу вступают языковые и правовые нормы;

Третий — универсальный уровень. Это постгуманистическая оптика в видении и понимании современного человека. На этом уровне человек фигурирует как актант наряду с иными однопорядковыми актантами (плоские онтологии) из мира природы и мира техники.

Понимание нормы и нормативного в контексте цифровой культуры возможно через фокусировку призмы на всех трех уровнях.

Медиаграмотность видеограундера

Современное российское образование вызывает ряд проблемных вопросов как у непосредственных акторов образовательной системы, так и у опосредованных наблюдателей. В эпоху иконического поворота рождается новая стратегия — медиаобразование, ключевым элементом которой выступает медиаграмотность. С пониманием специфики медиаграмотности в принципе вопросов не возникает (благо, существует масса авторитетной литературы по этой теме). Другой вопрос, как эту грамотность взрастить в современных российских студентах. Тем более, если речь идет о преподавании гуманитарных дисциплин. В предлагаемой статье представлена вариация на тему формирования медиаграмотности — практика видеограундинга, проиллюстрированная примером сопоставления классического философского (С. Де Бовуар «Второй пол») и сериального текстов («Orange is the New Black»).

В последнее время в системе образования все чаще возникает вопрос о необходимости введения в образовательный процесс мультимедийных технологий. Эта необходимость вызывает ряд дискуссий в среде непосредственных «давателей» образования. Сегодня мы находимся между Сциллой и Харибдой, когда педагоги «старой школы» желают непосредственной коммуникации со студентами, диктуя своим подопечным готовые тезисы, а университетская администрация в иных случаях требует обезличенной коммуникации, в которой преподаватель выступает лишь «электронным» источником информации (будь то отображение тезисов в презентациях, общение по электронной почте или тесты online). В контексте философских дисциплин из процесса препода-

давания невозможно исключить элемент «живого» общения между «учителем» и «учеником». Вместе с тем, не стоит забывать о во многом нераскрытом на базе российского образования потенциале медиа. Как бы это двояко не звучало, но такие направления, как медиапедагогика, медиаобразование и медиаграмотность являются трендовыми в мировом образовательном процессе.

Современные студенты живут в действительности иконического поворота, требуя от своего преподавателя не «рассказа», а «показа». Возможно, поэтому «ЮНЕСКО рассматривает медиаобразование как приоритетное направление педагогики XXI века»¹. Более того, еще в 1984 г. специалисты из ЮНЕСКО попытались дать определение неологизму того времени: «Медиаобразование — это обучение теории и практики использования современных средств массовой коммуникации...»². В отличие от иных образовательных технологий медиаобразование нацелено на репрезентацию реальности. Этот подход оправдан в разрезе того, что процесс предоставления студенту обширного массива информации обесмыслился тогда, когда перед современными студентами открылся доступ ко множеству информационных баз. Проблема здесь в другом: не каждый студент способен использовать информационный ресурс в целях самосозидания. Поэтому сегодня актуальность обретает один из аспектов медиаобразования — медиаграмотность, которая, по словам Н. Б. Кирилловой, «дает студентам возможность общаться с медиа под критическим углом зрения, с пониманием значимости медиа в их жизни»³. Из всех направлений медиаграмотности, существующих на сегодня, остановимся на одном: «обучение медиаграмотности предоставляет студентам возможность декодировать медиатексты, чтобы распознать и оценить ценности, идеи и значимость, которые содержатся в них»⁴. Как нам кажется, предоставленные медиаграмотностью функции «декодирования» и «оценки» реализуются в практике видеограундинга, что было уже отмечено в анализе фантастических литературных

¹ Кириллова Н. Б. Медиалогия. Москва : Академический проект, 2015. С. 365.

² Media Education // Paris : UNESCO, 1984. С. 8.

³ Кириллова Н. Б. Медиалогия... С. 366.

⁴ Dunkan B. Media Literacy Recourse Guide. Toronto : Ministry of Education of Ontario : Publications Branch of Queen's Printer, 1989. С. 7.

и аудиовизуальных произведений¹, сериала «Californication»² и мультсериала «South Park»³. Прежде чем приступить к анализу примера «медиатекста», оговоримся, что есть видеограундинг. Видеограундинг понимается нами как практика, направленная на самосозидание зрителя, на осмысление им видео, в том числе, в контексте философской рефлексии. Зритель превращается в видеограундера только тогда, когда не бездумно воспринимает мельтешащие icons, но «впускает в себя» эти icons, стремится к осознанию видеообразов и осмыслению своего существования в контексте увиденного. Для иллюстрации этой практики обратимся к проблеме философии экзистенциализма (экзистенциализм — то слово, которое с таким трудом произносится студентами) — проблеме свободы человека на примере текста С. Де Бовуар «Второй пол» и сериала «Orange is the New Black».

По проблеме свободы в экзистенциалистском ключе интересна позиция С. де Бовуар, в том числе, потому что ее, одну из немногих признанных женщин-философов, интересовала экзистенция не «человека вообще», а специфика существования реальной женщины, свобода реальной женщины.

В древнекитайских текстах зафиксировано следующее: «начало» мира или «Великий предел» есть имманентно присутствующая в мире изначальная материя тайцзы. Субстанции, тайцзы порожденные, принято называть инь и ян как начала всего темного и светлого, соответственно⁴. Под «инь» древние китайцы понимали землю и Луну, «ян» же ассоциировалось с Солнцем и небом. Активное «ян» олицетворялось в мужском начале, пассивное «инь» — в начале женском. Обращение к философии начал «инь» и «ян» — лишь один пример из

¹ Дыдров А. А., Пеннер Р. В. Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений) // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. 2013. № 1 (33). С. 87—91.

² Пеннер Р. В. Свобода «по-калифорнийски» или восприятие «онтологического понимания» свободы видеограундером // Знак: проблемное поле медиаобразования. 2014. № 1 (13). С. 94—100.

³ Пеннер Р. В. Видеограундинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиаккультуры // Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики : материалы межрегион. науч.-практ. конф. Екатеринбург, 2015. С. 120—123.

⁴ И цзин «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / пер. с кит., предисл. и примеч. В. М. Яковлева. Москва : Янус-К, 1998. 267 с.

истории, где проявляется устойчивая ассоциация пассивного начала и женской природы. Эта тема, наравне с вопросами об особенностях эксципирования женщин, выступила ключевой в философии С. де Бовуар.

В «И цзин» прослеживается весьма интересная мысль: будучи нерасчлененным началом, тайцзы порождает дуалистическое единство — «инь» и «ян» как олицетворение «крайних противоположностей», являющих собой две части единого целого. Потому резкое, решительное противопоставление мужского и женского начал в практике человеческого бытия бессмысленно. В свою очередь, С. де Бовуар стала ярким выразителем дихотомии мужского и женского как противоположностей, не единения, но категоричного противостояния двух начал во взаимоотношениях полов, «скатывающегося» до рабства (где поработанным элементом *аргіогі* выступает женщина) и войны. Обратимся непосредственно к тексту «Второго пола»: «Я уже говорила о массе неточностей, возникающих из-за того, что психоаналитики принимают категории “мужчина — женщина” в том понимании, в каком они существуют в современном обществе. То есть мужчина считается представителем позитивного и нейтрального, в нем видят одновременно самца и представителя рода человеческого, женщина же представляет собой только негативное, она не более чем самка. Поэтому всякий раз, когда она ведет себя как представитель человеческого рода, о ней говорят, что она хочет уподобиться самцу. Ее занятия спортом, политикой, наукой, ее влечение к другим женщинам воспринимаются как “протест против засилья мужчин”; общество не желает видеть, что она стремится к завоеванию определенных ценностей, и поэтому расценивает ее субъективное поведение как выбор, противоречащий ее природе»¹.

Вместе с тем, поднятая С. де Бовуар проблематика, в первую очередь, затрагивает не вопросы «войны» полов, а специфику эксципирования «современной» женщины, специфику свободы в бытии этой женщины. В поиске адекватного тексту сериального образа возникают некоторые проблемы, т. к. изображение женщин, в том числе, в сериалах, не всегда коррелирует с образом интеллектуалки феминистки, сконструированным С. де Бовуар в середине и второй половине XX в. Поэтому представляется возможным обращение к тому

¹ *Бовуар С.* Второй пол : в 2 т. Т. 2. Москва : Прогресс ; Санкт-Петербург : Алтейя, 1997. С. 449.

сериалу, в котором женщине не только предписана роль главной героини, но и показана жизнь этой героини в условиях повседневности. Женщина как элемент множества, как часть «фона» (например, персонажи, заключенные в женской исправительной колонии) — атрибут сериала «Оранжевый — хит сезона» (в оригинале «Orange is the New Black»).

«Orange is the New Black» стал телевизионным хитом 2013 г., стартовавшим на канале «Netflix». Мемуары П. Керман «Orange is the New Black: My Year in a Women's Prison» были переложены на «сериальную» «ткань» и срежиссированы Дж. Коэном. Основа сюжетной линии сериала такова, что главная героиня, Пайпер Чэпмен, заключена в женскую федеральную тюрьму за преступление десятилетней давности. Эпизоды сериала акцентируют внимание зрителя на попытках П. Чэпмен встроиться в «иерархию» заключенных. В первом сезоне сериала были затронуты проблемы повседневной жизни женщин, попавших в тюремное заключение, и выдвинута попытка раскрытия причин попадания современных женщин в тюрьму.

Вернемся к тексту «Второго пола»: «Любой субъект конкретно полагает себя через определенные проекты — это его трансценденция. Он осуществляет свою свободу лишь путем постоянного самоопределения на пути к другим свободам. Единственное оправдание его сегодняшнего существования — это его устремленность в бесконечно открытое будущее. Каждый раз, когда трансценденция застывает в имманентности, существование деградирует, превращаясь в “в-себе-бытие”, а свобода оборачивается фактичностью»¹. Обыденное сознание убеждает нас в том, что в заключении нет места трансцендированию, человек погружен в самого себя, его действия резко ограничены неспособностью выйти за четко ограниченные рамки, т. е. он скован иманированием. Но сюжет «Orange is the New Black» подталкивает нас к восприятию иной точки зрения: именно в тюрьме заключенному предоставляется время осознать необходимость самотрансцендирования, созидания в самом себе некоего «стержня», чтобы не сломиться.

Именно в тюрьме штата Нью-Йорк Тэйсти Джефферсон (Д. Брукс) обращается к книгам: получив «должность» сотрудника библиотеки, Тэйсти сначала вынужденно, а потом со все возрастающим интересом открывает для себя всю «прелесть» знаний, запечатленных на бумаге. София Бурсет

¹ Там же. С. 38—39.

(Л. Кокс) обнаруживает Бога, что во многом спровоцировано чувством отчуждения (София является транссексуалом).

Своеобразное преломление получает в сериале следующий тезис С. де Бовуар: «...неспособный реализовать в одиночестве, человек, общаясь с себе подобными, постоянно подвергается опасности: жизнь его — это трудное предприятие, успех которого никогда не может быть обеспечен»¹. Иными словами, человек обретает свободу в процессе своего трансцендирования, однако «выход» его за пределы самого себя с необходимостью полагает выстраивания взаимоотношений с Другим, ибо человек, еще со времен Аристотеля, полагался, прежде всего, «животным социальным». Осознание подобной позиции в сериале обыгрывается следующим образом: в тюрьму прибывает группа несовершеннолетних преступников по программе «Scared Straight!». Перед заключенными стоит задача изобразить тюремное бытие так, чтобы дети «до смерти напугались» и вернулись на путь «Закона и Справедливости». Основой иллюстрируемого страха в «спектакле» стало моделирование заключенными со-бытия с «тюремным» Другим (досмотры, драки, ругань, оскорбления и т. д.). Однако подобный «спектакль» не подействовал на девочку, прикованную к инвалидному креслу. Тогда слово в «спектакле» взяла П. Чэпмен: «На «свободе» легко убедить себя, что ты есть то, кем не являешься. Нужно просто продолжать движение, занимать себя делами, чтобы не сталкиваться с реальностью, но... ты — слабая... Я знаю, что до этого места я была кем-то, и у меня была жизнь, которую я сама для себя выбирала. А теперь главное — дотянуть до вечера, не заплавав. Я боюсь, я все еще в ужасе. Боюсь, что перестала тут быть собой, и боюсь, что собой-то и стала. Другие не есть самое страшное, что ты обнаружишь в тюрьме, Дина. Настает время, когда ты лицом к лицу сталкиваешься с тем, кто ты есть, потому что в этих стенах бежать некуда, даже если бы ты могла бегать. Правда поймает тебя здесь, Дина, и правда подчинит тебя своей воле»².

И все же основой труда С. де Бовуар следует полагать рассуждения о стимуляции в женских умах идеи бунта против мужского «господства»: «Мужчина стал полагать себя по отношению к женщине как хозяин, потому что человечество

¹ Бовуар С. Цит. соч. С. 181.

² Orange is the New Black. Bora Bora Bora. URL: <http://clipiki.ru/video/240000/Oranzheviy--hit-sezona-1-sezon-10-seriya> (дата обращения: 05.09.2023).

поставило вопрос о сути своего бытия, то есть предпочло жизни смысл жизни; проект мужчины заключается не в том, чтобы повторяться во времени, а в том, чтобы восторжествовать над мгновением и ковать будущее. Именно мужская деятельность, создавая ценности, утвердила как ценность само существование; она одержала верх над темными силами жизни, а также поработила Природу и Женщину»¹. В противовес женщина осмысляется С. де Бовуар как самостоятельное начало, способное к трансцендированию, как равный представитель человеческого рода, свобода которого, проявляется в «получении абстрактных прав и конкретных возможностей»². На протяжении многих столетий происходило «порабощение» женщины: «Экономические преимущества, которыми обладают мужчины, их социальная ценность, престижность брака, важность мужской поддержки — все склоняет женщин страстно желать нравиться мужчинам. В целом они еще не вышли из вассальной зависимости. Из этого следует, что женщина познает и выбирает себя не такой, какая она есть для себя, но такой, как определяет ее мужчина»³. Положение современной женщины таково, что несмотря на прогресс, переживаемый человечеством, она (женщина) не смогла выйти из «вассальной» зависимости от мужчины. Поэтому вполне определенной реакцией женщины возможен бунт против исторически обусловленного, противоречащего справедливости режима. Чэпмен как раз и есть тот активный элемент сериала «Orange is the New Black», который выражает свою позицию в форме протеста. Однако протест ее направлен не столько на мужчин, а на одну из заключенных — Пенсетуки Доггетт (Т. Мэйнинг). Доггетт изображена в сериале как апологет веры: все есть Бог и сила в Боге. Ей управляет не конкретный мужчина, а Мужчина как высшее трансцендентное начало, христианский Бог. Возненавидев Чэпмен за то, что та не принимает ее религиозных взглядов, Доггетт, вооружившись самодельным крестом, в канун Рождества пожелала творить божью кару, убить неверную. И тогда Чэпмен, защищаясь, проявляет силу своего бунта, под звуки рождественского гимна удар за удар она выражает протест против несправедливости, избивая Доггетт. Безусловно, «драка» ключевого персонажа «Orange is the New Black» не есть единственное выражение позиции

¹ Бовуар С. Цит. соч. С. 95.

² Там же. С. 174.

³ Там же. С. 179.

С. де Бовуар; это одна из вариаций на тему о том, как современная женщина способна выжить. Женщина-философ усмотрела необходимый элемент подобного выживания в бунтующем начале, в противостоянии женщины засилью «хозяйских» правил и ценностей. П. Чэпмен зачинает свой бунт не против мужчин, а пытается сохранить человеческое лицо в угрожающих ее бытию условиях: тюремное заключение, предательство жениха, агрессия со стороны «созаключенных» и т. д.

Следуя позиции Ж.-П. Сартра, к атрибутивным характеристикам свободы С. де Бовуар относилась стремление человека к выходу за границы имманентного, способность к трансцендированию посредством реализации фундаментального проекта, проявления имманентной выборной активности. Однако, в отличие от своего спутника, С. де Бовуар четко разграничила свободу женщины и мужчины. Свободу современной ей женщины она позиционировала как «мистификацию»¹. Свои размышления о «втором поле» С. де Бовуар фундировала установкой на то, что женщина является полноправным и полноценным актором, а потому фактическая (историческая) угнетенность женщины служит оправданием для возникновения «бунта», попытки демонтажа существующих гендерных стереотипов и норм. Безусловно, не все идеи философа нашли выражение в современной медиакультуре, однако сериал «Orange is the New Black» являет точки соприкосновения со многими установками С. де Бовуар.

В заключении следует отметить, что обращение к практике видеограундинга выступает лишь вариацией на тему о том, как оптимально донести некоторые философские идеи до современной молодежи. Многие студенты сегодня не читают, но смотрят. Это ни в коей мере не обуславливает их философскую грамотность как результат увиденного. Наоборот, преподаватель, ориентированный в своей практике на формирование у студентов медиаграмотности, может совместить два процесса: смотрящего студента подводить к осмыслению, а читающего к созданию «картинки». Этот подход, безусловно, идеализирован. Вместе с тем, в современной системе образования возможно воспитать видеограундера, «нового типа «зрителя» произведений медиакультуры, что не утопает в зависимости от просмотренного, а обнаруживает свои выходы в свободу в реальном мире»².

¹ Бовуар С. Цит. соч. С. 174.

² Пеннер Р. В. Видеограундинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиакультуры... С. 123.

Новое время — новый номадизм

*“Yes, that’s it”, said the Hatter with a sigh:
“it’s always tea-time, and we’ve no time to
wash the things between whiles”¹.*

Выбор эпитафии неслучаен. Герои Льюиса Кэрролла, собравшись на чаепитие, оказались в ситуации отсутствия выбора. Они хотели обмануть время и всегда иметь зазор для отдыха между непосредственно процедурой питья чая и поедания закусок. Это хотение, в свою очередь, породило тотальное чаепитие, где единственное, что им остается — это хождение по кругу и смена мест за столом.

Чем-то картина из «детской сказки» напоминает бытие современного человека. Ведь, с одной стороны, человек обучается наукам и научается компетенциям для того, чтобы обрести свое место в социуме и, тем самым, обрести относительную свободу (возможно, более верно — независимость от) этого социума. Реальность же оборачивается тем, что в поиске своего места в мире человек не оседает, но движется; и это движение может стать тотальным.

В гуманитарных науках фигурой, олицетворяющей идею движения, является номад или кочевник. Русскоязычное слово кочевник берет свое начало в тюркском языке, в словах *qoşh*, *qoşh*, *көш*. Англоязычный *nomad* идет из латинского языка от слов *nomos* и *nomadis*. *Nomos*’у близка *terra* (от лат. земля) и противоположно *nomas* (от лат. область). Иными словами, номад или кочевник сегодня репрезентирует образ человека, не укоренившегося в конкретной области или

¹ «Да, вот и все, — со вздохом сказал Шляпник. — Здесь всегда пора пить чай. Мы не успеваем даже посуду вымыть!» *Carroll Lewis. Alice’s Adventures in Wonderland. New York : Bamboo Books, 2015. P. 48.*

почве, но сохраняющего связь с землей посредством имманентного своей природе перемещения по ней.

История кочевников начинается в доцивилизационный период развития человечества. В отличие от оседлых племен, кочевники занимались экстенсивным скотоводством; это предопределило необходимость их движения к новым территориям. Информация о скифах, гуннах, тюрках и сарматах находится сегодня в открытом доступе. По ней мы узнаем об иерархии, быте, верованиях, миграции кочевников. Обратит внимание следует и на то, что в своем становлении мировоззрение западноевропейской культуры пошло по пути оседлого образа жизни. К примеру, уже к концу XIX в., согласно данным общероссийской переписи, численность кочевников сократилась в десятки раз по сравнению с данными XV—XVI вв.¹ Одним из факторов, обусловивших подобную динамику, была низкая рождаемость кочевников в сравнении с земледельцами.

Однако к концу XX в. философы-постмодернисты обращаются к фигуре кочевника как к иллюстрации становления человека кем-то (будь то становление ребенком, животным (в т. ч. волком), телом без органов или женщиной)². Прежде чем погрузиться в особенности постмодернистского видения кочевника, вернемся к статистике. По данным Евростата (Eurostat), число беженцев в странах Евросоюза значительно выросло за последнее пятилетие³. Примечательно то, что в миграционных официальных отчетах стран Евросоюза отображается только внешняя динамика. Перемещения внутри союза даже официально не отслеживаются. Граждане Евросоюза способны перемещаться по странам союза только с ID-картой, без паспорта. Это привело к тому, что европейцы сегодня рождаются в одной стране союза, образование получают в другой, работают — в третьей или в нескольких странах одновременно, путешествуют без видимых сложностей по всей территории Евросоюза. Обозначенный тренд зародился в США в послевоенный период. Тогда с изменением качества и повышением доступности высшего образования изменилось соотношение голубых (рабочие, занятые физическим трудом) и белых (работники умственного труда) воротничков в пользу последних. С переходом от физического к умственному труду,

¹ Емельянов Ю. В. Рождение и гибель цивилизаций. Москва : Вече, 1999.

² Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: тысяча плато. Москва : Астрель, 2010.

³ URL: <https://www.swissinfo.ch/rus/politics>.

работник стал менее зависим от нанимающей его компании (иными словами, не привязан к тому заводу, на котором работали его отец и дед), и оттого более мобилен в своем движении по территории в поисках лучшего предложения.

Этот тренд реализуется в России с распадом Советского Союза и приобретает наибольшее развитие с развитием медиа и инфокоммуникационных технологий.

Время новое. Обоснование новизны современности. В другом эпизоде «Приключений Алисы» герои размышляют о времени:

Alice sighed wearily. “I think you might do something better with the time,” she said, “than wasting it in asking riddles that have no answers.”

“If you knew time as well as I do,” said the Hatter, “you wouldn’t talk about wasting *it*. It’s *him*.”¹

Проблема рода времени, наверное, не столь важна, сколько понимание того, что есть время, в том числе, время сегодняшнее. Обращает на себя внимание тот факт, что в новейших и новых философских словарях категории времени как таковой нет.

Для иллюстрации тезиса обратимся к «Новейшему философскому словарю» А. А. Грицанова. Время здесь представлено в трех сочетаниях: пространство и время, осевое время и социальное время. При этом из всех вариантов осевое время — это термин, имеющий автора (К. Ясперс) и ориентированный на раскрытие экзистенциального авторского подхода, нежели на уточнение самой категории времени.

В терминологической статье «Пространство и время» А. А. Грицанов указывает на фундаментальность обеих категорий; время — это «ритмика смены формы бытия вещей и явлений»². Вместе с тем, в статье присутствует указание и на то, что новые данные естественных наук в XX в. (прежде всего, теория относительности А. Эйнштейна), обосновали нелинейную модель времени. Нелинейность времени в

¹ Алиса вздохнула с досадой. «Я думаю, вы можете сделать что-то лучше со временем, — сказала она, — чем придумать загадки без ответа».

«Если бы ты знала Время так же хорошо, как я, — ответил Шляпник, — ты бы этого не сказала. Это он». *Carroll Lewis. Alice’s Adventures in Wonderland...* P. 46.

² *Грицанов А. А.* Новейший философский словарь. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=149350>.

физике побудила философов иначе взглянуть на фундаментальную категорию, в том числе, обозначить отсутствие времени «вовне» и «внутри» (по М. Хайдеггеру).

В «Проективном словаре гуманитарных наук» М. Эпштейн объединяет в разделе время с историей, что следует идее самого словаря. Здесь мы находим интересные понятия: временение, мгновечность, местомиг, особитить, предбудущее, хронема и хроноцид. Не вдаваясь в подробности всего списка перечисленных понятий, подробнее остановимся на содержании двух из них.

«Предбудущее (antefuture)» — это время «пред» — предчувствия, предварения, предвосхищения. Волевые акты направлены, как правило, не в будущее, а в предбудущее. Это зона самого активного, бурно текущего времени: желаний, побуждений, стремлений, намерений. Если будущее — «то, что будет», то предбудущее — «то, чему быть» (или «не быть»). Будущее — это отдаленная перспектива, а предбудущее — порог, перед которым мы стоим, область предельного напряжения всех сил и способностей¹.

И

Хроноцид (chronocide; греч. chronos, время и лат. caedere, убивать). Времяубийство, насилие над естественным ходом времени, над историей, эволюцией; разрушение связи времен, принесение одного времени в жертву другому².

Выбор обоих понятий обоснован обращением к претензии современности на статус «нового» времени. С одной стороны, просто будущего современному человеку уже недостаточно; в своей ориентации на результат человек использует предбудущее как калькуляцию выбранной стратегии через отдельные поступки и действия.

Вместе с тем, человек просчитывает свое будущее (вплоть до детализации конкретных событий, связанных с карьерой или семьей), как бы «оплотняя», «отелеснивая» то, что является лишь абстракцией. Сегодня, выражаясь языком М. Эпштейна, распространена стратегия хроноцида прошлого и настоящего ради будущего. Иными словами, ори-

¹ Эпштейн М. Н. Проективный словарь гуманитарных наук. Москва : Новое литературное обозрение, 2017. С. 283.

² Там же. С. 297. (Обозначенное понятие автор иллюстрирует феноменом революции как «идейным убийством прошлого и настоящего во имя абстрактного будущего» — Р. П.).

ентация на идею себя в будущем и утрата состояния «здесь и сейчас».

Синтез понятий предбудущего и хроноцида в их экзистенциальном прочтении обозначает возможные черты в представлении современного человека о себе. Это движение человека к реализации проекта самого себя. Но если в трудах философов-экзистенциалистов человек реализует проект в конкретных идеях и поступках (например, у А. Камю знание об абсурдности мира и тщетности усилий что-либо изменить лишь усиливает достоинство каждого выбора и поступка¹; или у Ж.-П. Сартра делание выбора, стояние на распутье, как формирование сути человеческого²), то здесь непосредственной ценностью и даже первичностью обладает сам проект.

Однако вернемся к новизне, а точнее — к обоснованию новизны современности. Принципиальным отличием «нового» времени от предыдущих эпох является его информационная избыточность. Рубеж XX—XXI вв. обозначен как постиндустриальная, информационная эра. Современный человек вынужден обрабатывать то количество информации, что он не всегда способен обработать. Более того, он отслеживает информацию тогда, когда скорость ее обновления сокращается до секунд. Все это происходит на фоне «отелеснивания» будущего и приоритета проекта над действием.

Информационная эпоха порождает новый тип номада. Это уже не блуждающий по географической территории, но движущийся по территории информационной. Это тот, кто в потоке информации способен реализовать фундаментальный проект или растерять, разбросать себя.

Философы-постмодернисты во второй половине — конце XX в. создали концептуальную рамку, которую можно приложить сегодня на человека, видя в нем номада XXI в.

Концепт номадизма в дискурсе философии постмодернизма. Идею номадизма вводят в философский дискурс Ж. Делез и Ф. Гваттари в совместной работе «Тысяча плато». Вернее, в «Логике смысла» Ж. Делез уже расчерчивает проблемное поле, из которого впоследствии оформляется содержательное наполнение номадизма.

¹ Камю А. Миф о Сизифе. Москва : Астрель, 2011.

² Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм. URL: https://scepsis.net/library/id_545.html.

Идея номада антиномична идее целостности человека; в ней звучит «отказ от характерных для классической метафизики презумпций»¹, а именно от:

- 1) презумпции структурности бытия;
- 2) центризма;
- 3) детерминизма;
- 4) бинаризма;
- 5) смысла, предзаданного бытию.

В этой противоположности Логосу-Древу, номадизм обретает свое место в постмодернистском дискурсе, и не только в работах Ж. Делеза и Ф. Гваттари. К примеру, Р. Барт в небольшой статье с эпатажным названием «Смерть Автора» обосновывает новую логику письма и чтения, согласно которой ликвидируется некогда присущая автору власть над своим произведением; происходит «удаление автора», т. к. «автор есть всего лишь тот, кто пишет, так же как “я” всего лишь тот, кто говорит “я”; язык знает “субъекта”, но не “личность”, и этого субъекта, определяемого внутри речевого акта и ничего не содержащего вне его, хватает, чтобы “вместить»” в себя весь язык, чтобы исчерпать все его возможности»². Так Р. Барт обосновывает процесс отчуждения автора от своего творения в процессе письма, т. е. той «области неопределенности, неоднородности и уклончивости, где теряются следы нашей субъективности; это чернобелый лабиринт, где исчезает всякая самотождественность, и в первую очередь, телесная тождественность пишущего»³. В эпоху письма произошел сдвиг от произведения к тексту; автор утратил свою власть над произведением, и ему на смену пришел скриптор, свободнодвигающийся по текстам и сам творящий текст.

Ж. Деррида в работе «Письмо и различие» в числе прочего поднимает проблему феноменологической модели структуры познания. Для этого он обращается к «Ideen I» Э. Гуссерля. В «Идеях» Ж. Деррида обнаруживает ошибку Э. Гуссерля в структуре сознания, интенциональные моменты которой — ноэзис и ноэма. По причине того, что ноэма не принадлежит сознанию, Э. Гуссерль, по версии Ж. Деррида, обратился к методу трансцендентальной редукции, дабы нивелировать

¹ Грицанов А. А., Можейко М. А. Постмодернизм : энциклопедия URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/nomadologiya.html>.

² Барт Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика. Москва, 1994. С. 386.

³ Там же. С. 384.

лакуны в познавательном процессе. В свою очередь, ноэма как составляющая сознания указывает на «провал и невозможность всякой структуры и всякого систематического структурализма»¹. Открытость ноэмы предопределяет открытость сознания, отчего сознание можно сопоставить с тканью. Сознание не принадлежит ни точке, ни региону, тем самым разрушая саму возможность предзаданной ему структуры. Это Ж. Деррида называет «анархией ноэмы»; именно анархичность, аструктурность сознания «является корнем и самой возможностью объективности и смысла»².

У Р. Барта и Ж. Деррида речь идет даже не о номаде как таковом, а о номадическом, ризоматическом подходе к пониманию текста или сознания. Всегда за этим пониманием и в его ракурсе находится человек. Вопрос о номаде и номадизме, прямо или косвенно, поднимают в своей совместной работе Ж. Делез и Ф. Гваттари. Идея номадизма многогранна, разные ее границы раскрываются через противопоставление номадической стратегии аппарату Государства, сопоставление номадизма и пространства, движения, становления.

Для раскрытия номадической стратегии Ж. Делез и Ф. Гваттари обращаются к иллюстрации из теории игр. Они сопоставляют Шахматы как конкретный пример аппарата Государства и Го как машину войны с точки зрения фигур, отношений между фигурами и пространства, где разворачивается игра:

1. Шахматы — игра императорского двора, шахматные фигуры кодированы, что предопределяет их движения, положения и противостояния. Фишки го, в свою очередь, — это анонимные единицы, что лишены внутренних свойств и наделены лишь положением;

2. Функции шахматных фигур на доске структурны; они поддерживают заданные отношения друг с другом и с фигурами противника. У фишек го структуры нет; есть среда внешнего, в соответствии с которой они выполняют функции закрепления или положения;

3. Шахматы — это война институционализованная, урегулированная, закодированная, с фронтом, тылом и сражениями. Го — это война без линии боя, без столкновения и отступления, а в пределе даже без сражения;

¹ Деррида Ж. Письмо и различие. Москва : Академический проект, 2000. С. 208

² Там же. С. 210.

4. Шахматы распределяются в закрытом пространстве, они движутся от одной точки к другой, занимая максимум мест минимальным числом фигур. Фишки же распределяются в открытом пространстве, удерживая пространство, сохраняя возможность появиться в любой точке — движение уже не идет от точки к точке, а становится непрерывным, без цели и направления, без исхода и прибытия¹.

В конце приведенной иллюстрации философы-постмодернисты приходят к заключению:

Шахматы кодируют и декодируют пространство, тогда как же ведет себя совсем иначе, территориализуя и детерриториализуя пространство (сделать из внешнего территорию в пространстве, закрепить эту территорию с помощью обустройства второй — примыкающей — территории, детерриторизовать противника, разрушая его территорию изнутри, детерриторизовать себя путем отказа, ухода в другое место). Иная справедливость, иное движение, иное пространство-время².

Иная справедливость, иное движение, иное пространство-время — все это определяет движение и существованиеномада в современности. Речь уже не идет об аналогии с кочеванием древних; это описание движения человека, вышедшего из структурированного рифленого пространства в пространство гладкое, свободное от предзаданной структурности и иерархичности.

Гладкое и рифленое — это линии и пространства, рождающие путешествие-Гете и путешествие-Клейст, французское путешествие и английское (или американское) путешествие, путешествие-дерево и путешествие-ризому. Кроме того, выход в гладкое пространство возможен в самом рифленом. Такой выход совершают номады городов, «например, прогулка Миллера в Клиши или Бруклине — это пробег в гладкое пространство, он заставляет город извергать лоскутные ткани, дифференциалы скорости, задержки и ускорения, изменения направлений, непрерывные вариации...»³ Иными словами, движение возможно за пределами непосредственного движения, а путешествие — это не только смена фактического местоположения, т. к. номад не движется. Суть номадов городов, таким образом, сводится не к их факти-

¹ Делез Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения: тысяча плато... С. 589—590.

² Там же. С. 591.

³ Там же. С. 819.

ческим возможностям перемещения и самим перемещениям, а к их способности мыслить, к выбранным способам опространствования, способам бытия в пространстве, бытия для пространства. Путешествие в гладком — это всегда становление, становление трудное по причине своей неопределенности. История демонстрирует номадов Востока и Севера, тех, кто создал особое направление в искусстве, изобрел «становление-художником»¹.

Становление-художником — это всего лишь один из возможных вариантов становлений номада. Более того, это конкретика. Менее конкретные вариации, обозначенные Ж. Делезом и Ф. Гваттари, это становление-интенсивностью, становление-животным и, наконец, становление-невоспринимаемым.

Идею становления философы обозначают фильмом «Уиллард» (1972 г., Д. Манна). Уиллард живет с деспотичной матерью в доме, полном крыс. Мать поручает Уилларду уничтожить логово крыс, но, не дождавшись результата, умирает. Тем временем Уиллард начинает дружбу, породившую становление человека крысой и наоборот.

Здесь есть все: становление-животным, которое не довольствуется тем, чтобы осуществляться через сходство, и для которого, наоборот, сходство предстает как некое препятствие или остановка; становление-молекулой, связанное с размножением крыс, со стаей, подрывающей великое молярное могущество семьи, профессии и супружества; зловещий выбор, ибо в стае присутствует «любимец», с которым заключается некое соглашение об альянсе, ужасный договор; институт сборки, машина войны или преступная машина, способная дойти до саморазрушения; циркуляция безличных аффектов, альтернативный поток, опрокидывающий как означающие проекты, так и субъективные ощущения, и конституирующий нечеловеческую сексуальность; непреодолимая детерриторизация, заранее аннулирующая любые попытки эдиповой, супружеской или профессиональной ретерриторизации².

Концепт номадизма, построенный и обоснованный философами-постмодернистами, указывает на альтернативный целостному образ человека. Это не заверченный и не «запакованный» стандарт, к которому стремятся или следует стремиться. Это модель движения и преобразования,

¹ Там же. С. 843.

² Там же. С. 384.

становление, на которое влияют внешние детали. Это мысль-движение или движение мысли, способность человека к созидаанию пространства и собирания пространства вокруг себя; это совершение перехода из рифленого в гладкое, создание гладкого пространства.

Воплощение идей постмодернизма. Философы-постмодернисты внесли значительные коррективы в образ кочевника. Более того, в поздних произведениях Ж. Делеза номад выступает концептуальным персонажем, несущим идеи своего создателя¹. Прежде чем перейти к поиску в живом конкретном человеке XXI в. черты номадизма, остановимся на принципиальных моментах. Во-первых, не следует забывать о том, что номадизм как и любая иная философская идея является идеальным типом, рамкой. Искать тождества этой рамки с реальностью, ее совпадения с конкретным человеком не стоит. Более продуктивен тот подход, согласно которому будут обозначены черты и тренды реальности, совпадающие с логикой номадизма. Во-вторых, философы-постмодернисты внесли значительные коррективы в образ древнего кочевника. Основу их концептуального разграничения констатирует идея движения: если кочевник степи двигался (перемещался) по территории, то номад города осуществляет, прежде всего, движение мысли. Наконец, номадизм в интерпретации философов-постмодернистов непосредственно связан с процессом становления; это непрерывное становление не-человеком, в пределе выводящее на становление-интенсивностью и становление-невоспринимаемым.

Следует еще отграничить номадизм от некоторых условно молодежных движений, что в последние годы приобретают широкую популярность. Терминологически их можно обозначать как фриланс и дауншифтинг. В этих движениях предполагается территориальное перемещение, отказ от внешних статусных позиций и социально-одобряемых ролей. Номад не тот, кто устал от 8-часового рабочего дня, официального костюма и деловых встреч, продал квартиру в г. Москва и научился наслаждаться жизнью на о. Бали. Номадом есть тот, кто обладает способностью организации пространства вокруг

¹ Dialogues (avec Claire Parinet) / Paris : Flammarion, 1988 ; Pour-parlers. Paris : Minuit, 1990; Critique et Clinique. Paris : Minuit, 1993) = Диалоги (с Клар Парне). Париж : Flammarion, 1988; Переговоры. Париж : Minuit, 1990; Критик и клиника. Париж : Minuit, 1993.

себя, способностью не прагматической, но мыслительной, рефлексивной и интеллектуальной.

Остановимся на трех трендах современности, которые близки концепту номинализма: критическое мышление в образовании и профессиональной деятельности; мета- и междисциплинарность; транспрофессионализм. Эти тренды не покрывают широты концепта и являются зарисовкой реализации потенциала мысли современным человеком.

1. Вопросы о природе мышления ставил перед собой Э. В. Ильенков, в том числе, в своем диссертационном исследовании¹. Э.В. Ильенков задавался целью критического анализа взглядов классиков немецкой философии на проблему мышления и логики как науки о нем; для этого советский философ обратился к текстам И. Канта, И. Г. Фихте, Ф. Шеллинга и Г. В. Гегеля. Идеи немецких классиков Э. В. Ильенков сопоставлял с канонами исторического материализма. В том числе, он вышел на интересную закономерность в сопоставлении теории и практики: если идеи Г. В. Гегеля укладываются в схему мышление — практика — мышления, то схема идей К. Маркса будет практика — мышление — практика. В обеих схемах логика выступает основой мыслительного процесса, направленного на преобразование природы. Но Г. В. Гегель провозглашает чистое мышление, а К. Маркс, по мысли Э. В. Ильенкова, акцент ставит на предметно-чувственной деятельности, обогащенной уроками теоретического осмысления. Эти уроки человек приобретает, постигая законы диалектики и применяя их в познавательном процессе.

Впоследствии позиция Э. В. Ильенкова о предметно-чувственной деятельности, координирующей диалектическим мышлением, становится для Э. В. Ильенкова неким идеалом, который должен быть взрошен в человеке, прежде всего, самим человеком. Это предопределило один из поздних тезисов философа, согласно которому школа должна учить мыслить².

Э. В. Ильенков приходит к идее критического мышления через проблему школьного образования: школа учит догмам,

¹ *Ильенков Э. В.* К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук. Москва : Институт философии АН СССР, 1968.

² *Ильенков Э. В.* Школа должна учить мыслить: о природе способности. Москва : Изд-во Моск. психолого-социального института, 2002.

готовым ответам и как результат воспроизводит людей с «подобным» умом. В свою очередь, школьнику необходимо умение постановки и решения серьезных вопросов, т. к. жизнь за пределами школьной аудитории не дает ему возможности потренироваться в демонстрации зазубренных истин, а ставит перед ним реальные проблемы, которые «ум педанта» прочитывает как парадоксы.

Основа в формировании ответов на серьезные вопросы жизни, по Э. В. Ильенкову, кроется в диалектическом мышлении, а именно в культуре сознания, основными принципами которого выступают самокритичность, умение полемизировать с самим собой, культура ведения спора и дискуссии с внешним оппонентом. По мнению Э. В. Ильенкова, уже школа способна заложить основу формирования органов «духовного пищеварения», но только сам человек способен запустить это пищеварение.

Критическое мышление в прочтении Э. В. Ильенкова совпадает с номадизмом в нескольких моментах: во-первых, в обоих случаях речь идет о формируемой культуре мышления; во-вторых, это мышление созидательное (покорение природы у Э. В. Ильенкова и творение гладкого пространства у Ж. Делеза и Ф. Гваттари); наконец, это ответственное мышление (носитель такого мышления не копия в погоне за оригиналом (образ учителя), но оригинал, несущий ответственность за свои действия).

2. В последние три десятилетия в научном дискурсе все громче провозглашается идея междисциплинарных исследований, т. е. тех, что включают в себя несколько научных дисциплин или отраслей знаний; что обращаются к методам и инструментарию различных наук и методологий; что основаны на принципе интегративности научного знания и синтезе результатов разных научных дисциплин.

В последние годы все чаще мета- и междисциплинарные подходы выходят за рамки чистых научных исследований и проникают в сферы техники и технологий, а посредством них — в повседневность. Базой (метаструктурной единицей) подобной междисциплинарности является техническая грамотность, предопределяющая способность человека подстроиться к новым техническим устройствам (или, в идеале, сделать технику зависимой, о-зависеть ее). Так номадический аспект в междисциплинарности составляет движение по техническим средствам и относительная свобода от них: «Мы

можем сказать «да» неизбежному использованию технических средств и одновременно сказать «нет», поскольку мы запретим им затребовать нас и таким образом извращать, сбивать с толку и опустошать нашу сущность»¹.

Взаимоотношения номада с техникой могут развиваться по двум сценариям: негативный — растворение номада в технике; позитивный — становление-интенсивностью с помощью техники.

3. Во второй половине XX в. сотрудники Центра изучения руководства Бингхэмтонского университета (Нью-Йорк, США) и его директор Б. М. Басс составили периодизацию профессиональных революций. Согласно подходу Бингхэмтонской школы, с постиндустриальной революцией одновременно пришла третья профессиональная революция, революция мастерства, провозгласившая ориентацию на транспрофессионализм.

Согласно позиции П. В. Малиновского, выпускника московского методологического кружка и автора термина «транспрофессионализм», профессии сегодня можно обозначить через пирамиду, основание которой составляют представители массовых профессий (человек-функция), а верхушку — транспрофессионалы. Транспрофессионал — это профессионал-инноватор, тот, кто вышел из привычной вертикали власти на новый уровень профессионализма.

Характерными чертами транспрофессионализма являются:

- установка на трансдисциплинарные задачи и исследования;
- рефлексия;
- ориентация на практику;
- командный подход, умение работать в команде и управлять командой;
- способность привлекать новые знания;
- директива на творческое комплексное решение проблемы².

Ориентация на трансдисциплинарность и транспрофессионализм обусловлена, в том числе, частотой обновления информации в Интернете. Транспрофессионалу недостаточно что-то знать, необходима способность предельно быстрого получения искомой информации. Поэтому одной из ключевых

¹ Хайдеггер М. Отрешенность...

² Малиновский П. В. Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом. URL: <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.

компетенций транспрофессионала является техническая грамотность. Но здесь важно не только знать, *что* и *как* искать, необходимо уметь отвечать на вопрос, *для чего* это искать, видеть проблемную картину целиком. С этой целью транспрофессионал, по версии П. В. Малиновского, обращается к философско-методологическому практикуму.

Транспрофессионала сближает с номадом не только движение по профессиям — это внешний уровень. Внутренний уровень, в свою очередь, составляют пластичность осуществляемого движения; относительная независимость от условий внешней среда; главное — способность создавать внешнюю среду.

Обозначенные тренды, с одной стороны, реализует философскую идею на практике, с другой, указывают на возможности обучения номадов, и одновременно ставят перед философами и педагогами вопрос о необходимости формирования номадов.

Номад XXI в. vs. Номады предшествующих эпох. Номад в интерпретации философов-постмодернистов не есть нечто, выкристаллизовавшееся из ничего. Это феномен современности, корни которого уходят глубоко в историю. В этом пункте внимание будет сосредоточено на трех примерах номадизма из истории: древний кочевник, мореплаватель — участник Великих географических открытий, фланер XIX в. Эти три примера репрезентирует исторические стадии становления номада: кочующий воин, путешественник, городской эстет. В каждом примере номад организовывал новую траекторию движения, заложил основы современной мировоззренческой парадигмы западноевропейского типа.

1. Древние кочевники, воины и скотоводы, создавали тот тип пространства вокруг себя, которое как бы передвигалось вместе с ними, т. е., они обустроивали новые территории согласно заданному образцу. Поэтому, по мнению некоторых историков, кочевники были более оседлыми, нежели оседлые народы¹. Это породило специфику мировоззрения кочевников: не привязанность к территории стало основой мобильности их действий, а воспроизведение образцов (к примеру, устройство быта, семейные, родоплеменные ритуалы) — основой паттернов поведения, ориентированного на

¹ Тойнби А. Дж. Цивилизация перед судом истории : сборник. Москва : Рольф, 2002.

морально-нравственные принципы кочевого общества. Причем, кочевые народы не являлись приверженцами монотеистических религий, это язычники, основу нравственности которых составляли традиции, переходящие из поколения в поколение рода.

Отсутствие ориентации на новации и инновации привело к тому, что в XVIII с победой российской армии, оснащенной огнестрельным оружием, над монгольскими кочевниками завершилась эпоха набегов кочевников на оседлые цивилизации Евразии¹. Это отнюдь не предопределило конец кочевников. Кочующие народы существуют и сегодня, примером чего являются цыгане.

Остановлюсь на принципиальных чертах кочевников, повлиявших на формирование «нового»номада: особая организация пространства, мобильность и пластичность движения по территории, морально-нравственное поведение, идущее из традиции рода и не закрепленное в религиозных догматах.

2. Эпоха Великих географических открытий, XV—XVII вв., сформировала запрос на номада-путешественника. Период позднего Средневековья заложил основу технических ресурсов (навигация, корабли, оружие) и экономических запросов (источники драгоценных металлов, торговые связи с Востоком), предопределивших движение морских путешественников в восточные и западные направления. В XV в. Х. Колумб открывает Америку, что положило начало экономического, культурного и политического формирования Нового Света.

Одновременно с формированием Нового Света формируется новый тип путешественника, отличный от древнего кочевника. Мореплаватель в своем движении реализует внешние цели: открытие новых маршрутов, покорение народов, завоевание территорий, обогащение ресурсами, торговля этими ресурсами, приносящая значительную прибыль. Так можно предположить, что первоначальная установка морских путешествий лежала не в открытии нового, но в обогащении.

Эпоха Великих географических открытий породила тип дельца, в поведении которого произошел сдвиг с морально-нравственных ценностей на финансовый успех. Этот подход стал основой в формировании мировоззрения человека Нового Света; оформил класс буржуа, инициировавший

¹ *Бродель Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV—XVIII вв. URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/brodel/brodel.pdf>.

промышленные революции в Старом Свете. Номад-мореплаватель, таким образом, реализовал новый тип движения, согласующийся с авантюрой и риском (возможность потерять все, включая жизнь), прагматизмом (ориентация на коммерческий успех) и установкой на новации и инновации в науке, технике и в управлении.

3. Фланирование — это гуляние по городским бульварам, ставшее самостоятельным движением в XIX в. Фланерство как «гастрономия для глаз» (О. де Бальзак) стало практикой получения эстетического удовольствия от зарисовок города. Оно предопределило наслаждение картинами повседневности, в XX в. оформившемся в практики видеомании и видеофилии¹.

Описания феномена фланирования предложил Ш. Бодлер в работе «Поэт современной жизни»:

Толпа — его стихия, так же как воздух — стихия птиц, а вода — стихия рыб. Его страсть и призвание в том, чтобы слиться с толпой. Бескорыстно любознательный человек, ненасытный наблюдатель испытывает огромное наслаждение, смешиваясь и сживаясь с людской массой, с ее суетой, движением, летучей изменчивостью и бесконечностью. Жить вне дома и при этом чувствовать себя дома повсюду, видеть мир, быть в самой его гуще и остаться от него скрытым — вот некоторые из радостей этих независимых, страстных и самобытных натур, которые наш язык бессилён исчерпывающе описать. Наблюдатель — это принц, повсюду сохраняющий инкогнито. Поклонник жизни делает весь мир своей семьей. Тот, кто движим любовью к жизни мира, проникает в толпу, словно в исплинскую электрическую батарею. Он подобен зеркалу, такому же огромному, как сама эта толпа; он подобен наделенному сознанием калейдоскопу, в каждом узоре которого отражается многообразие жизни и изменчивая красота всех ее элементов².

В описании Ш. Бодлера нужно остановиться на нескольких чертах фланера: существование в толпе, наслаждение толпой, наблюдение за толпой, отражение толпы, растворение в толпе. Это подобно становлению-невидимым и интенсивностью, по Ж. Делезу и Ф. Гваттари. Это обретение себя в отказе от себя.

Итак, три исторических типа (кочевник, мореплаватель и фланер) рождают номада XXI в. Сквозь века происходит

¹ Батаева Е. В. Фланерство и видеомания: современные и постмодерные визуальные практики // Вопросы философии. 2012. № 11.

² Бодлер Ш. Об искусстве. Москва : Искусство, 1986.

трансформация от движения без движения и движения к цели — к растворению в движении и становлению-интенсивностью.

Вместо заключения, или Какое время создает номад XXI в.?

В начале приключения Алисы читатель превращается в участника великолепного монолога:

“I wish I hadn’t cried so much!” said Alice, as she swam about, trying to find her way out. “I shall be punished for it now, I suppose, by being drowned in my own tears! That will be a queer thing, to be sure! However, everything is queer to-day.”¹

Сегодня все странно — этот тезис может стать лейтмотивом ризоматического мира. Но проблема не в том, что вокруг все странно, а в том, что я подобно Алисе, тонущей в собственных слезах, способен захлебнуться этой странностью и утонуть в ней.

Философы-постмодернисты во второй половине XX в. предложили свой вариант «спасения» в ризоме. Номадом является лишь тот, кто способен в окружающей его странности организовать движение, реорганизовать пространство и осуществить становление. Безусловно, номадизм не является единственным вариантом борьбы или согласия с этой внешней странностью. Это теоретический проект постмодернистов, который они так и не смогли вывести на уровень *praxis*. Стоит обратить внимание в этом проекте как раз на пересечение теоретических тезисов с реальными социальными запросами и практическими проектами (что было представлено в пункте «Воплощение идей постмодернизма»).

Рефлексируя над вопросом странности окружающего мира, исследователь попадает в антиномию: с одной стороны, внешняя реальность творит человека, с другой, человек оказывает непосредственное и опосредованное влияние на окружающий его мир. В отношении номада эта антиномия приобретает следующий вид: ризома сотворила номада, но какие изменения может внести номад во внешнее и способен ли он хоть как-то повлиять на это внешнее? Эти вопросы остаются открытыми.

¹ «Жаль, что я так наплакала! — сказала Алиса, плавая и пытаясь найти выход. — Я буду наказана за это сейчас, я полагаю, утоплением в своих собственных слезах! Конечно, это будет странно! Однако сегодня все странно». *Carroll Lewis. Alice’s Adventures in Wonderland...* P. 10.

Поэтому номадизм может быть интересен представителям гуманитарного знания, в том числе, философам и педагогам, как один из вариантов формирования стратегии даже не преодоления ризоматичности (странности и фрагментарности) в мире, но существования в ризоматической реальности.

«Технологии себя» в условиях самоизоляции

В условиях пандемии COVID-19, распространившейся по миру в начале 2020 г., особое внимание уделяется внешним трансформациям в бытии человека: вынужденное пребывание дома, использование средств индивидуальной защиты в общественных местах, социальная дистанция и т. д. Тем не менее, серьезной трансформации подвержен и внутренний мир человека. Некоторые специалисты-гуманитарии заявляют о, как минимум, сдвигах в природе человека, а в пределе — о надвигающемся антропологическом кризисе. Кризисность сложившегося положения человека обоснована сведением «на нет» контактов с другим. Другой из необходимого элемента, структурирующего мир я (позиция Ж. Делеза), превращается в реальную физическую угрозу жизни. Поэтому особую актуальность приобретает проблема рефлексии над внешним и внутренним в человеке с целью заботы о самом себе в ситуации кризисности.

Вирус COVID-19 внес существенные коррективы в бытие человека. Не меньшие коррективы были внесены в события (Ф. И. Гиренок), наполняющие жизнь человека. Ответы человека на изменения в своем бытии можно уложить между двумя полюсами: событием и смыслом. Даже находясь дома, многие продолжают ориентироваться на внешнее, создавая что-то свое (например, аудиовизуальную продукцию) или потребляя результаты деятельности другого. Вместе с тем, ориентация на смысл предполагает сосредоточение на самом себе. Философы и богословы, практиковавшие заботу о себе около двух тысячелетий назад, предложили разные формы рефлексии, преследующие одну цель — научиться разговаривать с самим собой.

Постановка проблемы. В феврале 2020 г. весь мир узнал о новом инфекционном заболевании, получившем название COVID-19. В марте этого года Всемирная организация здравоохранения постановила, что распространение вируса COVID-19 приобрело характер пандемии. Уже в марте некоторые организации, в том числе, учреждения высшего образования перешли в режим дистанционной работы. С 30 марта по указу президента «в целях обеспечения санитарно-эпидемиологического благополучия населения на территории Российской Федерации» на самоизоляцию ушло большинство трудоспособного населения страны¹.

Вместе с тем, я не ставлю перед собой задачи по восстановлению хронологии пандемии. Обращение к хронологии в рамках этой статьи носит прикладной характер, как указание на основные точки вынужденной встречи человека с самим собой и с тем другим, кто оказался на период самоизоляции под одной крышей с ним. Я не случайно маркирую эту встречу как вынужденную по одной простой причине, вне зависимости от того, как мы встретили Указ Президента РФ от 25.03.2020 и последующие указы и распоряжения (положительно или критически), все мы оказались в ситуации необходимого «сидения дома». В контексте этой «изоляции» человек встречается с самим собой; но не с повседневным образом своего я, вовлеченного во множество социальных контекстов (работа, друзья, интересы и др.), а со своим я, «очищенным» от всего внешнего, наносного.

Замечу, что в ситуации самоизоляции произошла не только встреча человека со своим «голым» от внешнего я, но и с другими (домашние), а также с практическими, прежде всего, финансовыми трудностями. Однако в статье я сосредоточу свое внимание исключительно на контексте идентичности, а именно на проблеме движения я от внешнего к внутреннему.

Диалектика внешнего и внутреннего в человеке. Еще Р. Декарт как один из концептуалистов эпохи Нового времени и Просвещения, вводя принцип методического сомнения, разграничил внешнее и внутреннее в человеке. Согласно этому принципу, я сомневается во всем, что его окружает, вплоть

¹ Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485/ (дата обращения: 05.09.2023).

до того, что я сомневался в существовании собственного тела. Единственное, что сомнению не подлежит, это сама сомневающаяся мысль, которая, вместе с тем, является непровержимым доказательством существования я.

1. В контексте сомнения Р. Декарта мне, прежде всего, интересно противопоставление тела и мысли. Вопросом о том, что есть человек и из каких элементов он состоит, задавались еще древние. Остановимся на позиции Сократа, утвердившего, что «человек, заботящийся о своем теле, заботится о том, что ему принадлежит, но не о себе самом»¹. В диалоге Платона «Алкивиад I» Сократ концептуализирует понятие *epimeleia heautou*, «забота о себе». Введя понятие заботы в диалоге с Алкивиадом, Сократ стремился доказать юному политику, что, во-первых, феномен человека не ограничивается человеческим телом и его речами; во-вторых, забота нужна не только внешнему в человеке (телу и имуществу), но, прежде всего, внутреннему (душе).

Однако вернемся к современному человеку. И сегодня человека можно рассматривать двояко, с позиций внешнего и внутреннего. С одной стороны, я человека указывает на его социальный статус, на набор тех ролей и масок, которые он использует в повседневности. С другой стороны, за этим набором стоит (или должно стоять) некое внутреннее я, которое в идеале свободно от внешних личин, указывает на лицо человека в его стремлении к лику как к нечто трансцендентному (не обязательно религиозному) (П. И. Флоренский «Иконостас»).

Тогда проблема встречи с собой поднимает другой вопрос: кто есть я, встреча с которым возможна при приглушении или даже заглушении внешнего шума?

И вот здесь натываемся на серьезную концептуальную проблему: а есть ли это я вне социальных ролей, масок и личин? Философы-постмодернисты, например, отвечают на этот вопрос отрицательно: человек растождествляется, его идентичность как бы ускользает от схватывания, она не зафиксирована, пребывает в ситуации имманентного становления.

Постмодернисты не были одиноки в отказе от некоей самости, «чтойности» (П. Рикер), устойчивой идентичности. В философии диалога, к примеру, М. М. Бахтин, в том числе,

¹ Платон. Алкивиад I. URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/alki1.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

ставил вопрос о подлинном я, точнее — о «внеаходимости» человека, т. е. о том состоянии человека, когда нахождение себя происходит только в точках несовпадения с собой, в со-причастности другому¹.

В этом ключе интересна идея В. В. Бибихина, утвердившего потерянность человеческого существа:

Нет ничего лучше потерянности и растерянности <...>

Почему? Что теряешь в потерянности? Теряешь дорогу, теряешь себя — какого «себя»? Того, который и так был потерян в своих слишком четко поставленных целях, на своих слишком ровных путях. Потерять этого потерянного, потерять дорогу, которая сама — потеря <...> Такая потерянность — выход в открытость, где все непрерывно начинается заново <...>²

В. В. Бибихин предложил удивительную трактовку потери и потерянности себя, зафиксировав то положение человека в мире, когда впервые происходит встреча с собой, таким отличным от себя повседневного, работающего, проживающего или даже выживающего. И дальше В. В. Бибихин продолжает (отчасти соглашаясь с установкой М. Хайдеггера о стоянии на границе бытия): чтобы эта встреча состоялась необходимо «бросить себя-потерянного и обрести себя-потерявшегося, идущего в пространстве без указателей и заранее проложенных путей <...>»³. Бросок в мир полагает принципиальную открытость миру, открытость бытию.

Прежде чем бытию открыться, человек должен задаться вопросами: что есть это бытие? и кто этот я, бытию открывающийся? В этих вопросах человек вопрошает об основаниях собственного бытия; по Н. А. Артеменко, он превращается в то существо, которое способно в определенный момент времени поставить перед собой эти вопросы. В игру вступает своеобразная диалектика: с одной стороны, именно человек задает эти вопросы; с другой стороны, человек, вопрошая о собственных основаниях, является тем, кто задан этими вопросами⁴.

¹ *Бахтин М.* К философии поступка. URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (дата обращения: 05.09.2023).

² *Мановас Я.* Бибихин: опыт слушания. URL: http://bibikhin.ru/opyt_slushaniya (дата обращения: 05.09.2023).

³ Там же.

⁴ *Артеменко Н. А.* Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени») Ч. 1. Хайдеггеровская версия феноменологии темпоральности человеческого

Все это приводит Н. А. Артеменко к выводу о том, что современный человек не знает, кто он¹. В этом современный человек не одинок. Сократ в диалоге с Алкивиадом сначала развивает миф о знании юного политика того, кто он есть, затем утверждает необходимость *epimeleia heautou* как условия власти над собой (необходимое первое) и управления государством (возможное второе).

Подступы к «заботе о себе»: диалог Платона «Алкивиад I». В этом диалоге Сократ обращается к своему возлюбленному (любовь в данном контексте не есть нечто телесное, но духовное чувство, как Эрос из «Пира»), прекрасному Алкивиаду. Суть их диалога Сократ сводит к проблеме, «Ты утверждаешь, что тебе не нужен никто из людей: мол, присущее тебе величие — как телесное, так и душевное — таково, что ты ни в ком не нуждаешься»². Действительно, в самом начале диалога Алкивиад предстает перед читателями как прекрасный юноша из благородной семьи, увлеченный идеей заняться политической и повести афинскую армию против богатых территорий Лакедемонии и Персии.

Однако в ходе диалога выясняется, что Алкивиад не способен дать основания многим из своих убеждений, в том числе, тому, что есть справедливость или образованность:

Алкивиад. Я думаю, мой Сократ, что афиняне да и все остальные эллины редко задаются вопросом, что справедливо, а что несправедливо: они считают, что это само собою ясно. Поэтому, отложив попечение о справедливости, они заботятся лишь о пользе дела. Ведь справедливое и полезное, как я полагаю, — это не одно и то же: скольким людям, чинившим величайшую несправедливость, это принесло выгоду, в то время как другим, хоть и вершившим справедливые дела, по-моему, не повезло³.

Более того, принцы Персии и Спарты, в речи Сократа, прежде чем воссесть на положенном им троне обучаются искусствам мудрости, справедливости, воздержанности и

бытия: вопрос о целостности Dasein // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2011. Т. 2, № 1. С. 18—25.

¹ Артеменко Н. А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени». Санкт-Петербург, 2012.

² Платон. Алкивиад I ...

³ Там же.

мужества. Алкивиад же не получил никакого образования. Поэтому Сократа не удовлетворил ответ его юного собеседника; Алкивиад ориентируется на конкретные примеры, но упускает суть. Незнание понятий является для него препятствием на пути к знанию как таковому. Однако Сократ утверждает, что все еще можно исправить: Алкивиад должен обрести технэ, искусство работы с собой. Сократ, в голове которого звучит даэмон, стремится вывести Алкивиада из пещеры незнания. Выход этот сопровождает идея заботы о себе:

Сократ. Пусть. Однако что ты собираешься делать с самим собою? Остаться таким, каков ты есть, или проявить о себе некоторую заботу?

Алкивиад. Мы должны это решить сообща, мой Сократ <...>¹.

Сократ выводит своего собеседника на проблемы распространенных мнений, не требующих доказательств: если твое тело красивое и гибкое, то тебя окружают толпы поклонников; если ты произошел из благородной семьи, то твое дело — заниматься политикой. Такие мнения подобны теням пещеры («Государство» Платона), что диктуют человеку «истину», но истина эта растворяется при свете Солнца.

Чтобы предотвратить «растворение» Алкивиада, Сократ обращает внимание юноши на вопрос о том, что является предметом заботы о себе. В ходе рассуждений они выходят на следующее: забота о башмаках не тождественна заботе о ногах; гимнастические упражнения есть забота человека о своем теле, но само я — нечто большее, чем тело и все то, что ему принадлежит: бамшаки, одежда, дом и иное имущество.

Сократ. Послушай же: каким образом могли бы мы отыскать самое «само»? Ведь так мы, быть может, узнали бы, что мы собой представляем, не зная же первого, мы не можем знать и себя².

Красивый оборот «самое «само»» как раз указывает на то внутреннее в человеке, что не имеет наружного (поверхностного) плана, и, тем не менее, выступает его остовом. В дискурсе Сократа этим «само» является душа, которая должна пробудиться в процессе обучения. Это пробуждение Сократ именовал вторым рождением человека. Рождение самости

¹ Платон. Алкивиад I...

² Там же.

возможно в процедурах майевтики, где в ответах на вопросы философа в устах отвечающего рождается истина.

М. Фуко и П. Адо были первыми из современных философов, кто возродил идею заботы о себе в ее первоначальном философском понимании. Если П. Адо интересовал исторический план идеи, т. е. вопрос о том, кто есть человек как представитель античной Эллады, реализующий заботу о себе; то М. Фуко задался кантовским вопросом, что есть человек; в поисках ответа он использовал призму истории для конструирования картинки современности.

«Технологии себя»: доклад, прочитанный М. Фуко в университете Вермонта осенью 1982 года. Теме заботы о себе посвящен третий том историко-философской работы М. Фуко «История сексуальности». Работа вышла в свет в 1984 г. До этого, в 1982 и 1983 гг., М. Фуко прочел доклады в рамках семинаров «Забота о себе» (англ. Care of The Self) и «Технологии себя» (англ. The Culture of The Self) в университетах Вермонта и Беркли (США). Оба семинара нашли отклик у академической аудитории и университетской молодежи Северной Америки.

В своем докладе, переведенном на русский язык как «Технологии себя» (более точный перевод — культура себя — *Р. П.*), М. Фуко сосредоточился на вопросе о том, «что же мы представляем собой вот в это наше время?»¹. Для ответа на этот вопрос он обратился к четырем типам технологий, конституирующих практическое мышление человека:

- 1) технологии производства — манипуляция инструментами и вещами;
- 2) технологии знаковых систем — манипуляция знаками, денотатами и сигнификатами;
- 3) технологии власти — манипуляция субъектами;
- 4) технологии себя — манипуляция телами, душами, мыслями, поступками с целью обретения счастья².

Именно четвертый тип технологий вызвал особый интерес М. Фуко в его многолетних исследованиях субъективности. В поисках ответа на вопрос, как человек превращает самого себя в субъекта, он обратился к духовным практикам античных философов и ранних христиан. Это обращение не случайно. С одной стороны, именно античные философы

¹ Фуко М. Технологии себя // Логос. 2008. № 2.

² Там же. С. 99–100.

вошли в историю как знатоки и лекари человеческой души. К примеру, Марк Аврелий в своих «Размышлениях» утверждал практику культивирования себя; Цицерон, в свою очередь, определял приоритет мысли человека над его поступком: «Каждый человек — отражение своего внутреннего мира»¹. С другой стороны, христианские аскетические практики стали основой в формировании мировоззрения европейского человека. М. Фуко в аналитике широкой исторической базы, расположившейся между крайними фигурами, вопрошающим Сократом и несущим слово Божье Григорием Нисским, сумел отыскать в отличных друг от друга духовных практиках принципиально общее — «забота о себе конституировалась не только как принцип, но и как постоянная практика»².

Практика заботы о себе, *epimelēsthai sautou*, возникла на территории Древней Греции. Возникновение это неслучайно: забота о себе была одним из ключевых принципов в существовании гражданина свободного города-государства; в основе такой заботы лежало не намерение, но действие, регулирующее общественную и личную жизнь человека. Так как в городах была установлена непосредственная власть народа, то представители этого народа должны были эту власть уметь осуществлять (обращение Сократа к мечтающему о власти Алкивиаду).

М. Фуко обозначил, что в истории духовных практик можно выделить разные формы заботы о себе:

- 1) в отношении мысли (Платон, Аврелий, Плиний);
- 2) в соотношении мысли с правилами внешнего поведения — ориентация на действие, доброе дело для успокоения совести (Эпикур, Сенека);
- 3) в отношении скрытой мысли — обнаружения греха внутри себя (христианство).

Ключевым элементом всех трех форм заботы является рефлексия — обращение к внутреннему в себе с целью понимания своего понимания, видения мира. Как раз на это ориентировался Сократ в майевтической методе. Как было показано выше, в диалоге Сократ демонстрирует то, что его собеседник зачастую транслирует некую доксу, распространенное мнение. Это то убеждение, что существует в головах многих, но не концептуализировано ни в чьей голове. Майевт, в свою очередь, подобно искусной повитухе, помогает

¹ Цицерон. *Философские трактаты*. Москва : Наука, 1985. С. 253.

² Фуко М. *Технологии себя...* С. 100.

собеседнику в рождении истины. Особую важность приобретает в этом процессе даже не разубеждение со-участника диалога в доксе, но нащупывание философом возможного пути к истине. И здесь участники диалога наталкиваются на проблему, что условно можно обозначить как рамки или границы мировоззрения. Мировоззрение с необходимостью существует в конкретных границах. Но границы эти накладываются внешнее, та ситуация, из которой я произошло и в которой я существует (семья, профессиональное сообщество, город и т. д.). Внешнее в этом я не является благодатной почвой для того, чтобы встреча с внутренним во мне состоялась. Поэтому беседа в контексте духовной практики становится аскезой, не речь для услаждений себя и другого, а движение к истине:

Только уж, клянусь Зевсом, афиняне, вы не услышите речи с разнаряженной, украшенной, как у этих людей, изысканными выражениями, а услышите речь простую, состоящую из первых попавшихся слов. Ибо я верю, что то, что я буду говорить, — правда, и пусть никто из вас не ждет ничего другого; да и неприлично было бы мне в моем возрасте выступать перед вами, о мужи, наподобие юноши с придуманною речью¹.

Но вопрос, что есть правда и где истина, Сократ, тем не менее, оставляет без ответа. Только последующие слова вносят ясность: «Началось у меня это с детства: вдруг — какой-то голос, который всякий раз отклоняет меня от того, что я бываю намерен делать, а склонять к чему-нибудь никогда не склоняет»². Истина в этом контексте представлена не чем-то внеположенным по отношению к я, но тем, что «скрывается» во мне. Отсюда духовные практики античности ориентированы на обращение вовнутрь себя, встречу с таким своим я, что как бы спрятано за слоями повседневных дел и забот.

Необходимость «быть рефлексивным» находит свое отражение во многих практиках античности: от движения к уединению (Плиний, Марк Аврелий) до писем друзьям (Эпикур, Сенека). В этих практиках реализуется желание уйти от шумного мира и побыть наедине с собой. Именно в такой ситуации философы находили душевный покой, сосредотачиваясь на анализе своих поступков, зачастую детализируя

¹ Платон. Апология Сократа. URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/01apols.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

² Там же.

описание того, как прошел день, или анализируя те идеи и мысли, что наполняли сознание. В этом контексте интересны дневники стоиков (от Эпиктета до Аврелия), размышления которых переходят в наставления.

К примеру, в самом начале своих «Размышлений», во второй книге, Аврелий фиксирует:

Помни, с каких пор ты откладываешь это и сколько уже раз, получив от богов отсрочку, ты не воспользовался ею. А пора уж тебе понять, какого мира ты часть и какого мироправителя истечение, и очерчен у тебя предел времени; потратишь его, чтобы так и не просветлится душой — оно уйдет, ты уйдешь, и уж не придется больше¹.

Или далее:

Поступать во всем, говорить и думать, как человек, готовый уже уйти из жизни. Уйти от людей не страшно, если есть боги, потому что во зло они тебя не ввергнут. Если же их нет или у них заботы нет о человеческих делах, то что мне и жить в мире, где нет божества, где промысла нет?².

В обоих отрывках примечательно то, что в своих наставлениях Аврелий обращается не к кому-то внешнему, к другому, но к себе. В этом обращении он рефлексивен над произошедшим и настраивается на будущее так, что всегда соотносит свое действие или намерение с неким негласным правилом, которое, тем не менее, синтезирует квинтэссенцию всей жизни: проживи так, чтобы с достоинством встретить смерть.

Как известно, письма и дневники являются примерами письменного дискурса, столь интересовавшего М. Фуко. В письме я фиксирую мысль на бумаге, благодарю чему к этой мысли можно обращаться в последующем, уже после момента ее проживания и переживания. Более того, на бумаге фиксируются истины, «в которых нуждаешься». Соотнесение зафиксированного опыта с этими истинами открывает пространство большей рационализации своих поступков в прошлом.

Как раз в сосредоточении на прошлом состоит отличие философских практик античности от духовных раннехристи-

¹ *Марк Аврелий*. Размышления. URL: <http://lib.ru/POEEAST/avrelij.txt> (дата обращения: 05.09.2023).

² Там же.

анских практик. Уже Кассиан (IV—V вв. н. э.), по М. Фуко, медитирует (сосредотачивается, концентрируется) на «теперешние мысли». Нельзя утверждать, что при распространении христианства произошла значительная трансформация духовных практик. Скорее, произошло смещение направления опыта на постоянную заботу о настоящем, на разграничение своих мыслей и всего мыслительного потока: тех, что ведут к Богу, от тех, что затягивают по направлению к греху.

Во всей этой аналитике интерес М. Фуко прочитывается в том, чтобы закрепить момент рождения дисциплины и дисциплинарности в мировоззрении человека. Меня же привлекают сами практики как опыт философствования с другим и с собой; как опыт встречи с самим собой; как опыт обнаружения оснований внутри себя, когда все внешние основания рушатся; как опыт, благодаря которому современный человек может справиться с теми коррективами, что внесла в его бытие пандемия.

Заключение. Современный философ-антрополог Ф. И. Гиренок в противопоставлении события и смысла отмечал текучесть первого и устойчивость второго; смысл сдерживает событие, затягивает его, тем самым создавая порядок, традицию; смысл преодолевает становления. Но события играют, а смыслы утрачиваются. События расширяют горизонт пространства, а вертикаль растворяется. Кажется, что события предшествуют смыслу, но их связь не подобна диаде сущность — существование. Смысл возникает только тогда, когда человек дает ему право возникнуть.

Человек вовлечен в карнавал событий; динамика внешнего сопутствует его становлению. С событиями человек изменяется и развивается; со смыслом же он приобретает устойчивость, укорененность. Событие существует во времени, торопит его; смысл же пророс в пространство, своими повторения он лишь тормозит время. Событие множественно — смысл един во множественном. Событие вот оно: включайся, утекай; чтобы обрести смысл, внешнего включения недостаточно: «Тебе нужно всего лишь взять себя в руки, войти в берега. Но войти в берега можно, если ты из них когда-то вышел. Вышел и попал в состояние несобранности, несвязности»¹.

¹ Гиренок Ф. И. Археография событий. Москва : ИФ РАН, 1999. С. 127.

По Ф. И. Гиренку, бытие человека может быть расположено между двумя модусами, событием и смыслом. Ориентация на событие есть движение за чем-то внешним; вовлечение я в по-ту-стороннее к себе. В статье я обращаюсь к изменению бытия человека в период пандемии. Сама по себе пандемия есть как раз это по-ту-стороннее. Но она «загнала» человека в его дом, пространство укоренения. Как показали события марта — апреля 2020 г., не для всех россиян дом стал местом прорастания смысла; гонка за событием продолжилась, только перешла она из пространства реального в виртуальное.

В контексте отношения человека к событию позволю себе выявить сценарии ответов на самоизоляция:

- 1) ориентация на внешнее событие, когда внешнее событие перешло из физической реальности в Интернет;
- 2) создание внешнего события (выход и фиксация я в Интернете, иллюстрация — TikTok, сервис самодельных видеоклипов);
- 3) обращение к себе.

Наверное, забота о себе существует во всех трех вариантах. Безусловно, технологии себя во всех вариантах присутствуют. Но в первых двух настолько сильна ориентация на внешнее, что в дело вступают внешние сборки: лицо, навыки, знания, эмоции, — все то, что способно зацепиться и зацепить. Однако это сцепка временная: событие торопит время, множит возможности нового, ищет новое. Более того, эта сцепка ориентирована на чувства и эмоции человека (я смешно, грустно, страшно; я раздражен или весел); во внешнем она иррациональна. В ней и с помощью нее я ориентирован на мир, разговариваю с ним. В свою очередь, забота о себе есть поиск своего «само»; оно не может быть где-то снаружи, оно заключено внутри самого я. Задача человека, обращающегося к себе, как обращались философы и богословы две тысячи лет назад, научиться разговаривать с собой заново. Сегодня человеку нужно вновь определить «свой берега» и снова в них войти.

«А был ли мальчик?»
Рецензия на книгу Розы Брайдотти
«Постчеловек»

В плато размышления над книгой Розы Брайдотти «Постчеловек», которая в 2021 г. была опубликована «Издательством Института Гайдара» (переводчик Д. Я. Хамис). Розы Брайдотти — современный философ и теоретик феминизма, родом из Италии, на данный момент преподает в Утрехтском университете (Нидерланды). Несмотря на ее связь со значимыми международными организациями и объединениями (в том числе, ЮНЕСКО, Национальный совет по научным исследованиям (ориг. Conseil National de la Recherche Scientifique, Франция), Европейский консорциум гуманитарных институтов и центров (ориг. European Consortium for Humanities Institutes and Centres, ЕЭС)), и ту роль, что ее исследования играют в современном социально-гуманитарном дискурсе, ее имя не так широко знакомо русскоязычному читателю в сравнении с другими авторами феминистских концепций, например, Джудит Батлер или Донной Харауэй. Интерес Розы Брайдотти направлен на размышления о субъективности современного человека. Опираясь на критическую теорию, проект номадологии, феминистские исследования, и используя свою антигуманистическую оптику, она утверждает идею постчеловека, что обладает становящейся идентичностью, в своем существе преодолевает антропоцентрические рамки, открыт к сборкам с живой материей и миром техники. В рецензии я акцентирую внимание на основных структурных элементах книги, ее ключевых идеях; предлагаю свою интерпретацию некоторых сюжетов текста; останавливаюсь на дискуссионных моментах работы. При ознакомлении с текстом я прихожу к выводу о том, что концепция постчеловека и постгуманистический метод позволяют открывать

новые горизонты для актуальных исследовательских практик человека и общества.

Обращение к теме человека в наше непростое время оказалось, как нельзя кстати. В 2002 г. с выходом на большой экран «Обители зла» (англ. Resident Evil, реж. Пол У. С. Андерсон) мир потрясла идея о том, что один вирус может изменить, а в перспективе — истребить, все человечество. Уже не первый год человек пытается бороться с вирусом Covid-19. Как кажется, прямых совпадений с популярными постапокалиптическими темами нет. Тем не менее, фигура человека претерпевает значительные трансформации. Роза Брайдотти зафиксировала это в уже сравнительно давно известном концепте постчеловека.

Вероятно, Роза Брайдотти мало известна русскоязычному читателю. Достаточно заглянуть на wikipedia.org, чтобы убедиться в том, что статья «Rosi Braidotti» до сих пор не переведена на русский язык. А вот в отношении перевода ее работ события развиваются куда более стремительнее. Согласно ресурсу livelib.ru, на сегодня существуют переводы нескольких книг философа¹. Но с большинством из них понятно только то, что они где-то существуют. Книга «Постчеловек» избежала этой печальной участи.

Оригинальная работа «The Posthuman» вышла ещё в 2013 г. в издательстве Polity Press (Cambridge). Вообще сегодня с печатных станков «Polity Press» вышло уже три книги с маркером «Posthuman»², благодаря чему можно утверждать, что Роза Брайдотти создала целую серию работ по проблематике постчеловека и проработке отдельных её аспектов, в том числе, эпистемологического и феминистского планов.

Сама идея добавлять новые приставки к человеку, чтобы точнее определить его место и роль в мире contemporary, в философском дискурсе не нова. Сверхчеловек Фридриха Ницше, конечно, выступает своеобразным «отцом» в серии «человеков будущего». Насколько мы помним из «Так говорил Заратустра» и других работ немецкого мыслителя, чтобы «войти в завтра» человеку нужно разорвать путы, связывающие его с добродетелями «сегодня». Припевая и пританцо-

¹ URL: <https://www.livelib.ru/author/648111/top-rozi-brajdotti>.

² Posthuman Knowledge. Cambridge : Polity Press, 2017; Posthuman Feminism. Cambridge : Polity Press, 2021.

ывая, он должен пройти по канату, что протянут между обезьяной и сверхчеловеком.

В дискурсе Розы Брайдотти современный человек тоже должен измениться. Но многие из этих изменений идут не столько извне, сколько спровоцированы внешними пертурбациями. То, как повлияло внешнее на становление постчеловека, Розы Брайдотти бережно раскрывает в содержании четырех глав работы.

Уже во введении работы Розы Брайдотти проговаривает, что маркер «пост» не является очередной приставкой в характеристиках человека:

Это состояние поднимает серьезные вопросы касательно самой структуры нашей общей идентичности как людей среди сложных переплетений современной науки, политики и международных отношений. Дискурсы и репрезентации нечеловеческого, античеловеческого, бесчеловечного и постчеловеческого множатся и пересекаются в современном глобализованном и высокотехнологичном обществе¹.

Изменяется время и вполне справедливо, что человек должен изменяться вместе с ним. Изменения эти в дискурсе Розы Брайдотти должны проходить в направлении преодоления центризмов. Отсюда одна из ключевых иллюстраций книги — рисунок Леонардо да Винчи «Витрувианский человек». В своем знаменитом рисунке титан эпохи Возрождения прописывает идеальное человеческое тело. Рисунок сопровождает размышления художника над идеями о пропорциях человеческого тела античного архитектора Витрувия. Витрувианский человек одновременно вписан и определяет размеры геометрических фигур, в которые он вписан, квадрат и круг соответственно. Из синхронизации пропорций тела с геометрическими формами можно сделать вывод о предустановленной гармонии человека, что отражает гармонию Вселенной. Из упомянутого следуют два простых вывода: космическая гармония существует, и она представлена в человеческом теле, прежде всего, в мужской телесности.

Дискуссией со второй посылкой открывает первую главу книги, «Постгуманизм: Жизнь по ту сторону Я», Розы Брайдотти. На замену «Витрувианскому человеку», который на деле оказывается мужчиной, европеоидом, телесно полноценным, она последовательно предлагает сначала «Витрувианскую

¹ *Брайдотти Р.* Постчеловек. Москва : Изд-во Института Гайдара, 2021. С. 9.

женщину»¹, а затем «Собаку Леонардо да Винчи»² и, наконец, «Витрувианскую кошку»³. Подобное движение по иллюстративному материалу по большому счету демонстрирует теоретическую и методологическую рамку, внутри которой Роза Брайдотти создает свой проект постчеловека. С одной стороны, это постструктуралистские проекты из работ Мишеля Фуко, например, и, прежде всего, проект номадологии Жюлья Делеза и Феликса Гаттари. С другой стороны, это профеминистский и феминистский проекты, начатые еще Симоной де Бовуар и обретшие «каноническое» выражение в книгах Люс Иригарей и Донны Харауэй.

К какому бы иллюстративному материалу не обращалась Роза Брайдотти, из философии или за ее пределами, в фокусе ее внимания оказывается проблема идентичности человека; идентичности и коллективной, и персональной. Перед ней встает резонный вопрос: кто, что и как конструирует идентичность ее современника. Важным в этом вопросе оказывается то, что идентичность — это принципиально конструируемая сущность. Уже на первых страницах книги проявляется то, что видение своего человека (или человекоподобного существа) Роза Брайдотти выражает сквозь призму субъектности и идентичности, и одновременно с этим она отрицает тот дискурс о субъекте как антропоцентричном, европоцентричном и логоцентричном, что был прописан в эпоху Модерна, прежде всего, в трудах Г. Гегеля и обрел последующую концептуализацию в критике Ю. Хабермаса.

Следуя за идеями своих интеллектуальных вдохновителей, Жилем Делезом и Феликсом Гуаттари, Роза Брайдотти утверждает политику различия и различения в размышлениях об идентичности постчеловека. Витрувианский человек вписан не только в геометрические фигуры; он понимается и выражается в логике древовидного Логоса. Идентичность человека соответствует тому образцу и реализуется в той рамке, что соответствует этому образцу. Мир вообще и мир человека в частности встроены в рамку «верх — низ». Человеку остается играть роль корня, стебля, ветви или кроны; другого не дано. Но другое, вместе с тем, презентировано в реальности. Оттого это другое наделяется статусом «инаковое». В европоцентричной парадигме, согласно Розе Брайдотти, отличное

¹ *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 44.

² Там же. С. 140.

³ Там же. С. 141.

другое в дискурсе живых социальных практик оказывается не принимаемым, в отдельных случаях — порицаемым и наказуемым:

Субъективность приравнивается к сознанию, универсальной рациональности и саморегулируемому моральному поведению, тогда как Инаковость определяется как негативный, зеркальный противовес субъективности. Постольку-поскольку различие свидетельствует о неполноценности, оно влечет драматические следствия для людей, которых объявляют «другими». Они наделяются чертами сексуальных девиаций, оцениваются как расово-неполноценные и натурализуются, то есть сравниваются, с животными, им также придается статус расходного материала¹.

Проблема вся в том, «старая» Европа со своим ориентиром на сознательного разумного субъекта не смогла конструктивно разрешить целый ряд мировых катаклизмов в XX веке. Укоренившаяся идентичность европейца не стала искомым ответом ни в Первую, ни во Вторую мировые войны, ни в Холокост, ни в Холодную войну, когда в беспрецедентную по длительности гонку вооружений было вовлечено максимальное количество международных акторов. Мир для человека, как и человек в мире, продолжали свое движение в бинарной логике.

В совместном труде «Тысяча плато. Капитализм и шизофрения» Жиль Делез и Феликс Гаттари логосу противопоставили ризому. Если логос они изобразили через аллюзию к дереву, то изображением ризомы стало перекасти-поле, трава, что растет в степи и пустынных местах. Принципиальное ее отличие в том, что она сферична; в этой сфере все переплетено: корни, стебли, семена. Точнее, для этой травы не применимо классическое понимание через корни и стебли. Она не описывается бинарными оппозициями. Более того, благодаря особенностям строения своей уникальной корневой системы она не привязана к месту; она перекастывается с места на место, с плато на плато.

Перекасти-поле как и любой иной ризоматический объект реализуется в логике различий, не тождества. Неслучайно, во второй главе книги «Постантропоцентризм: жизнь по ту сторону биологического вида» перед нами предстает фигура Спинозы, того мыслителя, кто одним из первых в истории философии заключил, что единство базируется не на тождестве, но на различиях. Опираясь на установку Спинозы,

¹ Там же. С. 33.

Рози Брайдотти представляет современного человека во множестве актуальных связей и социальных конструкций. В свой иллюстративный материал она включает биогенетические эксперименты, что развернулись в конце XX в. Речь идет об овечке Долли и онкомыши. Вышедшие за рамки (или вырванные из рамок) естественного размножения, эти примеры уже не вписываются в классическое понимание животного; они — лабораторный эксперимент, что не имеет ни родителей, ни пола. Размышления о них заставляет Донну Харауэй воскликнуть: «Самка она или самец, он(а) — моя сестра»¹. С учетом того, что еще в 1985 г. Донна Харауэй увековечила киборгов в своем манифесте, подобное признание родства становится вполне естественным.

В разных иллюстрациях и вставках своей книги Розы Брайдотти последовательно развивает тезис о том, что некогда существовавший «Единый Идеал» человека неумолимо утрачен. Поэтому сегодня исследователям, хоть как-то связанным с полем гуманитарного знания, необходимо определять новые горизонты в реализации своих программ и проектов. Один из таких проектов представил соавторский союз социологов из Великобритании:

Сара Франклин, Селия Люри и Джеки Стэйси, глядя изнутри системы социокультурных координат, называют сегодняшний технизированный мир «панчеловечеством». Это указывает на глобальное ощущение взаимосвязи между всеми людьми, но также и между человеком и нечеловеческой средой, как городской, так и социально-политической, где возникает запутанная сеть взаимозависимостей².

Если продолжать метафору Фридриха Ницше о нахождении человека между, то понятно, что современный человек стоит даже не между природой и культурой (в самом широком смысле), сколько между природой и техникой (т. е. уточненной культурой). Техника все более масштабнее и интенсивнее проникает в т. н. «естественное» человеческое, становится неотъемлемым элементом режимов его работы и отдыха. В том числе эта простая идея стала одной из отправных точек в движении трансгуманистов, убежденных в том, что будущее человечества возможно только в результате радикальных преобразований человеческого тела, вплоть до отказа от оного. Розы Брайдотти проводит довольно жирную

¹ Цит. по: *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 144.

² *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 80.

черту между своим постчеловеком и пост-, трансчеловеком, например, Ника Бострома¹. Ее идея в большей степени отвечает смысловым рамкам АСТ, когда под именем «социального актора» понимаются все акторы, даже втулочный насос из Зимбабвы², которые организуют социальную сеть или переключаются с одной сети на другую³.

Аллегория «быть подобным машине» составляет одно из ключевых смысловых направлений третьей главы «Бесчеловечное. Жизнь по ту сторону смерти»:

Человеческий организм — нечто промежуточное, встроенное в различные возможные источники и подсоединенное к различным возможным силам. Следовательно, его полезно определять как машину, что не приравнивает его к устройству или чему-то еще с конкретной утилитарной целью, но к чему-то, что одновременно и более абстрактно, и более материально. Минималистическое определение тела-машины рассматривает его как обладающую телом аффективную и разумную сущность, улавливающую процессы и преобразующую энергии и силы⁴.

Рози Брайдотти посредством своего персонажа «постчеловек» концептуализирует тот взгляд на человека, где человек есть становящаяся единица (1), существо коллективное (2), встраивающееся во внешнюю среду (3) и преобразующее ее (4) согласно своим целям и интересам. Становление, встраивание и преобразование составляют основу постчеловеческого.

В ее дискурсе не человек изменяет время или, наоборот, время изменяет человека. Прежде всего, со временем человек изменяет взгляд на самого себя. Появляются новые зеркала, калибруются более точные линзы, сквозь которые человек более четко и ясно видит себя, те социальные сборки и сети, к которым он подключен. Он лишился венца лучшего из божественных творений, снял с себя венец демиурга и утратил роль рационального субъекта, что в мыслетворчестве способен достигнуть Абсолютного Знания. Идентичность современного человека — становящаяся и множественная. Возможно, это

¹ *Бостром Н.* Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице». Москва : Ультра.Культура, 2003.

² *Де Лаэт М., Мол А.* Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии // *Логос*. 2017. Т. 27, № 2. С. 171—232.

³ *Латур Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию. Москва : Высшая школа экономики, 2014.

⁴ *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 269.

стало одной из предпосылок кризиса гуманитарных наук, что мы наблюдаем с конца прошлого века. В четвертой заключительной главе «Постчеловеческие гуманитарные науки. Жизнь по ту сторону теории» Розы Брайдотти не просто констатирует наличие этого кризиса, она ищет варианты его преодоления. Такие варианты уже с середины XX в. предлагали пионеры постструктуралистской философской мысли. Мишель Фуко в своих проектах генеалогии власти и археологии знания утверждает «смерть субъекта» (Фуко, Слова и вещи) не для того, чтобы «похоронить» науки о человеке, но чтобы начать реконструкцию предметной области гуманитарного знания. Эту реконструкцию, а точнее, уточнение предмета Розы Брайдотти фиксирует в новых исследовательских практиках, в том числе, в исследованиях меньшинств (феминистские, постколониальные и экологические исследования), а также изучении новых пространств обитания и присутствия человека (исследования медиа и цифры).

Уже само название книги Розы Брайдотти привлекает внимание читателей. Безусловно, книга найдет своего читателя в русскоязычной среде; того, кто видит перспективы номадологического проекта, и того, кто, среди прочего, в синтезе номадологии и феминистского дискурса с применением постгуманистического метода увидит не рамку, но горизонт в уточнении конструктов, современный человек и общество. Одним из подзаголовков в заключении своей работы Розы Брайдотти вновь отсылает нас к работам Фридриха Ницше. Постчеловеческое для нее не просто продолжение человеческого; это слишком человеческое. Это возможная перспектива в становлении человека, которая одновременно нас страшит и дает «шанс выявить возможности для сопровитвления и расширения наших прав и возможностей в планетарном масштабе»¹.

Розы Брайдотти утратила веру в человека; ее вера устремлена к постчеловеку. Это пугает, и тем не менее, привлекает. Постчеловеческая перспектива — это свежая исследовательская практика, и в то же время идеологический проект. От введения до заключения книги Розы Брайдотти честно следует своим идеалам. Однако, на мой взгляд, ключевая проблема идеологом в том, что за кажущейся понятностью стоит весьма неустойчивая смысловая конструкция. Таким мне показался один из смыслоконструирующих столпов ра-

¹ *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 374.

боты, термин “zoe”. Следует оговориться что, Рози Брайдотти обращается к zoe на страницах «Постчеловека» не впервые, она использовала его в своих более ранних работах (поэтому, возможно, я просто не обладаю достаточным знанием контекста, в котором употребляется термин). Zoe есть вся жизнь целиком. В «Посчеловеке» она обозначена в качестве альтернативы anthropos’у, т. е. той части жизни, что ограничена человеческим. Рози Брайдотти утверждает, что zoe-центричный эгалитаризм является ответом на антропоцентризм, утверждающийся и продолжающийся в логике развитого капитализма¹. Возможно, именно в этом противопоставлении антропоцентризм выигрывает как раз за счет своих четких рамок; zoe противопоставляет уме только указание на всеохватность, но от этого идея размыта. Тем не менее, подобный дискуссионный момент не умаляет, но, на мой взгляд, подчеркивает актуальность и значимость книги для русскоязычного читателя, создает поле для новых размышлений и дискуссий.

¹ Там же. С. 108.

От субъектности к агентности в социальных и гуманитарных дискурсах XXI в.

Плато посвящено проблеме настраивания исследовательской оптики в направлениях видения и понимания, человека, социума и внешнего мира. С эпохи Просвещения фундаментом для подобной оптики являлась идея субъектности. В XXI в. на место субъекта претендуют множественные агенты, что не обладают человеческой природой. Помимо природы как таковой и организмов, ее населяющих, роли агентов сегодня выполняют техника и технологии, в том числе, цифровые технологии. С целью проследить развитие идеи агентности в социальных и гуманитарных дискурсах статья опирается на концепции современных авторов, что реализуют свои исследования в рамках т. н. «квир»-тематики (постчеловек Р. Брайдотти, виды-компаньоны Д. Харауэй и А. Цин, агентность и интраактивность К. Барад). В статье сформулирован вывод о том, что понимание человека, социума, природы и техники сквозь призму агентности позволит уточнить исследовательскую оптику в контексте социальных и гуманитарных дискурсов.

Казавшееся устойчивым место человека в этом мире становится в XXI в. все более попираемым. На место, что занимал субъект, претендуют агенты, человеческой природой не обладающие. Буквально за последние три года эта агентность проявила себя на нескольких уровнях, в том числе, на молекулярном (вирус ковид 19) и на институциональном (военная операция на Украине). Философ способен рефлексировать сложившуюся ситуацию. Следуя завету Д. Харауэй, в эпоху антропоцена, эпоху превосходства человека и одновременно острой нужды, «мы должны

мыслить»¹. Рефлектировать и мыслить нужно, однако открытыми остаются вопросы, мыслить, что и как.

Оптика философской рефлексии может быть обращена в сторону того, как устроен мир в третьем тысячелетии нашей эры. Это устройство следует понимать не столько партикулярно, сколько во взаимосвязи с предшествующими периодами. В геологии возраст Земли датируется более четырьмя миллиардами лет. Все это время условно делят на два периода, от основания планеты (докембрий) до фанерозоя, т. е. времени т. н. «явной» жизни². Человек и социум в XXI в. обитают в голоцене, геологическом периоде, что начался ориентировочно 12 тысяч лет назад³. Как полагают некоторые исследователи сегодня, голоцен есть переходная стадия между плейстоценом (2,5 млн лет назад), когда видовое превосходство на суше перешло от динозавров к мамонтом, а от тех — к человеку⁴, и антропоценом⁵, когда формально превосходство остается за человеком, но все больше оспаривается агентами из мира природы и техники.

«За пределами дома, между лесами и полями, щедрых даров все еще не перечесать», — так заканчивает свое эссе о грибах А. Цин⁶. Один из ключевых тезисов эссе можно выразить формулой, согласно которой отношения человека с грибами презентуют модусы отношений человека с миром в ту или иную эпоху. Двигаясь по разметке Д. Харарэй, А. Цин изображает чистую радость практикующего т. н. «тихую охоту» при встрече со своей добычей, будь то лисичка, шампиньон или трюфель. Подобная радость возможна и фактически реализуется в эпоху капиталоцена. Смысл ее кроется в том, что я получаю благо, не вкладываясь в него, просто так. Такая реакция оформлялась постепенно в историческом развитии социума. А. Цин заостряет свое внимание на отдельных событиях, что, по ее мысли,

¹ Опыты нечеловеческого гостеприимства : антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. Москва : V-A-C press, 2018. С. 186.

² Zhang Y. The age and accretion of the Earth // Earth-Science Reviews 2002. Vol. 59 (1—4), P. 235—263.

³ Roberts N. The Holocene: an environmental history. John Wiley & Sons, 2014. 376 p.

⁴ Elias S. A. Encyclopedia of Quaternary Science. Elsevier. 2013. 3576 p.

⁵ Moore J. W. Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital. London : Verso, 2015.

⁶ Опыты нечеловеческого гостеприимства... С. 245.

повернули историю человечества в то русло, течение которого мы наблюдаем сегодня.

«Злаки одомашнили человека», есть первое событие в этой череде¹. Как и многие иные виды из животного мира древние люди были существами номадическими. Они передвигались от плато к плато, реализуя процессы детерриторизации и ретерриторизации, в терминологии Ж. Делеза и Ф. Гуаттари, в поисках оптимальной питательной среды. Однако из всего видového многообразия человек сосредотачивает свое внимание на двух-трех культурах и занимается их культивацией. Каких-то прозрачных причин, почему подобное произошло А. Цин не называет (возможно, это не входило в ее исследовательские задачи); но с этим событием она связывает цепочку следствий, что стимулировали зарождение первых цивилизаций. Номадический тип ведения хозяйства постепенно заменяется оседлыми формами. Человек и социум уже не столько ориентированы на дары природы, сколько нацелены на их культивацию и умножение. Это формирует потребность в зарождении семьи (члены которой занимаются обработкой полей), частной собственности (сами поля и создаваемый на них урожай) и государства (некий левиафан, стоящий на страже частной собственности и получающий за эту стражу «десятину»).

Другим значимым для А. Цин событием является европейская колонизация. Попадание европейцев на материк с иным климатом открывало им доступ к иным сельскохозяйственным культурам, например, к сахару. Помимо прочего, в питательной среде, насыщенной грибными бактериями, сахар начинает «бродить». Посредством фиксации брожения и установления контроля над ним европейцы изобрели ром, что использовался, в том числе, как своеобразная обменная валюта внутри европейского рынка и за его пределами (в том числе, на рынке рабов). Колонизация позволила базовой ячейке общества выйти за пределы государственных рамок и поддерживать влияние Европы на других континентах (Азия, Африка, Америка) посредством калькирования форм социального (патриархального) взаимодействия. Таким образом, семья, частная собственность и государство стали теми фундаментальными структурами, что составляют оплот капитализма и в наше время. Они определяли оптику видения и понимания человека, общества и всего внешнего мира,

¹ Опыты нечеловеческого гостеприимства... С. 235.

что помещался между полюсами, одомашненный и дикий, другой. Однако эта оптика становится все более расфокусированной в XXI в.

Источником понимания человека и окружающего его мира на сегодня пока остается сам человек. Как и окружающий его мир, он является становящейся, изменяющейся единицей. Д. Харауэй фиксирует эти изменения в терминологии «монструозного киборганического образования с денатурализованной идентичностью»¹. Наверное, Д. Харауэй одной из первых стала сравнивать человека с нечеловеческими агентами, будь то киборг² или онкомышь³. Постгуманистическую призму видения и понимания человека вслед за Д. Харауэй подхватила Р. Брайдотти: «По сути, Я — это подвижная и странствующая сборка в рамках общего жизненного пространства <...> Для постгуманистической теории субъект является трансверсальной сущностью, полностью погруженной в сеть не-человеческих отношений (с животными, растениями, вирусами) и имманентной этой сети. Воплощенный субъект, центром которого является зое, пронизан отношениями и связями контаминирующего / вирусного / технологического типа, которые связывают его с многообразием других: начиная от энвайронментальных и экологических других и заканчивая технологическим диспозитивом»⁴. Подобный переход понимающей оптики с bios'a на зое стал возможен, по Р. Брайдотти, в том числе, в связи с распространением медиа, в XXI в., прежде всего, — цифровых медиа, что способствуют пересмотру классических категорий существования и присутствия. «Облачная» реальность в условиях цифры, с одной стороны, утверждает множественность форм и способов существования человека; с другой стороны, она легитимирует статус не-человеков как равных человеку агентов. В цифровом контексте агентность представлена технической и технологической природами (сети, гаджеты, приложения, сайты и проч.). Вместе с тем, т. н. квир-исследователи утверждают агентность за пределами цифры.

К. Барад является одним из ключевых авторов, обосновывающих концепцию агентности как проблематику квир-исследований. Тематика «квир» набирает все большую

¹ Там же. С. 12.

² *Харауэй Д.* Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х. Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017.

³ Цит. по: *Брайдотти Р.* Постчеловек... С. 144.

⁴ *Опыты нечеловеческого гостеприимства...* С. 36—37.

громкость в социальных и гуманитарных исследованиях. Изначально термин «квир» (с англ. queer — странный, иной, другой) употреблялся в контексте размышлений о гендерной идентичности, в репрезентации сексуальных предпочтений. С 1990-х гг. термин все чаще появляется на страницах работ исследователей феминистской ориентации, размышления которых выходят за рамки гендера в сферы культуры и науки. Р. Брайдотти, помимо прочего, предлагает постгуманистическую концепцию, что провозглашает конец гуманитарных исследовательских практик с их европоцентристской маскулинной ориентацией¹. Им на смену приходят исследования, фокус внимания которых сосредоточен на ином: женщины, колониальные народы, природа, цифра и множественное другое.

Современного человека невозможно зафиксировать как «готовый продукт». Он становящийся, изменяющийся и текучий. Почти как насос, что использовал Б. Латур для иллюстрации агента-нечеловека, организующего социальную сеть, в контексте акторно-сетевой теории. Б. Латур обратился к работе А. Мол и М. де Лаэт, изучающих быт африканских деревень². В фокус их исследования попала модель насоса, распространенная в деревнях Зимбабве — «втулочный насос типа В. П. Моргана». В сравнении с другими моделями насос П. Моргана приспособливается и подстраивается под тип и форму почву, куда его устанавливают. Отсюда Б. Латур сделал вывод о текучести идентичности агентов, которые способны адаптироваться к изменяющимся условиям внешней среды. Идентичность агентов АСТ, впрочем, как и иных объектов квир-исследований, изменчива, множественна, гибка и адаптивна.

Работу «Агентный реализм. Как материально-дискурсивные практики обретают значимость» К. Барад открывает вопросом о том, почему слова и дискурсивные практики на современном историческом этапе обладают большей социальной ценностью в сравнении с материей как таковой. С целью восстановить материальное в своих «правах» К. Барад использует идею Н. Бора о лабораторных приборах как важной составляющей научных открытий в физике XX в. В качестве иллюстративного материала презентуются кейсы из исто-

¹ Брайдотти Р. Постчеловек...

² Латур Б. Визуализация и познание: изображая вещи вместе // Логос, 2017. № 2 (117). С. 95—156.

рии квантовой физики, в том числе, прибор Штерна — Герлаха. Прибор был построен с целью обосновать, обладает ли электрон квантовой природой. На протяжении длительного времени экспериментаторы не наблюдали динамики. В то время О. Штерн занимал должность ассистента профессора в Институте экспериментальной физике. Его небольшой зарплаты хватало только на сигары с высоким содержанием серы. После очередного «неудачного» эксперимента, близко поднеся к лицу пластину на выходе прибора, где экспериментаторы ожидали увидеть следы атомов серебра, О. Штерн, к своему удивлению, обнаружил почернения: сульфид серебра окислился серой. К. Барад выводит из этой истории идею агентности сигары. «При агентно-реалистском подходе агентность сходит со своей традиционной гуманистической орбиты. Агентность не подводится под человеческую интенциональность и субъективность»¹. Агентность указывает на мир во всем его разнообразии, в его сборках и реконфигурациях. Мир, в свою очередь, слишком сложен для того, чтобы его откалибровать по человеку. В агентно-реалистском подходе К. Барад смещает фокус внимания с интерактивности объектов как самостоятельных сущностей на интраактивность агентов как феноменов из онтологической неразделимости, что реализуют себя в становлении.

Идея квил'а, странности, попадает сегодня в отечественные разработки. К примеру, Д. С. Артамонов и С. В. Тихонов изучают феномен «странности времени» посредством обращения к социальным и темпоральным практикам из сетевого контекста (с целью терминологической точности следует уточнить, что в феномен странности авторы выводят из англ. “weird”, не “queer”). С позицией философов пересекается идея о том, что мы нуждаемся в обновленной исследовательской оптике, в условиях «отстранения от наличного физического и исторического времени» и одновременно во взаимодействии «со странными сетевыми объектами»².

В одной из своих работ Д. Харауэй формулирует дискуссионный тезис, согласно которому «человек, созданный по образу исчезнувшего бога, в своем секулярно-сакральном восхождении приобретает сверхспособности только затем,

¹ Опыты нечеловеческого гостеприимства.... С. 99.

² Тихонова С. В., Артамонов Д. С. Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. 2021. № 63. С. 50.

чтобы снова закончить трагическим бессилием»¹. Обращение к агентности в актуальных социальных и гуманитарных дискурсах не отменяет человека. Напротив, это обращение может помочь человеку откалибровать ту оптику, что сместит с него фокус наблюдения и понимания и одновременно включит его в систему сложных взаимосвязей с внешним миром.

¹ Опыты нечеловеческого гостеприимства... С. 201.

РАЗДЕЛ III. «Новые» (цифровые) новые медиа

Культура общения в эпоху современных медиа¹

В одном из своих последних выступлений перед научной публикой М. К. Мамардашвили высказал мысль о том, что человек является искусственным существом. Человеком становятся, а не рождаются. Становление человеком происходит в процессе обучения, социализации, общения. Последнему из названных процессов уделено особое внимание в философской традиции. Проблема общения приобретает особую глубину в мире «сегодня», технизированной реальности, заглушающей осмысление, обуславливающей калькулирование (М. Хайдеггер). Общение современного человека осуществляется в условиях турбулентного мира (Э. Тоффлер), когда все подвержено мгновенному изменению, в иных случаях, разрушению. В подобной деструкции все меньше времени остается на осмысление человеком человека: нет времени на понимание себя, нет его и для «проникновения» в Другого. На смену «живым» словам пришли «мертвые» штампы. Но проблема заключается не только в этом. Мир изменяется и усложняется. Положение человека в этом мире нестабильно. Виртуальное общение «вытесняет» реальное.

С внедрением в мир XX—XXI вв. медиа нужно проанализировать изменившиеся структуры бытия, понять, как эти изменения повлияли на бытие человека. Современный человек живет в эпоху медиа. Из этого не стоит делать выводы о том, что тем самым человек погружается в виртуальную реальность и теряет связь с внешним миром (что продемонстрировали кинокартины «Матрица», «Экзистенция», «Видеодром» и др.). Работа, учеба и досуг современного человека

¹ Это плато было подготовлено с уважаемым профессором В. И. Гладышевым.

как ключевые составляющие его бытия переместились в мир медиа и, прежде всего, в Интернет. То, что современные дети есть «цифровые аборигены» (М. Пренски), — явление вполне закономерное. Это явление не стоит критиковать, критика не результативна. С этим явлением следует работать. Одним из приоритетных направлений работы должно стать общение.

Веками в обществе складывалась традиция, согласно которой опыт передавался из поколения в поколение. Отцы давали знание своим детям. Это знание зачастую было практическим, оно оказывало непосредственное влияние на конкретные бытийные структуры. Достаточно обратиться к Конфуцию, который в «Лунь Юй» утвердил норму: старшим в семье является отец (сколько бы лет ему ни было); после смерти отца порядок в доме сохраняется в течение трех лет. В философский дискурс Конфуций ввел принцип «ли» как структурное начало мироздания: почитание старших как обладателей уникального жизненного опыта. Сегодня же отцы «вопрошают» о знании у детей. Эта идея перекликается с концептом М. Пренски о Digital Natives и Digital Tribes¹. Людей, родившихся в цифровую эпоху, американский писатель именует «цифровыми аборигенами», всех остальных — «иммигрантами». Иными словами, многовековая традиция формирования и передачи знания деструктурирована. Сегодня дети обучают старшее поколение, в том числе, тому, как общаться в сети. Изменяется структура знания, изменяются формы общения. Цифровые аборигены, в сравнении со своими родителями, обладают органическими навыками владения техникой и технологиями. Сегодня от человека не требуется быть источником информации. Человек должен найти информацию. Учитывая тот факт, что техника является «средой обитания» аборигенов², именно они являются собственниками знания.

Обозначенная М. Пренски позиция о цифровых аборигенах, вне сомнения, оптимистична. Более того, она технооптимистична. Проблема подобного подхода кроется в том, что «дети» интуитивно пользуются предоставляемыми им технологиями, но не создают их. Более того, они не стремятся

¹ *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants // *On the Horizon*. 2001. Vol. 9, no 5.

² *Степанчук Ю. А.* Цифровые технологии в образовании студентов гуманитарной направленности: к вопросу о смене парадигмы // *Культура, Власть, Общество: пути реализации государственной культурной политики*. Екатеринбург, 2015. С. 115—119.

или не могут проникнуть на мета-уровень с той целью, чтобы разобраться в том, как работают эти технологии. Д. Рашкофф рассмотрел эту проблему в ином ракурсе, указывая на то, что молодое поколение способно только подстраиваться под уже существующие технологии, вместо того, чтобы научиться подстраивать эти технологии под свои нужды и потребности¹. Это позиция потребителя, а не креатора. Использование ребенком смартфона или планшета в возрасте до одного года не гарантирует созревание специалиста в сфере IT-технологий. «Дети» органично существуют в мире медиатехнологий. Но этот мир создали для них «отцы». Медиа лишь усложнили существующие структуры бытия. В этом турбулентном мире молодому поколению нужны менторы, способные направить интуицию и энергию молодых в креативное русло, способные создать поле общения, взращивающее гармоничных личностей.

Проблема гармонизации общения в условиях медиасовременности является одной из сложнейших. Прежде чем перейти к вопросу о культуре общения, необходимо разобраться в понятии общение. Родовым по отношению к общению выступает понятие интеракция. Общение с необходимостью подразумевает взаимодействие двух и более людей. Только в результате общения человек достигает Другого; только в результате общения человек становится человеком. Однако не всегда в результате общения человек гармонизирует с миром. Общение как взаимодействие имманентно нашей природе. Каково это общение?

Во-первых, общение в отличие от иных форм интеракции имеет вербальную природу. Это положение, в свою очередь, ни в коей мере не предполагает отсутствие невербального общения. Вместе с тем, именно вербальный знак утвердил уникальность ситуации человеческого общения.

Во-вторых, общение по своей природе свободно. Второе положение указывает на то, что мы как акторы свободны выбрать ситуацию общения и тех, с кем готовы вступить в интеракцию. Свобода общающихся подразумевает ответственность коммуниканта за поле общения и свою роль в нем.

В-третьих, общение можно воспринять за необходимую форму существования homo sapiens. Люди вступают в ситуацию общения, дабы не утратить человеческую природу. Но следует оговориться, подобное положение соответствует

¹ *Rushkoff D. Program or Be Programmed: Ten Commands for a Digital Age. New York : OR Books, 2010.*

западной мыслительной традиции. Для восточной мысли, в свою очередь, характерна вербальная аскеза как один из путей отказа от желания, путь духовного просвещения.

Наконец, общение есть взаимовыгодная интеракция. Безусловно, зафиксированы случаи, когда люди вступают в ситуации общения, не получая ничего взамен. Однако не каждый коммуникативный акт можно назвать общением. Между тем, в любой коммуникации сегодня человек получает новую информацию.

Обозначенные позиции создают лишь набросок того, что есть общение. В дискурсе медиа черты этого наброска усложняются, обретают характер ризомы, становятся хаосматичными. С обозначенным тезисом резонируют идеи медиафилософской традиции. Медиафилософия рассматривает медиа не только как средство передачи информации, но как среду, в которой обитает современный человек. Медиа из информационного средства превратились в средство бытия человека. Это оказало непосредственное влияние на специфику существования человека XXI в., в том числе, повлияло на форму и характер общения. Поэтому, размышляя о культуре общения сегодня, следует задаться вопросом о формировании условий и предпосылок для гармоничного общения, адекватных медиасовременности.

Проблема осмысления медиа является краеугольным камнем в гуманитарной мысли. Можно обозначить следующие эффекты медиа в реальности: ускорение информации; упрощение информации; уподобление человека информации; «растворение» человека. Попытаемся разобраться в этих эффектах. Ускорение информации кажется интуитивно понятным в сравнении с остальными. Мгновенная передача информации посредством телефонии и Интернета предельно сократила расстояние между людьми. По факту, для общения Я — Ты (М. Бубер) людям не нужно быть сегодня в едином пространственном измерении, они могут быть разделены километрами, сохраняя, вместе с тем, отношение друг к другу как к Ты. Информация обновляема и самообновляема. Обновление происходит в предельно короткие сроки. Современный человек, в свою очередь, обязан следить за актуальной информацией. С необходимостью это приводит к редуцированию и формы, и содержания. Немногие сегодня способны «похвастаться» своим знакомством с оригиналом «Сотворения Адама» Микеланджело или «Моны Лизы» Л. да Винчи. Однако подавляющее большинство знакомы с копиями с оригина-

лов, блуждающими по Интернету или осевшими в печатных изданиях. Некоторые начинают знакомство с произведением высокого искусства даже не с точной копии, а, например, с демотиватора, нередко противоречащего оригиналу. Это *reductio*, но именно благодаря искаженной копии интернет-пользователь вступает в общение с искусством. Парадоксально то, что иногда именно знакомство с копией порождает у человека чистое эстетическое наслаждение. Н. М. Зоркая в одном из своих исследований приводит пример с советской школьницей, разочарованной оригиналом «Моны Лизы». Не та загадочная улыбка, потаенная в стенах Лувра, заставила юную девушку проникнуться творчеством великого мастера. Небольшая советская открытка или репродукция в журнале, доступная тысячам, а то и миллионам других советских граждан, побудили молодое сознание к поиску прекрасного.

М. Бубер четко разграничил две формы общения, Я — Ты и Я — Оно. Обращаясь к Ты как равному самому себе, обращающийся не ищет выгоды в ответ. Коммуникативные потоки сегодня ставят эту истину под вопрос. Общение с неблизкими, а то и близкими людьми оборачивается для современного человека непрерывным поиском выгодных / взаимовыгодных связей. Иллюстрацией апогея формы Оно можно назвать Джонни-мнемоника, утратившего человеческую природу, превратившегося в обычную флэш-карту. Картина «Джонни-мнемоник» есть лишь фантастика, экранизированный киберпанк. Вместе с тем, отношение к Другому как к источнику информации распространяется в ситуации общения в современном мире. Общение выгодно только в том случае, если Он / Она информацией обладают, в противном случае Они не интересны. Эту ситуацию можно описать формулой: знаешь / готов поделиться информацией — Ты мне интересен; не знаешь — информацию добывай, не можешь / не желаешь получить информацию — Он / Она мне не интересны.

У Д. Кампера мы встречаем следующие строки:

Три, два, один, нуль
Пространство, поверхность, линия, точка
Тело, образ, письмо, время
Чувство, видение, чтение, вычисление¹.

¹ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль : сб. ст. Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. С. 78.

И далее: «Когда все доставлено в точку и, наконец, перекодировано человеческим опытом от буквального к числовому мышлению, страдающее и действующее человечество попадает в ничто. В таком случае в непреодолимом соотношении сталкиваются лишенный мира дух (человек) с бездушным телом (землей) — это “вершина” и конец картезианства»¹. Что стоит прочитать нам в строчках философа-маргинала? Наверное, то, что XXI в. следует признать результатом прогресса, кирпичи в основании которого были заложены еще рационалистической мыслью XVII в. В этом рационализме движение идет от пространства к точке, от полноты к пустоте, от бытия к небытию. Из фантастических трансгуманистических сюжетов мы берем весьма сомнительные образы растворившихся в информации людей («Люси», «Превосходство»). Все же, обращаясь к реальности, мы обращаемся к реальным людям, нарушившим гармонию паритета между телом и духом, желанием и мыслью.

Наладить гармонию с внешним миром и собой современный человек может. Но одиноко преодолеть рассмотренные эффекты медиа способен не каждый. Поэтому приоритетное значение обретает поиск путей гармонизации общения в эпоху новых медиа.

В условиях инновационного развития современного общества все большее значение приобретает социальный субъект как носитель творческой активности, связанный продуктивными отношениями, основанными на высокой культуре социального взаимодействия, с коллегами по работе, друзьями и близкими в сфере досуга. Деформация отношений общения влечет за собой возникновение его компенсаторных форм, в ряде случаев тормозящих инновационные процессы посредством угнетения творческого потенциала личности. Компенсаторное общение есть специфический вид деятельности, принимающий форму «общения ради общения», т. е. ради тех ценностей, в том числе, ценности самоутверждения, что в общении заключены. Зарождаясь в недрах предметной деятельности, компенсаторное общение эмансипируется от нее и возлагает на себя задачу гармонизации сферы общения в том случае, когда она испытывает на себе последствия той или иной деформации, переживаемой как одиночество. Эта гармонизация происходит в результате первичной либо вторичной компенсации, реально или иллюзорно, посредством

¹ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль... С. 78—79.

сверхкомпенсации, прямой компенсации или декомпенсации.

Анализ современной медиареальности показывает, что наиболее «дефицитными» могут выступать эмоциональные и деятельностно-волевые компоненты общения. Поэтому осуществление компенсаторного восполнения возможно в данных направлениях. Коммуникативная ситуация, характеризующая внешние условия общения, определяет и набор коммуникативных качеств, требуемых для реализации потребности в общении. Коммуникативная ситуация учитывает доминанты потребности в общении и менее насущные, но тем не менее необходимые слагаемые означенной потребности. На этом уровне анализа можно приблизительно определить субъектные детерминанты предпочтений того или иного коммуникативно-компенсаторного русла.

Социальные и психологические «барьеры», усиливающиеся в современных деловых и частных контактах, предъявляют повышенные требования к наличию у личности разумной активности в общении. Эта активность не обескураживается неудачами в общении, неуспехом. При этом вектор коммуникативной активности может иметь два направления: на себя и на Другого. В случае направленности на себя восполнение недостающего общения происходит в контексте потребления, с преобладанием потребления над деятельностной составляющей общения. Такая ориентация наиболее свойственна людям с гиперфункцией уровня эмоционального контроля базальной эмоциональной регуляции. «Огромная потребность общения делает субъекта неизбирательным в контактах. Входя в любое случайное сообщество, он стремится извлечь из ситуации контакта максимальное удовольствие, почувствовать одобрение, симпатию всех его членов. Он легко заражается эмоциональным состоянием других и начинает подражать им. В то же время, попадая под новое влияние, он проявляет такую же внушаемость и так же легко и искренне соглашается, обещает и вызывает сочувствие. Понятно, что обещаний он, конечно, не выполняет. Формируется характерный тип дефицитарности поведения: не проявляя последовательности и настойчивости в осуществлении каких-либо собственных целей, субъект действует всегда соответственно непосредственной эмоциональной оценке окружения»¹.

¹ Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский и др. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. С. 54—55.

Несмотря на то, что исследование В. В. Лебединской посвящено изучению эмоциональных нарушений в детском возрасте, оно может быть экстраполировано и на иные возрастные группы. Для человека в представленном компенсаторном формате важен сиюминутный факт получения эмоционального подкрепления. Подросток предыдущих десятилетий получал это подкрепление, становясь членом малых социальных групп, субкультур. Некоторые из них существуют и сегодня, другие — образовались на обломках предыдущих. Таким стал косплей, члены движения которого обретают себя, не странных и ненормальных, а таких, какие они есть, в обществе себе подобных. Это благостное выражение компенсации. Обратным эффектом выступает непрерывное ожидание эмоциональной поддержки, что оборачивается для Homo Media, например, постоянным обновлением странички своего профиля в социальной сети в ожидании непреходящего сообщения или смены информации в профилях «друзей».

Чрезмерное сосредоточение на получении эмоциональных компонентов посредством общения облегчает усвоение личностью аддиктивного поведения, для которого характерно «стремление к уходу от реальности путем изменения своего психического состояния посредством приема некоторых веществ или постоянной фиксации внимания на определенных предметах или активностях (видах деятельности), что сопровождается развитием интенсивных эмоций»¹. Заметим, что среди средств, используемых аддиктом, указываются не только психотропные вещества, но и определенные формы активности (виды деятельности). Общение как вид деятельности вполне может быть и реально выступает как один из распространенных способов аддиктивного поведения.

Из рассмотренного следует, что перевод выбора активности в общения с себя на Другого, усиление деятельностиного начала с последующей реальной сверхкомпенсацией сопровождается личностным ростом, неизбежно связано с оптимизацией круга общения на основе тщательной его избирательности. Избирательность в общении — следующее требование к индивидуальной культуре общения. Оно теснейшим образом связано с ответственностью в общении. Чувство ответственности перед Ты, Мы, перед собственным Я должно

¹ *Короленко Ц. П., Донских Т. А.* Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире. Новосибирск : Наука, 1990. С. 5.

предшествовать избранию круга, содержания, стиля общения. «Быть ответственным, — писал В. Л. Франкл, — значит быть селективным, быть избирательным»¹.

На необходимость выбора оптимального круга общения обращал внимание еще Аристотель, который применительно к дружеским контактам писал: «Если друзей много, то трудно каждому в отдельности уделять любовь... Но если по воле природы любовь окажется недостаточной, это вызовет справедливые нарекания и такой человек не может быть другом, потому что не любит, а только на словах друг, дружба же этого не терпит. И еще, если друзей будет много, то не будет конца огорчениям. Ведь когда друзья многочисленны, то естественно, что с кем-то одним всегда приключается беда и огорчение тут неизбежно. С другой стороны, [нехорошо иметь] немногих друзей — одного или двух, число их должно соответствовать обстоятельствам и стремлению человека к любви»². Еще более категорично мысль о плодотворности для личности сокращения излишних контактов, о целесообразности преднамеренного избегания множественности межличностных связей выразил В. В. Розанов: «Общество, окружающие убавляют душу, а не прибавляют. “Прибавляет” только теснейшая и редкая симпатия, “душа в душу” и “один ум”. Таковых находишь одну-две за всю жизнь. В них душа расцветает. И ищи ее. А толпы бегай или осторожно обходи ее»³. В этом высказывании верно отмечено, что, ориентируясь на множественность контактов, человек лишь растрчивает себя, а обретает по-настоящему только в редкостных отношениях, которые представляют собой особый труд души.

При этом следует отличать целенаправленное, рационально обусловленное сужение круга общения от вынужденного, навязанного личности индивидуальными особенностями развития ее эмоциональной сферы. Если в первом случае субъект общения не тяготится ограничением круга общения, ибо оно осуществлено на основе свободного выбора, то во втором возникает амбивалентность коммуникативных переживаний личности. Так, при ослаблении функций эмоциональной регуляции на уровне эмоционального контроля

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. Москва : Прогресс, 1990. С. 39.

² Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. Т. 4. Москва : Мысль, 1984. С. 373—374.

³ Розанов В. В. Опавшие листья. Короб первый // В. В. Розанов. Уединенное. Москва : Политиздат, 1990. С. 88.

личность избегает общения в силу испытываемого в процессе его осуществления дискомфорта. В ситуации общения подобный субъект «не может противиться аффективному давлению другого человека, не может отказать ему и платит за это чувством истощения, усталости, жертвует своими сенсорными предпочтениями»¹. При этом «подобные люди обычно испытывают потребность в общении и часто нарушают благоразумное правило избегания, что дает им особую неровность в контакте»². Таким является общения молодых людей в Интернете, когда они теряют нити регуляции своего времени, превращаются в «пленников» общения, опосредованного техникой. Одним из следствий такого положения в сфере общения и способов его компенсации могут быть «отвлеченные эмоциональные интересы», в том числе, развитие иллюзорных способов компенсации на уровне аутокоммуникации: бесплодные мечты, фантазии, квазиобщение в разнообразных его проявлениях.

Выбор в случае необходимости коммуникативно-компенсаторного русла обусловлен рядом других психологических особенностей личности и доминирующими на их основе формами поведения. Характерными в указанном отношении являются такие формы поведения, как нарциссизм и конформизм.

«Лица с нарциссическим нарушением поведения, — отмечают Ц. П. Короленко и Т. А. Донских, — характеризуются грандиозным чувством собственной значимости. Для них типично постоянное преувеличение своих способностей, успехов, подчеркивание своей талантливости, что демонстрируется перед знакомыми, друзьями, коллегами, близкими. Они нуждаются в комплиментах, частых подтверждениях своей исключительности, превосходства в знаниях, достижениях, даже если последние малозначимы»³. Кажется, что Instagram⁴ и был создан с целью пестования нарциссами самих же себя.

Любопытно, что гипертрофированная ориентация на грандиозный успех делает реальные достижения малопривлекаемыми, не доставляющими радости. Окружающие сами по себе не вызывают интереса, чувства симпатии, часто служат объектами манипулирования для подтверждения

¹ Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция... С. 64.

² Там же.

³ Короленко Ц. П., Донских Т. А. Указ. соч. С. 189.

⁴ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

чрезвычайно завышенной самооценки. Отсюда наибольшее предпочтение в общении оказывается подхалимам, лживым, бесхарактерным людям, конформистам. То есть тем, кто позволяет осуществлять такое манипулирование. Сказанное делает вполне объяснимым тяготение нарциссической личности к иллюзорным формам самоутверждения и сверхкомпенсации посредством общения. Ибо и сам по себе «нарциссизм, — по мнению Э. Фромма, — это избыточная компенсация за недостаточность любви к себе»¹. Компенсация подчас довольно агрессивна. Особенно очевидно это на стадии декомпенсации (угасающей компенсации), сопровождающейся взрывами нарциссической агрессии по отношению к окружающим, не подтверждающим грандиозный «селф» субъекта нарциссического поведения. В кризисных ситуациях эта агрессия может быть направлена субъектом и на самого себя, создавая возможность суицидального поведения.

Высокий темп изменений условий общения, создаваемый современной коммуникативной ситуацией, требует от личности значительной коммуникативной мобильности, вариативности коммуникативного поведения, способности быстро и эффективно переходить, например, от функционально-ролевых контактов к личностно-ориентированным.

Приспособляемость человека в общении не знает границ и вытекает из общей уникально человеческой способности к «превращениям» (Э. Каннети). Но при этом всегда есть опасность утраты собственной индивидуальности, опасность конформизма. Для конформиста актуальным является общение, дающее ощущение социальной идентичности с группой или отдельными индивидуумами, достаточно сильными для того, чтобы не стремиться «быть как все». В принципе любой человек, «если он не принадлежит к какой-то общности, если его жизнь не приобретает какого-то смысла и направленности, то он чувствует себя пылинкой, ощущение собственной ничтожности его подавляет. Человек должен иметь возможность отнести себя к какой-то системе, которая бы направляла его жизнь и придавала ей смысл, в противном случае его переполняют сомнения, которые в конечном счете парализуют его способности действовать, а значит и жить»². Конформизм в общении проявляется на уровне потребительской ориентации: растворяясь в группе, субъект не вносит в ее потенциал

¹ Фромм Э. Бегство от свободы. Москва : Прогресс, 1989. С. 104.

² Там же. С. 28.

ничего стоящего, а лишь «выносит» нечто ценное из нее. Он не обогащает группу своим присутствием в ней, ибо проявляет «маленькое в себе» (В. Розанов). «Слабое, инфантильное «реальное я», — отмечает Е. Т. Соколова, — стремится к сближению с сильными или значительными людьми, компенсируя собственную слабость эксплуатацией силы других»¹. Добавим от себя, что символами силы могут стать объединения и организации, а не отдельные лица. Это относится, прежде всего, к объединениям, олицетворяющим собой престижные для личности интересы и виды деятельности.

Исходя из признания тотальной гетерогенности современного общества, зачастую сопровождаемой взрывами разрушающей его нетерпимости к любым проявлениям инаковости, важнейшей составляющей индивидуальной культуры общения следует признать толерантность в общении. Между тем толерантность толерантности рознь. Нельзя не согласиться с тем, что сегодня существуют различные концепции толерантности и соответствующая им практика реальных отношений. В. А. Лекторский, например, анализирует четыре модели толерантности: «толерантность как безразличие», «толерантность как невозможность взаимопонимания», «толерантность как снисхождение» и «толерантность как расширение собственного опыта и критический диалог»². Лишь последний вариант толерантности в общении содержит в себе интенцию к реальной сверхкомпенсации, ибо толерантность в этом случае «выступает как уважение к чужой позиции в сочетании с установкой на взаимное изменение позиций (и даже в некоторых случаях изменение индивидуальной и культурной идентичности) в результате «критического диалога».

Преодолевать барьеры в общении позволяет не только коммуникативная активность, толерантность в общении, но и коммуникативная привлекательность субъекта, делающая его желательным партнером по общению. Следует различать привлекательность, проявляющуюся в кратковременных отношениях и в отношениях долговременных. В зависимости от успешности в эмоциональных, интеллектуально-гностических и деятельностно-волевых контактах привлекательность в обще-

¹ Соколова Е. Т. Самосознание и самооценка при аномалиях личности. Москва : Изд-во МГУ, 1989. С. 76.

² Лекторский В. А. Эпистемология классическая и неклассическая. Москва : Эдиториал УРСС, 2001. С. 19—31.

нии может проявляться на указанных уровнях при преобладании какого-либо из них. Отмеченные особенности привлекательности в общении делают сложной ее однозначную оценку. Доминирование какого-либо из моментов, составляющих коммуникативную привлекательность, сказывается на выборе направления коммуникативно-компенсаторных связей. Можно предположить, что легкость и успешность установления поверхностных, ни к чему не обязывающих контактов при одновременном затруднении в поддержании и углублении долговременных, индивидуализированных отношений формирует тип своеобразного спринтера в общении. Его привлекательности и обаяния хватает ненадолго. Чем сильнее первое впечатление, тем быстрее оно рассеивается при близком знакомстве. Спринтер знает об этом, испытывает разочарование от постоянных поражений в долговременных отношениях и начинает избегать их. Доминирование стремления производить благоприятное впечатление делает «спринтера» неразборчивым в контактах. Поиск все новых и новых источников ощущений легко включает его в сферу вторичной компенсации, жажда подтверждения собственной значимости толкает его на путь иллюзорной сверхкомпенсации средствами общения.

Надо сказать, что коммуникативная привлекательность в определенной мере есть производная от внешней привлекательности индивидуума. Особенно важное значение внешняя привлекательность играет на первых этапах установления контакта. Наблюдения свидетельствуют «о существовании стереотипа “красивый значит хороший”», в то же время «людей с физическими недостатками стигматизируют, приписывая им различные пороки»¹. Отмеченные стереотипы не являются непреодолимыми и могут быть развеяны, но при условии преобладания интеллектуального общения над эмоциональным или развитости его деятельности составляющей. Однако в определенных ситуациях и для определенного контингента эмоциональные компоненты и эмоциональные оценки могут быть достаточно прочными. Затруднения в полноценном общении вызываются косметическими дефектами, ожирением (особенно у детей и подростков), заиканием, многими хроническими болезнями². Часто вступлению

¹ *Гозман Л. Я.* Психология эмоциональных отношений. Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1987. С. 48.

² *Шафранская К. Д.* Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. Москва : Педагогика, 1981. С. 212—221; *Панферов В. Н.*

в контакты с окружающими мешают не физические недостатки и косметические дефекты сами по себе (это происходит лишь в случаях патологического уродства), а собственное отношение к своей внешности у их носителя. Приписывая окружающим преувеличенное внимание к особенностям своей внешности, а по сути дела, проецируя на них собственные переживания, личность строит свое коммуникативное поведение в соответствии с теми реакциями, которые предполагает у вступающих с ней в контакт. Возникающий на основе предвзятого отношения к собственной внешности комплекс различия выражается в неадекватном коммуникативном поведении личности, которое как раз и обращает на себя внимание. Препятствием в установлении контактов с окружающими выступает не внешность как таковая, а коммуникативное поведение лица, обладающего физическими недостатками и косметическими дефектами.

«Больным часто кажется, — отмечает В. В. Николаева, — что их болезнь вызывает у окружающих отвращение, брезгливость, ощущение нечистоты; что окружающие считают их заболевание инфекционным и боятся заражения и в связи со всем этим испытывают антипатию к заболевшему. Поэтому больные стараются оградить себя от общения в период обострения. Они стараются не выходить на улицу, не появляться в общественных местах, меньше пользоваться транспортом, не встречаться со знакомыми и друзьями»¹. Особенно ранимыми являются подростки, для которых многие особенности их внешнего облика, включая рост, телосложение, походку, признаки маскулинности или фемининности чрезвычайно значимы. Исследователи отмечают, что подростки, обладающие какими-либо болезненно переживаемыми ими недостатками, могущими выступать предметом насмешек, «иногда сознательно прибегают к использованию асоциальных форм поведения для повышения своего престижа среди сверстников»². Так, по мнению И. С. Кона, даже «незначительный физический недостаток, который ребенок еще не

О роли внешности в регуляции отношений // Человек и общество. Вып. III. Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1968. С. 235—240; Соколова Е. Т. Указ. соч. С. 26—35.

¹ Николаева В. В. Влияние хронических болезней на психику. Москва : Изд-во МГУ, 1987. С. 131.

² Тарас А. Е. Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних. Минск : Народная асвета, 1982. С. 32.

сумел скомпенсировать, может сделать его менее авторитетным у сверстников»¹.

Не имеющий коммуникативной привлекательности вытесняется из престижных, а часто и из вполне заурядных условий общения или занимает в них подчиненную роль. Он просто не выдерживает конкуренции с более привлекательными. Отсюда весьма актуальной становится проблема «вытесненных» как особой категории, охватывающей не только учащихся, как это часто принято считать, но и другие возрастные и профессиональные категории. Например, все-российскую известность получила история школьника Степана Савельева, одноклассники которого не понимали и не принимали из-за детскости его взглядов и увлечений. Мама Степана разместила пост ВКонтакте, в котором попросила пользователей социальной сети поддержать ее сына. Как результат, Степан сегодня — самый популярный держатель аккаунта ВКонтакте². Не имеющий коммуникативной привлекательности мальчик сумел получить популярность в среде одноклассников, благодаря ситуации электронного общения, синицированного его близким.

Было бы ошибочным ограничиваться оценкой коммуникативной привлекательности на уровне лишь внешних данных субъекта. Коммуникативная привлекательность неотделима от компетентности в общении. Компетентность в общении требуется и на эмоциональном, и на интеллектуальном, и на деятельностном уровнях. Субъективные трудности в установлении межличностных контактов возникают у лиц с неразвитой социальной перцепцией. Неспособность правильно оценить состояние партнера и его позицию в данном акте коммуникации для выбора соответствующей линии коммуникативного поведения может выступать как фактор разобщения личности с ее непосредственным бытовым и производственным окружением. Наличие иррациональных компонентов в результате взаимного отражения коммуникантами друг друга облегчает возникновение иллюзорно-компенсаторной коммуникации.

Мы умышленно постоянно останавливались преимущественно на таких субъективных детерминантах коммуникативно-компенсаторных процессов, которые определяют приобщение к нежелательным формам компенсации.

¹ Кон И. С. Социология личности. Москва : Политиздат, 1967. С. 139—140.

² URL: <https://lenta.ru/news/2016/04/19/like>.

Это обуславливалось следующими причинами. Они вызывают наибольшую заботу, характеризуются зачастую отрицательным влиянием на развитие и творческую самореализацию личности. Но не следует забывать о том, что ни одна форма общения сегодня невозможна без языка.

У М. Хайдеггера мы обнаруживаем следующие строки: «Язык, все равно, говорят ли, молчат ли на нем, — это первое и самое широкое очеловечение сущего. Но именно он же и наизначальнейшее обезчеловечение человека в качестве наличного живого существа, «субъекта» и всего, что бывало доселе. А тем самым основоположение и здесь-бытия, и возможности обезчеловечения сущего»¹. Согласно М. Хайдеггеру язык есть то, что, с одной стороны, делает человека человеком, но с другой — превращает этого следанного человека в безликое Оно, «субъекта», Das Man. Вместе с тем, без языка невозможно становление Dasein. М. Хайдеггер пишет далее: «Язык основывается внутри молчания»². Но молчание вербально невыразимо, наша мысль невыразима до тех пор, пока она не обретет языковую форму. Только тогда человек протянет нить к Другому, только тогда он достигнет Другого и создаст поле общения. Только посредством языка возможно общения между людьми. Язык — это то, что создает условия для общения; то, что овеществляет общение, соединяя потерянных в молчании людей. Следуя за М. Хайдеггером, мы приходим к интересному выводу: «Вещь веществует. Веществуя, она удерживает в их пребывании землю и небо, божественных и смертных; удерживая их в их пребывании, вещь сблизает эту четверицу — каждая сторона в своей дали. Сблизать — значит приближать. Приближать — вот сущность близи. Близость приближает далекое, притом как далекое. Близость хранит даль. Храня даль, близь бытийствует, приближая. Так приближая, близь сама сокращается и так, способом, какой подобает ей, остается ближе всего»³.

Овещественный язык приближает людей друг к другу, сблизает их. Только близь формирует ситуацию общения. Но и только даль обозначает необходимость близи. Только близь устраняет расстояния между людьми. Но и только даль формирует это расстояние, обозначая необходимость

¹ URL: <http://filosof.historic.ru/books/item/f00/s00/z0000286/index.shtml>.

² Там же.

³ Там же.

его преодоления. Только близь делает людей близкими. Но и только даль указывает на близость людей не с наружи, а изнутри. По М. Хайдеггеру, четыре основания лежат в основе мира — земля и небо, божественные и смертные. Эти четыре основания разделены. Но вне другого ни одно из этих оснований существовать не способно. Вот что он пишет: «Земля и небо, божественные и смертные — они, от самих себя единые в своем склонении друг к другу, принадлежат друг другу изнутри простосложенности четверицы. Каждая из четырех сторон по-своему отражает сущности остальных трех. Каждая отражается притом вовнутрь своей своебытности в пределах простосложенности четырех. Такое отражение не отображает отраженный образ. Отражение избывает, просветляя каждую сторону расчетверенности, своебытную сущность их, приводя ее в простосложность совместной сбытности в склонении их друг к другу. Так, по способу избывающего просветления, отражаясь, каждая сторона расчетверенности доносит себя до каждой из остальных. Избывающееся отражение высвобождает каждую сторону расчетверенности для ее своебытности, однако связывает высвобожденных простосложностью их сущностного склонения друг к другу»¹.

Чем могут помочь в контексте нашего исследования предложенные тезисы из М. Хайдеггера. Во-первых, по М. Хайдеггеру, человек является заброшенным существом². Заброшенность обуславливает непреодолимое одиночество человека. Человек пришел одиноким в этот мир. Нет гармоничного слияния с миром или Другим, конкретным представителем этого мира. Заброшенность обрекает субъекта на одиночество, но вне Другого он не может стать человеком. Так мы можем обосновать необходимость общения. Во-вторых, отношения между Я и Другим могут быть проанализированы в диалектике близи и дали. Экзистенциальная необходимость общения обуславливает «перевод» Другого из дальнего в ближнего. Невозможно общения в дали — Я и Другой разделены. Но и невозможно общение в близи — Я и Другой слиты. Поэтому, в-третьих, М. Хайдеггер не говорит о слиянии противоположностей, он утверждает их «склонение» друг к другу, «сопринадлежность», что обуславливает не идентичность их друг другу, а «своебытность». Гармония Я и Другого выстраивается на достижение Я Другого, что есть не слияние с Другим,

¹ Там же.

² Там же.

а постижение самого себя как результата общения. Но для того, чтобы это постижение произошло, Я и Другому необходимо говорить на одном языке. Не на том лингвистическом языке, конгломерат которых составляет языковые группы, а на том экзистенциальном языке, который способен преодолеть пропасть между Я и Другим, обернувшись Ты.

В заключение нашего исследования следует отметить: эпоха новых медиа привнесла «новые» формы и «новые» форматы в общение. Многие из них (к примеру, социальные сети, электронная почта, мгновенные сообщения и комментарии на сайтах) значительно сократили пространство между Я и Другим. Для формирования ситуации общения сегодня не нужно находиться «нос к носу» со своим собеседником. Это значительно упростило общение и расширило круг потенциально общающихся. Вместе с тем, эпоха новых медиа привнесла свои правила в игру общения. Общение посредством Интернета обезличилось. За экраном монитора более не стоит уникальная личность, речи которой Я готов слушать часами. Это безликое Некто, наделенное сетью кодовым именем и аватаром. Общение с этим Некто может быть начато и прекращено в любой момент. Оно не требует усилий, экзистенциальных затрат. Подобное общение не задействует работу человеческой души. Проблема кроется в том, что относясь к Другому, как и ко всему миру, как к Оно, человек сам превращается в Оно (М. Хайдеггер). Проблема угрозы утраты человеком своей экзистенциальной природы очень остро стоит сегодня в дискурсе медиафилософии. Поэтому в своей статье мы попытались отразить коммуникативные требования, предъявляемые «новой» реальностью к человеку, вступающему в ситуацию общения.

De re ad absurdum: **идентичность в косплее¹**

Объект этого плато — феномен косплея, а предмет — проблема идентичности косплеера. В статье проблема идентичности рассмотрена с ракурса антропологического кризиса. Обозначены причины возникновения и популярности косплея в границах современной медиакультуры. Сделан вывод о том, что «облекаясь» в «карнавальную» маску, косплеер может и «растерять» себя, раздробившись на несобираемое множество, и одновременно с тем обрести целостного себя, увидев себя в Другом.

В 1957 году в свет вышла работа Р. Барта «Мифологии». В этой работе было проанализировано актуальное на тот момент состояние массовой культуры. Но это не было ново. Еще до пятидесятых феномен массовой культуры если и не являлся центральной темой гуманитарных исследований, то как минимум нашел свое место в гуманитаристике — достаточно вспомнить работы Й. Хейзинги, Х. Ортеги-и-Гассета, В. Беньямина, Т. Адорно и др. Вместе с тем в своих многочисленных эссе Р. Барт обращался к массовой культуре не как единому феномену, подступая к нему онтологически, антропологически, а то и просто культурологически. Р. Барта интересовала массовая культура как феномен, породивший ряд примечательных явлений: рекламный плакат, фотографию военного в иллюстрированном издании, спектакль или телевизионную программу, а то и вовсе фото актера в фойе театра. Достоин ли подобный «мусор» того, чтобы именоваться материалом для размышлений? Многие мыслители того

¹ За создание этого плато я благодарна Анастасии Коростелевой, в беседе с которой оно и зародилось.

времени воспротивились тому, что «витающая» в «облаках» философия опускается на «грешную» землю. Однако своим исследованием Р. Барт четко продемонстрировал актуальную позицию мыслителя XX столетия: стоит ли философии продолжать задавать общетеоретические вопросы, приоткрывающие «завесу тайны» мира, человека, будущего — стоит; сможет ли она обнаружить ответы на поставленные вопросы без обращения к актуальному состоянию человека, культуры и техники — нет, не сможет.

Подобный «мусорный» материал для философской рефлексии есть и сегодня. Кстати, куда ни глянь, этого префилософского «мусора» достаточно в любой сфере человеческой деятельности. Тем не менее сузим область своего исследования до медиа, а объектом исследования в данной статье назовем феномен косплея.

Косплей — феномен, на первый взгляд далеко стоящий от философствования. Косплей есть не более чем воплощение популярного образа и фиксация этого воплощения на фотографии. Даже при этом поверхностном взгляде возникает далеко не поверхностный вопрос: зачем современным фанатам воплощать образ полюбившегося персонажа? Этот воп рос выбрасывает нас не в бытие и не на пыльную дорогу (излюбленные образы одного экзистенциалиста), а к проблеме идентичности. Этот вопрос можно конкретизировать: с какой целью реальный человек примеряет на себя маску виртуального персонажа, при этом косплеер не преследует конкретный практический интерес. Ответ, также как и вопрос легок и, на первый взгляд непротиворечив — косплеер изображает другого по той простой причине, что самому ему нечего показать миру. Он даже не отказывается от *Dasien*, воплощая *das Man*, он просто надевает маску, скрывающую ничто. Этот «красивый» ответ четко позиционирует критический подход к современности. Но проблема коренится в том, что реальные косплееры есть люди, которые своей деятельностью не скрывают за маской ничто, а самореализуются, воплощая творческую потенцию. Так мы выходим на проблему, касающуюся не отдельных «жалких» людей, но на проблему бытия современного человека — использование актуальных средств визуализации ради закрепления в «истории» множества «своих» масок.

Отвечая на пассаж постмодернистов, открывших в XX в. истину о том, что язык говорит человеком, В. В. Савчук пи-

сал, что не человек смотрит образы, а образы смотрят им¹. Своим утверждением В. В. Савчук констатировал мысль о том, что визуализация в наше время достигла апогея. И феномен косплея выступает ярким тому доказательством. Проблема кроется в том, что, создав визуальные образы, человек оказался не в силах управлять своим творением. Д. Кампер лаконично выразил живую проблему: «Люди никогда не были властителями образов. Как никогда не станут властителями знаков. Средства власти могущественнее того, кто их использует»². Эта цитата демонстрирует диалектику деятеля и продукта деятельности. В XX веке противостояние между творцом и творением осложнилось проникновением техники в существование человека. Из создателя человек превратился в раба техники (М. Бердяев), утратив осмысляющее раздумье и оставшись с калькулирующим мышлением (М. Хайдеггер). Но желание обладать творением если не через овладение предметом, то через его образ в эпоху технической воспроизводимости только растет (В. Беньямин).

Любопытно же то, что в обыденном сознании косплей закрепились как движение гиков относительно небольшой группы людей с явно странными предпочтениями. Любопытен этот факт и в том аспекте, что порицается косплей теми, кто и сам не прочь выложить антологию своего дня — от завтрака до ужина — в Instagram³. Современный человек конституирует свой образ (не самого себя!) на экране, коммуницируя с внешним миром посредством электронного image. Сказанное отсылает нас к фигуре в дискурсе Ж. Бодрийяра — человеку телематическому — с тем отличием, что сегодня человек не только потребляет электронные образы, но и посредством компьютера проецирует одного или несколько электронных Я. И вновь возвращаемся к проблеме идентичности. В начале XXI столетия социальные сети обозначили свою миссию — дать каждому возможность продемонстрировать свое Я. Но Я не идеально: мы слишком молоды либо слишком стары, несколько полноваты или худы. Главное, мы не то Я, которым можно гордиться. Решение проблемы — подкорректировать это Я; в крайнем случае — «надеть» иную оболочку.

¹ Савчук В. В. Неизбежность медиафилософии. URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability/ (дата обращения: 05.09.2023).

² Кампер Д. Тело. Насилие. Боль... С. 55.

³ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

Сами косплееры признают тот факт, что косплей коренится в карнавале. Признанным экспертом празднеств карнавального типа, как примера народно-площадной культуры и народного смеха, является М. М. Бахтин. В своем исследовании он утверждал, что карнавал не есть обыденная постановочная форма, но «реальная форма жизни»¹. Карнавал в отличие от официального празднества был «вольной формой» существования средневекового человека, возрождение и обновление его духа. В конечном счете карнавал выступал идеальной формой для воплощения человеком свободы. Подобное мы обнаруживаем в особой форме косплей-движения — в фестивалях косплея, где, по словам самих участников, происходит духовное единение абсолютно незнакомых людей². И вновь возвращаемся к проблеме идентичности: фрагментированные люди обретают искомую целостность, достигают счастья в кругу им подобных там, где они не гики, а их личины не предмет осуждения. Но не все так гладко. Наоборот, с утверждением духовного потенциала карнавала на первый план выступает кажущаяся уже решенной, но пока не преодоленная проблема: для обретения своей целостности косплеер обращается к образам. Проблему эскалации воображаемого в жизни современного человека решал в своем исследовании медиа Д. Кампер.

Опираясь на работы В. Флюссера, Д. Кампер вышел на «негативную антропологию», суть которой можно свести к положению о том, что человек, освободив свои руки, стал творить культуру, письмо, техно. Представленные творения, как полагалось, должны были вывести человека «наверх», «в свет»³. Однако творческая деятельность оказалась «контрдвижением», «деэскалацией» от тела к абстракции, «в нулевое измерение»⁴. Так Д. Кампер вышел на концепт «антропологического четырехугольника»: «тело, образ, письмо / язык, время»⁵. Кажется, что этот четырехугольник не проблематичен по своей сути: испокон веков человек со-

¹ Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса. URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Vaht/index.php (дата обращения: 05.09.2023).

² Ханова П. Есть ли у косплея смысл? URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleyasmysl/ (дата обращения: 05.09.2023).

³ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль С. 68.

⁴ Там же. С. 68—69.

⁵ Там же. С. 71.

зидал культурную составляющую, все больше отдаляясь от первозданного природного материала. Но Д. Кампер писал, что удаление человека от своего тела должно иметь разумные пределы. Выход человека в нулевое измерение, растворение в абстракции (будь то, по логике трансгуманистов, выход человеческого сознания в Интернет или перенос его на иной органический / неорганический носитель) полагает небытие человека как *homo sapiens sapiens*. Нигилист предыдущих эпох обнаруживает в XXI в. абсолютное одиночество, которое ему не под силу. Он сознательно меняет бывшую некогда комфортной конфронтацию на растворение во множестве иных тел-абстракций (вот она, аллюзия на предельную популярность сети Интернет в современном мире). Это растворение во множественности, «становление человека от субъекта к проекту»¹ предопределило утрату им идентичности.

Для иллюстрации своих тезисов Д. Кампер привел следующую схему:

Три, два, один, нуль.
Пространство, поверхность, линия, точка.
Тело, образ, письмо, время.
Чувство, видение, чтение, вычисление².

В схеме явно прочитывается «кивок» критике философов вычислительной активности *homo sapiens* XXI в., критике, успевшей стать в пределах философского исследования классической. Нуль, точка, время и вычисление как заключительные элементы схемы Д. Кампера выступают указателем движения человека к смерти. Достигая нулевого измерения, человек превращается в того, кто просчитывает все и вся, но уже не способен быть, оказавшись лицом к лицу с «эмпирическим и экзистенциальным одиночеством»³ (как герои мультфильма 2015 г. «Маленький принц» М. Осборна). Но это не есть конец ни философии, ни человека. Вслед за В. Флюссером Д. Кампер видел разрешение проблемы в поиске бессмертия в Другом, в преодолении кодифицированного мира (кодов культуры, например) посредством «прыжка в уничтожающую

¹ Там же. С. 76.

² Там же. С. 78.

³ Там же. С. 84—85.

пропасть», посредством «смелости на ужас»¹. Иными словами, из абстракции человеку необходимо начать обратный путь — «деэскалацию» — в телесное измерение. Но можно ли назвать карнавальные маски косплея примером этого обратного движения — пока остается вопросом.

Неудивительно то, что большинство теоретических материалов о косплее, «гуляющих» сегодня по Интернету, подготовлено самими косплеерами и во многих случаях для косплееров. В небольших заметках и статьях косплееры раскрывают историю феномена, специфику его становления в России и, конечно, пытаются проникнуть в онтос этой новой формы бытия. Удивительно здесь другое: даже в относительно однородной среде незначительного числа материалов присутствует конфликт по вопросу о том, чем является косплей. Согласно позиции одного из полюсов, косплей предстает как «явление чисто эстетическое, провозглашающее диктат внешнего над внутренним, формы над содержанием, костюма над человеком, границы над свободой»². И. Антоновский, автор приведенной цитаты, уверен, что косплей — результат антропологического кризиса, единично / массово распространяющий вирус этого кризиса в быту человека. Если И. Антоновский утверждает раздробление и истребление человека посредством косплея (на место человека встает личина, так же как некогда тень заняла место ученого в одной известной сказке Г.-Х. Андерсена), то Е. Самойлова именно в косплее видит механизм для сборки раздробленного человека: «Феномен косплея становится как никогда важным в современной культуре, ведь он выступает элементом фиксации идентичности человека, его «Я», которое на настоящий момент характеризуется раздробленностью и фрагментарностью. Косплей помогает через закрепление «Я» персонажа и человека, зафиксировать разные пласты раздробленного бытия»³. Обе контрарные позиции, как кажется, не лишены идеалистического налета. Безусловно, винить косплей во всех бедах человека *in geale* бессмысленно. Это не причина, а результат кризиса современности, погрязшей в «путях» медиа. Но косплей не может выработать универсального лекарства от существующих проблем. Вместе с тем сами косплееры уверены в том, что их

¹ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль... С. 85—86.

² Антоновский И. Жизнь по законам косплея. URL: <http://mtrpl.ru/cosplay/> (дата обращения: 05.09.2023).

³ Самойлова Е. О. Онтологические компоненты феномена косплея // Философские науки. 2014. № 9. С. 681.

деятельность помогает им в формировании их идентичности. Поэтому вернемся к проблеме идентичности, красной нитью проходящей сквозь нашу статью.

Далеко не новым станет тезис о том, что в своем историческом развитии человек попеременно переживал периоды гармонии и кризиса. И если в условиях гармоничного состояния человека можно определять через микрокосм, как иллюстрацию самой космической гармонии; то кризис, в свою очередь, иллюстрирует дисгармонию человека с самим собой и с миром в целом — это хаос, в котором человек выступает одновременно всем и ничем. Вспомним, что ранее цитированный нами Д. Кампер полагал возвращение человека в «лоно» гармонии посредством налаживания диалога друзей¹. Поэтому проблему идентичности рассмотрим в ракурсе отношения Я — Другой. В качестве иллюстраций изберем дискурсы философии экзистенциализма и философии постмодернизма, а точнее — отдельные тексты представителей обоих дискурсов: Ж.-П. Сартра «Бытие и ничто», (часть третья «Для-другого») и Ж. Делеза «Мишель Турнье и мир без Другого».

Ж.-П. Сартр, обозначив ключевой вопрос своего исследования: что есть бытие для-себя, — вышел на иной вопрос: а что есть бытие-для-другого. Кажется, зачем задаваться вопросом о другом, если следовало бы разобраться с вопросом о себе. Вместе с тем понимание человеком самого себя, по Ж.-П. Сартру, невозможно в отрыве от понимания им того, кем он предстает в глазах Другого. В раскрытии этого тезиса Ж.-П. Сартр опирался на материал осмысления некоторых чувств, в том числе осмыслив чувство стыда: человек не может стыдиться просто так, необходим кто-то другой как «мерило» его действий, судья, в глазах которого он может устыдиться своих поступков. То есть для Ж.-П. Сартра Другой выступает объектом моего наблюдения, в то время как Я являюсь объектом для него.

Ж. Делез, в свою очередь, полагал Другого за систему, актуализирующую целое поле «виртуальностей и потенциальностей»². Другой есть тот, кто «обеспечивает в мире кромки и переносы», кто выступает «нежностью смежности

¹ Кампер Д. Тело. Насилие. Боль... С. 86.

² Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого. URL: <http://anthropology.ru/ru/text/delyoz-zh/mishel-turne-i-mir-bez-drugogo> (дата обращения: 05.09.2023).

и сходства», кто «регулирует преобразования формы и фона, изменения глубины», кто «препятствует нападениям сзади», кто «населяет мир доброжелательным гулом»¹. Зачем нужен этот Другой? По той простой причине, отвечал Ж. Делез, что человек заброшен в мир чуждых ему объектов, угрожающих гармонии его бытия. Без Другого человек с необходимостью натывается на эти объекты, рая самого себя, потому что не видит их границы. Другой выступает той дружественной кромкой, которая демонстрирует человеку его пределы. Только в соединении с Другим возможно «оцелокупливание», благодаря которому Я видит глубину и ширину объективированного мира. Иными словами, Другой — это, с одной стороны, «структура поля восприятия, без которой поле это в целом не функционировало бы так, как оно это делает»; а с другой стороны, это «выражение возможного мира, это выражаемое, постигнутое как еще не существующее вне того, кто его выражает»². Раскрыв концепт Другого на материале трагедии Робинзона, Ж. Делез заключил, что Другой — это маяк, освещающий мой мир. С утратой Другого Робинзон утратил свет, его окружали только тени.

Попытавшись выразить позиции мыслителей XX в., вернемся к проблеме идентичности, а точнее к вопросу о том, почему Другой столь актуален в разрезе идентификации человеком самого себя. Все же не зря Аристотель именовал человека животным и политическим, и социальным. Человек невозможен вне социума. Иными словами, нет человека без Другого. И здесь не принципиальным становится вопрос, о каком Другом идет речь: друге, враге, конкретном человеке, группе, социуме, институте и т. д. Принципиальным становится то, что в XXI в. «точки кипения» достигает проблема человеческого одиночества, переродившаяся в отчаяние и угасание функционирующей структуры. Утрата Другого влечет за собой утрату человека. А в этом контексте актуальность обретает косплей-движение, которое собирает в единую структуру разбросанных по планете гиков.

Возможно, для осмысления косплея нужно быть косплеером. Но эта статья не преследовала цель ответить на вопрос, хорошо или плохо быть косплеером. Восприняв идею антропологического кризиса, до сих пор витающую в философском поле, автор статьи попытался ответить на вопрос о причинах

¹ Делез Ж. Мишель Турнье и мир без Другого...

² Там же.

возникновения и популярности косплея именно в границах медиакультуры, находящейся под обстрелом резкой критики интеллектуальных кругов. Поразителен тот факт, что некоторые косплееры не видят будущее этого феномена; для них нет косплея завтра. Но это уже иная проблема, которая может стать темой другой статьи. Тем не менее следует отметить, что проблема коммуникации с виртуальным Другим не ограничена практикой «переодевания» в этого Другого. Коммуникация возможна и при установлении с Другим мыслительной рефлексивной связи, например, в практике видеограундинга, что уже было отмечено в иных публикациях¹.

¹ Дыдров А. А., Пеннер Р. В. Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений)...; Пеннер, Р. В. Свобода «по-калифорнийски», или Восприятие «онтологического понимания» свободы видеограундером...; Пеннер, Р. В. Видеограундинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиакультуры...

Язык экзистенциального опыта в цифровую эпоху¹

В плато ставится проблема возможностей экзистенциального в цифровом. Актуальность проблемы набирает обороты в т. н. цифровую эпоху, когда предметный мир человека представлен техникой и технологическим. В заданном контексте «оживают» вопросы из XX в. об отношении человека с техникой; о будущем человека и техники; о человеческом / экзистенциальном в условиях множащегося технического. Из философии экзистенциализма мы опираемся на понимание человека как проекта, его принципиальную незавершенность, самостановление и творчество в открытости внешнему миру. В XXI в. цифровое м.б. представлено как «сгусток» внешней предметности в повседневности человека. В статье мы ставим вопросы о том, как возможен разговор об экзистенциальном измерении в цифровую эпоху; имеются ли основания говорить о динамике экзистенциальных условий существования человека в процессе интенсификации всего того, что именуется сегодня цифровым, и если да, то в каком формате и с помощью какого языка. С точки зрения постановки этих вопросов цифровое мы понимаем как особое пространство бытия человека, пространство проявления, «высвечивания» экзистенциального, которое может быть осмыслено и концептуализировано. В поисках концептуализации была использована разметка экзистенциальной территории в цифровую эпоху, что предлагает А. Lagerkvist. Исследователь из Швеции утверждает, что сквозь призму цифрового экзистенциальное м. б. рассмотрено в трех направлениях: экзистенциальные условия или данности, экзистенциальный опыт, экзистенциальные усилия. Важным здесь является

¹ Это плато было написано в соавторстве с молодым ученым, который уверенно продолжает свой научный путь, А. Н. Гулевой.

то, что в цифровую эпоху остается человек и остаются его экзистенциалы (в том числе, заброшенность, тревога, страх, смерть, свобода, ответственность). Вместе с тем, в разметке цифрового и человек, и экзистенциалы подвержены серьезной трансформации. Иллюстрацией тому служат цифровые субъекты, цифровые двойники, цифровые следы / отпечатки, что оказывают опосредованное (в некоторых ситуациях — прямое) влияние на человека и соответственно его экзистенциальное наполнение. Отсюда мы выводим идею цифровой антропологии как новой исследовательской области, что стоит на пересечении экзистенциального с цифровым и позволяет посредством философского инструментария настроить оптику в понимании человека и окружающего его цифрового.

Введение. Мы подвешены в пространстве между, мирами реальным и виртуальным. Вне зависимости от социальных и культурных пертурбаций реальный мир дефинирует конкретные артефакты и различные социальные практики, что реализуются субъектами в отношении к этим артефактам. Виртуальный мир, в свою очередь, подвижен. В историческом развитии человечества он изменял формы своего выражения: эйдосы Платона, Бог Августина Блаженного или Фомы Аквинского, европоцентричные идеи просвещенного человека от Д. Дидро и Вольтера до И. Канта и Г. Гегеля. В XXI в. виртуальность выражена в бытовательском дискурсе, как правило, в форме цифры и цифрового.

Цифровое трансформирует человека и преобразует его социальные практики. Динамику трансформации довольно любопытно ухватила в своих исследованиях Е. О. Труфанова. В 2010 г. она одной из первых в отечественной философии именовала Интернет тем пространством, куда человек «эскапирует» в поисках себя, своей идентичности¹. Начиная же с 2020-х гг. ее исследовательская оптика изменяется: Интернет стал тем пространством, откуда пользователь «эскапирует» (как минимум, желает этого)², чтобы остаться собой. Отчасти это связано с тем, что цифровые технологии нарушили баланс между приватным и публичным. По версии Е. О. Труфановой, это порождает две проблемы. С одной

¹ Труфанова Е. О. Человек в лабиринте идентичностей...

² Trufanova E. O. Escapism: Between Nature and Culture // Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences. 2021. No 1. P. 125—134. URL: <https://doi.org/10.37482/2287-1505-V081>.

стороны, Я, сознательно или бездумно, оставляющее свои следы в цифровом, оказывается ответственным за каждый свой цифровой отпечаток, что потенциально открыт любому иному случайному пользователю. Не все способны понести груз подобной «тотальной ответственности». Отсюда, с другой стороны, будучи онлайн, пользователь сети отказывается от ответственности как таковой¹.

С идеями свободы и ответственности человека в Интернете тесно переплетается проблема заботы о себе в сети. Это своеобразные «технологии себя», что «проповедовал» М. Фуко в поздний период своего творчества². Но классическая *epimeleia heautou* в цифровую эпоху не работает по той простой причине, что технически и технологически мир человека стал более разнообразным. Сегодня необходимо выстраивать новую парадигму в отношениях человека с миром техники. Этим вопросом задается Д. В. Соломко³. О подобном вопрошает К. А. Очеретяный в обосновании экзистенциального дизайна как «более ответственного и внимательного отношения к экологии и этики работы с человеческим капиталом в ситуации когнитивного капитализма и цифровизации жизни»⁴.

Концептуально трансформация цифрового презентирована в идеях новых поколений. Наверное, наиболее известным именем нового человека из цифровой эпохи стал *digital natives* М. Пренски. В 2022 г. открывается второй десяток с того момента, когда М. Пренски впервые разделил людей на две группы сквозь призму их связи с цифровым. Согласно американскому педагогу, принципиальное отличие аборигенов от иммигрантов в том, что цифровое для них является естественной средой обитания; они уже родились в условиях цифровых гаджетов и доступного Интернета, оттого язык цифрового — компьютеры, видеоигры и Интернет — явля-

¹ *Trufanova E. O.* Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ // *Galactica Media: Journal of Media Studies*, 2021. Vol. 3, no 1. P. 14—38. URL: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>.

² *Фуко М.* Технологии себя...

³ *Solomko D.* Ecohumanistics as a kind of scientific knowledge and methodology for understanding the specifics of the relationship “human — Technical and-technological world” // *Socium i vlast*. 2022. No 1. P. 15—25. URL: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-1-15-25>.

⁴ *Ocheretyany K. A.* From Behavioral Design to Reverence for Life: Care Policies for the Digital Environment // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. 2021 Vol. 3, no 1. P. 166—193. URL: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.145>.

ется их естественным языком¹. В то же время иммигранты, как бы хорошо они не освоили этот язык, будут говорить на цифровом с явным акцентом²; иными словами, на поверхности усилия, что затрачивают digital immigrants в обращении к цифровому языку.

В XXI в. идея М. Пренски остается на острие цифровой проблематики в социально-гуманитарном и образовательном дискурсах³. В актуальных исследованиях авторы из различных областей научного знания, в том числе, компьютерных наук, инноватики и информационных систем, двигаются от непосредственно идеи цифровых аборигенов к цифровой грамотности как антропологическому маркеру цифровой эпохи. Цифровая грамотность в них представлена не только как интуитивно нарабатываемые навыки, но как система взаимодействия разных актантов, прежде всего, человека и цифровых технологий, в рамках которой человек (вне зависимости от того, является он аборигеном или иммигрантом в пространстве цифры) должен быть открыт новому, не только готовым знаниям, но и информации⁴, должен пребывать в условиях имманентного образования и самообразования⁵.

В определенной степени с идеей digital natives консонирует теория постчеловеческой персоналогии, что разрабатывает Г. Л. Тульчинский. Однако если М. Пренски ставит проблему «нового» цифрового человека в контексте своеобразной антропоэволюции (мир трансформируется и человек меняется вместе с ним в лучшую сторону), то отечественный философ обращается к этой проблеме с определенными опасениями. Опасность Г. Л. Тульчинский усматривает, прежде всего, в «экспансии science на сферу humanities»⁶. В социальном ракурсе экспансия

¹ *Prensky M.* Digital Natives, Digital Immigrants Part 1... С. 1.

² *Ibid.* С. 2.

³ *Akçayir M., Dündar H., & Akçayir G.* What makes you a digital native? Is it enough to be born after 1980? ...; *Nikou S., Brännback M., Widén G.* The impact of digitalization on literacy...; *Smith E. E., Kahlke R., Judd T.* From digital natives to digital literacy...

⁴ *Cepp M.* Девочка с пальчик...

⁵ *Pornpongtechavanich P., Wannapiroon P.* Intelligent Interactive Learning Platform for Seamless Learning Ecosystem to Enhance Digital Citizenship's Lifelong Learning // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (iJET)*. 2021. Vol. 16, no 14. P. 232–248. URL: <https://doi.org/10.3991/ijet.v16i14.22675>.

⁶ *Tulchinskii G. L.* Digitized Humanism // *Russian Journal of Philosophical Sciences*. 2018. No 11. С. 33. URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>.

представлена в характере движения информационных потоков. В цифровую эпоху очень много информации. Классическая схема работы человека с информацией в доцифровую эпоху базировалась на том, что сначала информация проходила через особые фильтры, что как бы сортировали ее на то, «что нужно» и «что не нужно». В ситуации кардинального умножения информации традиционные фильтры не работают. Ответ человека Г. Л. Тульчинский закрепляет в двух действиях, «лайкать и банить»¹. Человек единожды выбирает своего лидера мнения, затем бездумно следует за ним. Подобное поведение Г. Л. Тульчинский маркирует как «единономыслие»², образ чего еще в XX в. набрасывали писатели-дистописты. Свое размышление философ заключает двумя выводами. Первый утверждает опасность: «полная деперсонализация, элиминация субъекта самосознания и ответственности»³. Второй презентует надежду на спасительное: ««делая шаг вперед — два шага назад», уступая экспансии science, гуманитарность сохраняет “домик” души и свободы. Это именно человеческое измерение бытия»⁴.

В технологизированном пространстве, что становится все более цифровым, Г. Л. Тульчинский ищет место человеку. Место, в поисках которого тот находится, непростое. В классическом гуманизме человек существовал в конкретном топосе среди иных вещей; он занимал место демиурга, творца. Человек находился на троне бытия. Цифровые технологии в этом контексте должны были стать тем, что укрепляет позиции человека. На практике все оказалось несколько сложнее. Цифровые технологии расфокусировали антропологическую призму. Ю. Хабермас закрепил это в тезисе о том, что субъект «закончился» вместе с окончанием эпохи модерна⁵. Вместе с человеком на роль актантов сегодня претендует гаджеты, информация и сами сети (прежде всего, Интернет). Это вызывает вопросы у тех, кто остается на антропологических позициях. Вместе с Г. Л. Тульчинским эту позицию занимает Т. В. Черниговская. В своих статьях и публичных выступлениях нейробиолог не раз задавалась вопросом о том, что станет с человеком, на месте которого все более устой-

¹ *Tulchinskii G. L. Digitized Humanism...* С. 36.

² *Ibid.*

³ *Ibid.* С. 39.

⁴ *Ibid.* С. 41.

⁵ *Хабермас Ю.* Философский дискурс о модерне : пер. с нем. Москва : Весь Мир, 2003. 416 с.

чиво обоснуется компьютер, нейросети и искусственный интеллект¹.

Сегодня мы констатируем то, что есть компьютер и цифровые технологии, и вместе с ними остается человек. Современный человек, обитая в цифровом пространстве, дабы остаться человеком должен рефлексировать цифровое и строить дискурс о нем.

Экзистенциальное в цифровом. Интерес к экзистенциальному пониманию человека не угасает, а напротив, остается одним из ключевых в философских исследованиях XXI в., в т. ч. исследованиях цифровой реальности. На страницах актуальных исследований мы наблюдаем «восхождение к экзистенциальному миропониманию» (Д. А. Леонтьев), «экзистенциальный сдвиг» (Н. А. Касавина). Экзистенциальное понимание человека в доцифровую эпоху предполагало его принципиальную онтологическую незавершенность; человеческое бытие мыслилось как постоянное самостановление и самопревосхождение (К. Ясперс), человек определялся как экзистенциальный проект (Ж. П. Сартр), который творится на протяжении всей жизни вплоть до момента смерти, *Sein zum Tode* (М. Хайдеггер). Только сам человек был способен превратить себя в человека, что связано с проблемой ответственности (Ж. П. Сартр) и творчества (Н. Бердяев). Экзистенциальное понимание человека включало не то, каким он является сейчас, а то, каким он хочет, может и стремится стать (Ж. П. Сартр). Человек в экзистенциальном плане — это всегда «возможный человек» (М. Мамардашвили). Для выхода в экзистенциальный, «возможный» план из *Das Man*, для прояснения своего места в ограниченном пространстве и времени (М. Хайдеггер) необходимо усилие, т. к. «человек есть усилие быть человеком» (М. Мамардашвили). В XX в. философы-экзистенциалисты задавались вопросом о том, что значит быть конкретным человеком в «здесь и сейчас», где под «здесь и сейчас» понимается конкретная эпоха с присущими ей экзистенциальными данностями. Наше «здесь и сейчас» таково, что в нем доминируют цифровые технологии.

Цифровая реальность предлагает человеку новые способы бытия, становится новым экзистенциальным измерением

¹ *Chernigovskaya T. V. More on Brain and Semiosis: Can We Find a Point in Neuronets? // Voprosy Filosofii. 2021. No 6. С. 5—13. URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-6-5-13>.*

человека¹. Н. А. Касавина полагает, что сегодня необходима «реконструкция новых форм экзистенции в современной культуре»². Понять, определить современного человека уже невозможно без исследования цифровой реальности. Как поэтически сказано в статье С. Роджерса, “Digital being, the modern way to be, I am the data and the data is me” (пер. с англ.: цифровое существование, современный способ быть, я — данные, а данные — это я)³. В статье мы ставим вопросы о том, *как возможен разговор об экзистенциальном измерении в цифровую эпоху; есть ли возможность говорить о динамике экзистенциальных условий существования человека в процессе интенсификации всего того, что именуется сегодня цифровым, и если да, то в каком формате и с помощью какого языка. С точки зрения постановки этих вопросов цифровое пространство может быть понято как *особое пространство бытия человека, пространство проявления, высвечивания экзистенциального, которое может быть осмыслено и концептуализировано.**

Экзистенциальное понимание человека предполагает, что «человек сначала существует, встречается, появляется в мире, и только потом он определяется»⁴. Чтобы определить человека в координатах цифрового, надо сначала встретить его в цифровом мире, собрать эмпирическую фактуру, понять, как в цифровом пространстве проявляется этот «возможный человек», сутью которого является «способность или готовность индивида расстаться с самим собой, таким привычным и любезным, каким он был к моменту события, то есть изменить самого себя»⁵. Однако эта задача встречает ряд сложностей.

Во-первых, очевидно, что модели антропопрактик доцифровой эпохи отличаются от таковых в цифровую эпоху; в настоящее время для цифровой эпохи нет актуального ин-

¹ *Gálik S., Gáliková Tolnaiová S. Cyberspace as a New Existential Dimension of Man // Cyberspace. IntechOpen / В. Е. Abu-Taieh, А. El. Mouatasim, I. H. (ed.). Al Hadid. 2020. URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.88156>.*

² *Касавина Н. А. «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия // The Digital Scholar: Philosopher’s Lab, 2020. No 3(4). С. 73—89. URL: <https://doi.org/10.5840/dspl20203441>.*

³ *Rogerson S. Digital Existence — The Modern Way to Be. 2018. URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29522.25289>.*

⁴ *Сартр Ж.-П. Экзистенциализм — это гуманизм // Сумерки богов. Москва : Политиздат, 1989. С. 319—344.*

⁵ *Мамардашвили М. Проблема обогрета и возможный человек URL: <https://monocler.ru/mamardashvili-vozmozhnyj-chelovek>.*

струментария, стандартов и методов¹. Обозначение, определение, проектирование антропологических ориентиров-границ в цифре, в т. ч. экзистенциальных — актуальная задача. Но в первую очередь необходимо внести ясность в хаотическое многообразие состояний и проявлений эмпирического индивида в цифровой среде, «распутать его экзистенциальный опыт» и понять, как экзистенциальное проявляется в цифровом, каков экзистенциальный опыт в цифре; как можно пронаблюдать опыт самобытия человека в цифровом пространстве; как зафиксировать и, если возможно, классифицировать экзистенциальный опыт человека в цифре.

Экзистенциальный опыт в цифровом пространстве рождается в момент контакта субъекта с цифровым миром, при этом он качественно различается в доцифровую и цифровую эпохи «центрами событийности». Для того, чтобы распутать цифровой экзистенциальный опыт, нужно эти центры событийности определить. Раскрыть суть экзистенциального опыта в цифре — значит обнаружить данности существования в этом пространстве и осмыслить, как эти данности могут вместить творческие формы отношения человека к миру². По В.В. Знакову, экзистенциальный опыт может быть определен как совокупность «смыслов неких уникальных жизненных событий и обстоятельств, случившихся с человеком и раскрывших свои значения только ему»³. Чтобы прояснить самобытие человека в цифровом пространстве, необходимо понять, каким образом происходит смыслообразование в этом пространстве. При этом в цифровом пространстве быстро меняется контекст, через трансформацию контекста меняется и смыслообразование, и характеристики экзистенциального опыта: «подход через призму понятия смысла позволяет утверждать, что, наоборот, нельзя сказать ничего старого, поскольку смысл определяется контекстом, а контекст не стоит на месте, контекст каждый раз новый. И если сегодня

¹ *Smirnov S. A.* Human and digit: The story of temptation // Bulletin of Chelyabinsk State University. 2021. No 8. С. 22—29. URL: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10803>.

² *Znakov V. V., Kasavina N. A.* Existential experience: A mystery and a problem / Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences // Philosophy Journal. 2018. Vol. 11, no 2. С. 123—137. URL: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137>.

³ *Знаков В.* Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта // Психологические исследования. 2013. № 6(31). URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.675>.

повторить абсолютно то же самое, что говорилось вчера, даже в той же самой аудитории, смысл будет другой, потому что контекст изменился. Нельзя сказать ничего старого, все будет каждый раз новым»¹.

Во-вторых, трудности «распутыванию экзистенциального опыта» в цифровом пространстве добавляет то, что сам цифровой мир в экспоненциальном темпе по своим характеристикам становится все более сложносоставным. Так, на Всемирном экономическом форуме в Нью-Йорке, который в 2016 году был посвящен цифровой трансформации мира, центральным был вопрос о т. н. «комбинаторном эффекте» мобильных и облачных технологий, сопряженных с искусственным интеллектом, сенсорами, аналитикой больших данных и т. д.² Чем более сложносоставным становится цифровой мир, тем активнее, интенсивнее и объемнее становится наш экзистенциальный опыт в точке соприкосновения с ним. Очевидно, этот опыт изменяет наше восприятие себя и мира, а также достаточно быстро меняется словарь, который используется нами для фиксации этого опыта. Е. И. Ярославцева указывает, что познание этой сложности не должно игнорировать человекомерный подход: «понимание деятельности человека как целостной системы отношений и связей с миром природы и социума, а также с самим собой создает более сложный уровень представлений о проявлении активности развивающегося субъекта. Это — человекообразный подход, который требует интегральных инструментов анализа. В рамках такого подхода можно исследовать развитие объективного мира, не абстрагируясь от человека, а учитывая его постоянную внутреннюю сопряженность; реализовывать практический подход без увеличения рисков в развитии индивида, которые неизбежно возникают при элиминации его из научной картины мира»³.

К вопросу о цифровой экзистенции. По мысли Н. А. Касавиной, сегодня заявляет о себе новая исследовательская область, объектом которой является цифровая экзистен-

¹ *Леонтьев Д. А.* Смыслообразование и его контексты: Жизнь, структура, культура, опыт // Мир психологии: научно-методический журнал. 2014. № 1. С. 104—117.

² *Keen A.* How to fix the future: Staying human in the digital age. 2018. URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/mar/04/how-to-fix-future-staying-human-digital-age-andrew-keen-review>.

³ *Ярославцева Е. И.* Человек аутопозисный в цифровом формате // Человек. 2019. № 2. С. 121—127.

ция (digital existence)¹. Корни ее уходят в размышления философов-экзистенциалистов предшествующего столетия о стремительном развитии техники, иллюстрацией чего в особенности явно служит творчество К. Ясперса и Г. Марселя. На сегодняшний день оценки далеко не однозначны. С одной стороны, пессимистичные прогнозы и предостережения XX в. сменяются положительными оценками, а с другой — алармистские дискуссии не угасают. Текущий подход к пониманию цифровой реальности содержит в себе амбивалентность, позволяющую трактовать технологии одновременно и как возможности, и как вызовы бытию человека. Можно говорить о том, что цифровая реальность одновременно редуцирует человеческое бытие в определенных аспектах и дополняет его в других. Здесь применима «фармакологическая» конструкция французского исследователя В. Stiegler'a: цифровой мир является и ядом, и лекарством; он одновременно расширяет возможности человека в одних аспектах бытия и делает его более уязвимым в других². При этом преобладающей точкой зрения относительно онтологии цифрового пространства является представление о том, что «виртуальная цифровая среда обладает характеристиками мира, который принципиально не отличается от реального мира повседневной жизни, достраивает, расширяет его посредством новых средств и форм коммуникации и идентификация»³. Важно, что при этом «человеку предстоит искать новые форматы деятельности не менее гибкие, чем предыдущие, но поддерживающие сетевой баланс. На такую самопомощь, самоподдержку индивиду придется потратить достаточно много ресурсов — и времени, и творческих усилий. Однако эти усилия направляются не на вмешательство в филогенез, а в “чистое творчество” — в конструирование новой модели самопонимания, учитывающей базисные состояния системы»⁴.

Одним из зарубежных интеллектуальных лидеров исследовательской области, обозначаемой как digital existence, является А. Lagerkvist, руководитель исследовательской

¹ *Касавина Н. А.* «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия...

² *Stiegler В.* *Etats de choc: Bêtise et savoir au XXI siècle.* Paris : Fayard : Mille et une nuits, 2012.

³ *Касавина Н. А.* «Digital existence»: Цифровой поворот в понимании человеческого бытия...

⁴ *Ярославцева Е. И.* Человек аутопозисный в цифровом формате... С. 126.

программы “Existential Terrains: Memory and Meaning in Cultures of Connectivity” (пер. с англ.: «Экзистенциальные ландшафты: память и значение в культурах взаимосвязи»). А. Lagerkvist исследует экзистенциальные аспекты дигитализации, уделяя особое внимание цифровой памяти; также одним из фокусов ее исследований является т. н. «экзистенциальная безопасность», что может быть найдена или потеряна в цифровую эпоху. Одной из ключевых работ по обозначенной проблематике является сборник эссе под ее редакцией “Digital Existence: Ontology, Ethics, and Transcendence in Digital Culture” (пер. с англ.: «Цифровое существование: онтология, этика и трансцендентность в цифровой культуре»)¹. В этом сборнике предпринята попытка задать типичные для экзистенциализма вопросы о жизни, смерти, смысле, трансценденции в контексте цифровой реальности. Сборник состоит из трех разделов. Первый посвящен онтологии цифрового мира, второй — этике, третий — вопросам трансценденции. В эссе затрагиваются как теоретические аспекты цифровой экзистенции, так и рефлексия об эмпирических данностях цифровой реальности (например, исследование об использовании социальных сетей как способа общения с мертвыми, осмысление кейсов о потери человеком приватности, рефлексия о квантификации и объективации жизни человека в цифровом пространстве). Важно подчеркнуть, что эти эссе демонстрируют не только то, как цифровые реалии делают человека более уязвимым, но и то, каким образом технологии способны помочь удовлетворить важные психологические (и религиозные) потребности человека.

А. Lagerkvist предлагает три пути для «разметки» «экзистенциальной территории» в цифровую эпоху: (1) экзистенциальные условия или данности (existential conditions) — область онтологии; (2) экзистенциальный опыт (existential experiences) — область этики; (3) экзистенциальные усилия (existential strivings) — область трансценденции. При этом общими ключевыми словами экзистенциального подхода к исследованию цифровой реальности в тексте А. Lagerkvist названы уязвимость (vulnerability), амбивалентность (ambivalence), границы (limits), трансценденция (transcendence)².

¹ Digital existence: Ontology, ethics and transcendence in digital culture / A. Lagerkvist (ed.). Routledge : Taylor & Francis Group, 2020.

² Ibid.

Первая, онтологическая «разметка» цифровой реальности в экзистенциальном приближении соотносится с тем, что М. Хайдеггер в фундаментальной онтологии именовал экзистенциалами. В настоящее время продолжается дискуссия о соотношении технологий и человеческого бытия, в которой можно выделить две ключевые позиции. Первая утверждает, что человек есть результат биологии, культуры и техники, т. е. в своей сущности человек является существом техническим. С этой точки зрения, никакого «чистого» экзистенциального опыта нет, он всегда опосредован технологией, культурой или биологией. Вторая позиция заключается в том, что такие «чистые» экзистенциальные состояния и феномены, свободные от технологии, возможны; из этого также следует, что они не могут состояться в цифровом пространстве. Отсюда вопрос, что в цифровой реальности считать подлинным, а что — не подлинным. Например, являются ли религиозные ритуалы или образовательные практики, перенесенные в онлайн, подлинными в экзистенциальном смысле. Вторая точка зрения утверждает, что телесное не может быть сведено к цифровому, а значит, должно занимать центральное место. Однако сторонники технологического прогресса поспорили бы с утверждением о том, что телесный опыт не может быть перенесен в цифру: так, известный американский футурист Р. Курцвейл утверждает, что природа человеческого бытия реализуется в том, что мы постепенно преодолеваем свои границы, совершенствуем себя и однажды сможем выйти за пределы своего тела¹. Это потенциально грозит проблемой антропологического неравенства: «достижения медицины, трансплантологии, фармакологии, протезирования, киборгизации, геной инженерии и других биотехнологий в сочетании с цифровизацией, будучи доступными не всем, открывают перспективы неравенства, невиданного ранее не только в правовом и нравственном планах, но и в плане антропологическом»². Отечественный исследователь А. В. Фролов ставит вопрос о соотносительности человека и цифры следующим образом: «можно ли *homo digitalis*, “человека цифрового”, определить как бытие-в-мире? Иными

¹ *Eugenios J. Ray Kurzweil: Humans will be hybrids by 2030 // CNNMoney. 2015. 4 June. URL: <http://money.cnn.com/2015/06/03/technology/ray-kurzweil-predictions>.*

² *Тульчинский Г. Л. Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки // Ведомости прикладной этики. 2021. № 57. С. 41.*

словами, можно ли назвать миром то, куда меня выбрасывают цифровые медиа? Вопрос усложняется, если мы учтем, что реальное и виртуальное сегодня не разделены “проницаемой мембраной”, <...> но взаимопроникают, образуя симбиоз, гибридную среду. Тогда наш вопрос позволительно переформулировать следующим образом: можно ли назвать миром среду, где реальное насыщено виртуальными компонентами? Насколько виртуальное трансформирует наш жизненный мир? Или это уже не мир, а “цифровые джунгли”?»¹

Вторая область «экзистенциальной территории» в цифровую эпоху в «разметке» А. Lagerkvist связана с экзистенциальным опытом и этикой. Здесь внимание обращено на идею беспочвенности человека, неопределенности его существования, что возвращает нас к задаче смыслопорождения. Относительно цифровой реальности также можно утверждать, что человек оказывается в нее «заброшен», однако — и это любопытно — имеет возможность «отключиться», сделать выбор в пользу «не-присутствия» (например, некоторые заведения, в т. ч. в России, вводят политику «без гаджетов», т. е. человек присутствует там исключительно оффлайн). Этическое измерение также указывает на то, что человек в цифровом пространстве в со-существовании, в разделенной с другими уязвимости, также нацелен на поиск и созидание смысла. В этом отношении удачными оказываются некоторые современные цифровые практики, например, онлайн-группы по переживанию сложных ситуаций, что дает участникам ощущение предсказуемости и безопасности, которое является ценным и искомым в VUCA- и BANI-мире, т. е. мире «хрупком», «неоднозначном», «тревожном», «непостижимом». В то же время есть обратные примеры, скажем, японский феномен хикикимори; так называют людей, преимущественно молодых, которые полностью изолировались от реальности и живут исключительно в виртуальном мире, что в Японии приобретает характер эпидемии.

Наконец, третья область исследования «экзистенциальной территории» в цифровую эпоху, по А. Lagerkvist, — это экзистенциальные усилия человека. Эта «область» связана с трансцендентным измерением жизни, «пограничными ситуациями» (К. Ясперс), в процессе ответа на которые человек становится собой, учитывая то, что он всегда является

¹ Фролов А. В. Экзистенция и мир в цифровую эпоху // Вестник Московского университета. 2018. № 3. С. 27.

бытием-к-смерти (М. Хайдеггер). В отношении трансцендентного измерения жизни в цифровую эпоху любопытна следующая постановка вопроса: «Может ли Google решить проблему смерти?»; такой заголовок был напечатан на обложке журнала Time в 2013 г. М. Rothblatt в книге “Virtually Human. The Promise — and the Peril — of Digital Immortality” (пер. с англ.: «Виртуальный человек. Обещание — и опасность — цифрового бессмертия») приводит свои доводы в пользу возможности возникновения «виртуальных людей» в скором будущем, обращается к философским и социальным последствиям этого. Он утверждает, что благодаря прогрессу в области цифровых технологий человек сможет поддерживать постоянные отношения с семьей и близкими даже после смерти. Возможность этого связана с разработкой цифровых клонов (“mindclones”): программных версий разума человека, цифровых альтер-эго, двойников, ментальных близнецов. Т. н. “mindclones” состоят из мыслей, воспоминаний, чувств, убеждений, установок, предпочтений и ценностей. Автор приводит сравнение: ментальный клон является для сознания и духа тем же, чем протез является для руки, потерявшей кисть. Он заключает: клоны разума — это ключ к технобессмертию (“Mindclones are the key to technoimmortality”)¹.

Экзистенциальная антропология, в частности, в лице М. Хайдеггера, выражает сомнение в том, что «проблему» смерти можно (и нужно) «решать». Один из основных экзистенциалов, «бытие к смерти» (Sein zum Tode), указывает на онтологическое измерение человека (Dasein): только человек, осознающий свою конечность, существует подлинно. «Если же “предвосхищать” смерть как возможность “не быть”, то это неминуемо обращает нас к “возможности быть”: знать, что я могу не быть, предполагает знание того, что я могу (и как я могу) быть»². В условиях цифровой трансформации и перехода к “mindclones”, смерть перестанет иметь исключительно «личный» характер. Можно предположить, что человек будет сознательно тем или иным образом конструировать своего цифрового двойника с учетом, что тот останется доступен людям после его биологической смерти. Если в «бытии к смерти» открывается подлинное значение жизни, ее

¹ Rothblatt M. Virtually Human. The Promise — and the Peril — of Digital Immortality. New York : Macmillan, 2014.

² Михайлов И. А. Бытие к смерти // Новая философская энциклопедия : в 4 т. URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/236/bytie-k-smerti.htm>.

смысл, то понимание бытийных возможностей, очевидно, будет трансформироваться с широким распространением оцифрованного сознания, которое работает так, чтобы быть функциональной копией, что эквивалентна человеческому разуму.

Вместо заключения: несколько слов о цифровой антропологии. Экзистенциальный опыт человека в цифровую эпоху активно осмысляется, и вместе с этим осмыслением формируется словарь цифровой экзистенции, в особенности — в англоязычном дискурсе.

На наш взгляд, отечественная философия в размышлениях на стыке экзистенциального и цифрового способна выйти в новое исследовательское пространство. Назовем его цифровой антропологией. Выстраивание проблематики цифровой антропологии возможно в результате философской рефлексии следующих процессов:

1. *Топологизация* Интернета. Понимание Интернета в пространственных границах, как ойкумены, земли, состоящей из доменов и сайтов;

2. *Доместизация* сети, т. е. открытость сети пользователю 24/7;

3. *Профилизация* человека в сети. Представление человеком себя в Интернете через создание своих профилей по алгоритмам тех платформ, на которых размещается публичная и приватная информация человека о себе;

4. *Рассеяние* информации о человеке по Интернету. Формирование человеком цифровых следов, позволяющее различным агентам формировать представление о нем за границами виртуального;

5. *Метаморфозы* языка. В сети человек находится “online” и фактически доступен для различных электронных сервисов в режиме 24/7. В философском смысле, который еще только предстоит кристаллизовать, мы имеем дело с новым положением человека, — уже не в *космосе*, не в пространстве сосуществующих тел, пребывающих в измерениях поверхности и глубины, высоты и низа, горнего и дольного, а в *нетосе*, — пространстве кодированных проекций на плоскости.

Цифровое пространство: от идеи к проекту и контролю

Цифровые технологии обрели прочное место в бытии современного человека. В статье предлагается философский взгляд на осмысление цифрового пространства. Для этого автор обращается к гуманитарным исследованиям в области Internet Studies. Формулируется идея о том, что человека, общество и мир в условиях современности невозможно понять без обращения к Интернету; даже не столько в выработке технико-технологического знания о нем, сколько в проработке подхода, посредством которого становится возможным выявление сути цифрового пространства в его предельно широких основаниях. В условиях технологического детерминизма создание такого подхода, по мнению автора, возможно посредством обращения философии к цифровой проблематике, в том числе, в развитии направления «цифровая антропология».

В далеком 1865 г. Л. Кэрролл выпустил книгу, которая впоследствии сделала его имя бессмертным в мире и детей (кажущаяся аудитория издания), и взрослых (которые несмотря на то, что давно не дети, не перестают этой книгой восхищаться). Речь, конечно, о «Приключениях Алисы в Стране чудес». Это история о странном сне маленькой девочки, кажемся таким фантастическим и одновременно таким реальным. Во сне к Алисе приходят необычные персонажи, а сама она (точнее ее тело) переживает удивительные метаморфозы. И тем не менее несмотря на то, что «уровень» странности этого произведения зашкаливает, сами приключения становятся предельно актуальными в той ситуации, когда человек стоит на границе пространств, реального (физического) и цифрового (виртуального), когда

человек оказывается между чем-то беспрестанно меняющимся и устойчивым¹.

Настроение Алисы в развитии сюжета сказки не было постоянным: от удивления и восхищения оно переходило в недовольство, расстройство и даже неприятие данной ей ситуации. Кажется, что подобная аналогия хороша для попытки понимания человека и общества в XXI в. Как бы проваливаясь в пространство цифры, мы испытываем палитру эмоций, от «я почти жалею» до «как интересно» и наоборот. В этом выражается вопрос статьи: что это за «снадобье» такое, цифровое пространство, и какое влияние оно оказывает на человека и общество?

Чтобы ответить на этот вопрос, целесообразно обратиться к истории становления цифрового пространства, истории сети Интернет. Считается, что еще в 1960-е гг. несколько компьютеров Иллинойского университета (США) были подключены друг к другу, тем самым создав единую сеть². Эта сеть получила название PLATO. Вопреки распространенному мнению о том, что технологическая база Интернета вышла из военных разработок, эта сеть является примером того, что компьютерные платформы развивались также в системе образования.

Отдельное направление в современной науке отображает актуальные темы и проблемы в отношении исследования Интернета. Направление получило название Internet Studies. Примечательно, что два ключевых аспекта в исследованиях Интернета существуют как бы разрозненно, независимо друг от друга. Речь идет о технико-технологической и социально-гуманитарной составляющих. Инженеры, программисты и физики фокусируют свое внимание на отдельных технических и технологических проблемах и ищут наиболее оптимальные варианты их решения. Философы, историки и социологи, в свою очередь, под вопрос ставят не отдельные компоненты Интернета, они размышляют об Интернете как важной составляющей культуры и повседневности современного че-

¹ Невелева В. С., Меняева М. П. Мир современного человека между турбулентностью и устойчивым развитием // Вестник Челябинского государственного университета. 2021. № 5 (451). С. 69–76. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10510.

² Jones S., Latzko-Toth G. Out from the PLATO cave: uncovering the pre-Internet history of social computing // Internet Histories. 2017. Vol. 1:1-2, P. 60–69. DOI: 10.1080/24701475.2017.1307544.

ловека¹. В социально-гуманитарном плане фокус внимания исследователей направлен не на то, как функционирует Интернет, а на то, какое влияние Интернет и сопутствующие технологии и процессы оказывают на человека и общество, как их изменяют; и наоборот, как человек и общество изменяют Интернет. В поисках ответов на эти вопросы отдельные группы по всему миру организуют свои исследования. Сегодня социально-гуманитарная составляющая в Internet Studies становится самостоятельным научным трендом. Появляются журналы, которые нацелены изучить Интернет не столько в технологическом срезе, но как целостное явление. Одним из таких журналов является “Internet Histories”, премьерные выпуски которого были изданы в 2017 г. Необходимость обращения к истории Интернета обосновывается редакторами журнала той простой причиной, что «история Интернета скоро будет неотличима от истории человечества»². Отсюда нужно выработать свои терминологию и методологию, чтобы начать и написать эту историю; разработать методы и подходы для корректного выражения этой истории, обозначающей неразрывную связь между человеком, обществом и техникой³.

Историки Интернета объясняют связь человека, общества и самого Интернета через информационную составляющую сети. Человек в этом плане рассматривается не только как потребитель информации из Интернета, но и как создатель этой информации. Отсюда интересно проследить эволюции сети на примере конкретных проектов. Исследование Д. Альбертса, М. Вента и Р. Янсмы отображает ключевые исторические вехи в становлении “De Digitale Stad”. В начале 1994 года платформа “De Digitale Stad” была одной из первых онлайн-площадок Нидерландов, созданной для упрощения коммуникации между первыми пользователями Интернета. Тогда платформа была подобна доске объявлений. Тем не менее, уже в первый год своего существования она привлекала около

¹ Тихонова С. В., Фролова С. М. Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. 2019. Т. 19, № 3. С. 287–290.

² Crocker S. Tell us about... // Internet Histories: Digital Technology. Culture and Society. 2017. Vol. 1(1–2).

³ Paloque-Bergès C., Schafer V. Arpanet (1969–2019) // Internet Histories. 2019. Vol. 3:1. P. 1–14.

100 000 пользователей компьютеров. Сегодня это полноценный виртуальный город; творческая платформа, где художники и зрители находят друг друга¹.

Сегодня невозможно размышлять о цифровом пространстве исключительно в технико-технологическом ключе. Современный человек в своей работе, в образовании и даже своим досугом погружен в Интернет. В то же время этот человек пишет статьи, оставляет комментарии, размещает фото- и аудиовизуальные материалы в Интернете, т. е. создает свой нарратив, который формирует наполнение Интернета и определяет вектор его развития. Отсюда обращение исследователей к мифологиям и общим повествованиям, из которых формируется сеть интернет-контента². Ряд исследователей, занимающихся Internet Studies, в своих работах исходят из тезиса о том, что «технологии лучше всего понимаются не столько как агенты сами по себе, но как мыслительные объекты для коллективного воплощения и исследования надежд, желаний и политических видений»³.

Именно информационная компонента Интернета побудила одного из пионеров интернет-технологий издать свой манифест. В 2010 г. была опубликована работа Д. Ланира “You are not a gadget” (на русский язык она переведена в 2011 г. как «Вы не гаджет»)⁴. В своих официальных заявлениях пионеры Интернета, как правило, с надеждой и восхищением вглядываются в будущее «своего детища»⁵. В этом Д. Ланир принципиально расходится со своими коллегами. Он обозначает не только свое разочарование в технологии, но выдвигает тезис о дегуманизирующей роли Интернета.

В своем манифесте Д. Ланир утверждает, что Интернет стал ключевым стимулом в формировании нового поколения «пропавших личностей». Этот тезис входит в диссонанс с

¹ *Alberts G., Went M., Jansma R.* Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly // *Internet Histories*. 2017. Vol. 1:1-2. P. 146–159, DOI: 10.1080/24701475.2017.1309852.

² *Driscoll K., Paloque-Berges C.* Searching for missing “net histories” // *Internet Histories*. 2017. Vol. 1:1-2. P. 47–59. DOI: 10.1080/24701475.2017.1307541.

³ *Streeter T.* The Internet as a structure of feeling: 1992–1996 // *Internet Histories*. 2017. Vol. 1:1-2. P. 79-89. DOI: 10.1080/24701475.2017.1306963.

⁴ *Ланир Д.* Вы не гаджет: манифест. Москва : Corpus, 2011.

⁵ *Bay M.* Conversations with a pioneer: Paul Baran in his own words // *Internet Histories*. 2017. Vol. 1(3). P. 273–282.

идеей М. Пренски о видении людей, кто родился в цифровую эпоху (время доступного широкополосного Интернета), как о «цифровых аборигенах». М. Пренски делает акцент на том, что человеку, кто уже родился с доступом к гаджетам и Интернету, не нужно дополнительно учиться навыкам пользования мобильными устройствами и серфинга по Интернету; он обращается с гаджетами интуитивно, также интуитивно он пользуется Интернетом. Отсюда М. Пренски в большей степени ориентирован на вопросы прикладного (педагогического) характера: чему обучать аборигенов и как наиболее эффективно выстроить систему обучения в условиях дигитализированного мира.

В свою очередь, Д. Ланир ставит вопрос о молодом поколении в этическом ключе. Этика исследователя выстраивается в напряжении между двумя полюсами: целостная личность (человек в холистической парадигме) и фрагментарная личность. Фрагментирует человека как раз та техника, что он использует, тот контент, который он из нее «вытаскивает». В качестве иллюстрации своего опасения Д. Ланир использует достаточно простые примеры: формат общения в виде смс-сообщений и твитов способствует тому, что молодой человек выражает свою мысль лаконично, но отрывочно; анонимность общения на форумах как бы предполагает безграничную свободу в выражениях своей позиции и вместе с тем может восприниматься акторами коммуникативного процесса безответственно¹; бездумное пользование wikipedia.org и подобными цифровыми ресурсами как будто закрывает перед человеком потенцию самостоятельно выражать мысль, формирует потребность найти готовый ответ в сети. На протяжении всей книги Д. Ланир напоминает своим читателям о том, что «самая важная характеристика технологии — это то, как она меняет людей»². В этом случае вопрос из широкого этического оборачивается конкретным технологическим: как преобразовать технологию Интернет так, чтобы она работала на благо человека.

Д. Ланир предлагает конкретные рекомендации, которые условно можно разделить на два больших блока: корпорациям и отдельным людям. Все беды, по Д. Ланиру, приключившиеся

¹ Маслов В. М. Свобода, свободы, виртуальная реальность // Вестник Челябинского государственного университета. 2020. № 5 (439). С. 50—58. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10507.

² Ланир Д. Вы не гаджет... С. 14.

с Web 2.0, которые окончательно фрагментировали человека из XXI столетия, связаны с тем, что, как правило, контент в Интернете бесплатный; если он платный, то относительно легко можно отыскать его бесплатный аналог. Поэтому контент в Интернете необходимо лицензировать: аудио- и видеоматериалам, цифровым аналогам фильмов, игр и музыки, по Д. Ланиру, нужно вернуть стоимость, что с необходимостью увеличит качество обрабатываемого в сети контента. Вместе с тем, Д. Ланир не забывает о том, что любой пользователь Интернета является не только потребителем, но и носителем информации. Поэтому он советует каждому тщательно продумывать форму и содержание того материала, которым тот желает поделиться с миром, будь то текст, аудио- или видеоролик.

Несмотря на то, что Д. Ланир в своих печатных работах и публичных выступлениях поднимает глубокий философский вопрос о том, как человеку сохранить свое человеческое (в его прочтении — это целостное и творческое) в условиях обитания в цифровом пространстве, останавливается этик от пионеров Интернета все-таки на конкретных технических рекомендациях. В этом случае, на мой взгляд, необходима методологическая проработка поднятой Д. Ланиром проблемы о перспективах развития гуманистического Интернета. Эти перспективы видятся мне в разработке нового гуманитарного направления «цифровая антропология».

Цифровая антропология — это направление Digital Studies, ориентированное на выражение гуманистического содержания цифрового пространства. В контексте digital человек является одним из акторов¹. В технико-технологическом дискурсе ключевым актором цифрового пространства остается техника; на ее улучшение и развитие направлены думы инженеров и программистов. Человек рассматривается как тот, кто вступает в отношения с техникой: Человек Телематический, по Ж. Бодрийяру, есть тот, кто в этих «отношениях» утратил творческую инициативу; человек становится инфантильным, его реакции и действия стимулируются техникой². Следуя за М. Хайдеггером³ и Х. Ортегой-и-Гассетом⁴ в обосновании концепции технологического детерминизма, Ж. Бодрийяр

¹ Гришечкина Н. В., Тихонова С. В. Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху // Эпистемология и философия науки. 2018. Т. 55, № 2. С. 123—138.

² Бодрийяр Ж. Прозрачность зла. Москва : Добросвет : КДУ, 2014.

³ Хайдеггер М. Вопрос о технике...

⁴ Ортега-и-Гассет Х. Размышления о технике...

утверждал, что в научно-техническом прогрессе техника обретает относительную независимость, а человек, в свою очередь, впадает в тотальную от нее зависимость.

Цифровая антропология фокусирует внимание исследователей на человеке как действующем акторе в сфере digital. В центре внимания те функции, что выполняет человек в сети; под вопрос ставится то, как цифровое пространство изменяет человека, практики его поведения, повседневного бытия; наряду с тем, как человек наполняет сеть, какие цифровые следы оставляет; в фокусе внимания фигура цифрового субъекта; актуализируется проблема дифракции человека в сети Интернет.

Цифровая антропология представляется перспективным направлением в гуманитарных исследованиях Интернета. В этом направлении особую роль играет философская рефлексия, посредством которой исследователь может рассмотреть человека в сети Интернет и само цифровое пространство в их предельных основаниях.

“Camera lucida”: новый комментарий к цифровому контенту

*В XXI в. цифровое является отражением тенденций и трендов социальной реальности и одновременно определяет социальные тренды. Неслучайно то, что в феврале 2022 г. внимание пользователей сети Интернет переключилось с информационного повода «пандемия Covid-19» на другой повод, «военный конфликт на Украине». Кажется, что с самого начала военной операции на Украине, к военному противостоянию косвенно подключился весь мир. Каждый обыватель, будучи пользователем Интернета, имеет возможность не только почерпнуть информацию из военных сводок, но и выразить свое мнение по поводу сложившейся ситуации, которое условно можно обозначить одним из трех маркеров: «за Россию», «против России», «нейтральная позиция». Целью статьи является формулировка нового адекватного цифровой и социальной реальности комментария, что продолжает установку, предложенную Р. Бартом в работе «Camera lucida». Тезисы статьи презентированы в следующих посылках. Первая — культурные индустрии являются социальными агентами; вторая — как таковые они выражают проблемы и идеи социальной реальности *hic et nunc*; третья — они определяют настроение общества и отдельных социальных групп в отношении одного из трех маркеров (преимущественно, отражающих контрарные позиции), представленных выше. Для иллюстрации третьей посылки мы обращаемся к анализу денотативного и коннотативного уровней в музыкальном видеоклипе от Shortparis и хора ветеранов им. Ф. М. Козлова «Яблонный Сад», размещенному 12 марта 2022 г. на платформе youtube.com.*

Внешняя политическая и экономическая сводка намеренно демонстрирует цикличность истории. На Россию вновь опу-

щен «железный занавес», а информационное поле внутри страны выстраивается вокруг политического противостояния «агрессивному» Западу¹. Наиболее ярким маркером внутренней политики стали, наверное, немногими прочитываемые знаки «Z» и «V», что, как утверждают, должны объединить страну в этой «войне»². Эти маркеры собирают наше представление о происходящем. Об этом писали еще в прошлом веке сначала структуралисты, потом поструктуралисты. Не о военной операции, конечно, но о знаках эпохи, что составляют нашу повседневность. Такие знаки Р. Барт называл мифологемами³; а работу с ними — семиотическим анализом.

Р. Барт, кстати, один из немногих мыслителей, кто работал с т. н. «низким» материалом, новостные заметки, фото и даже реклама. В работе «Camera lucida» Р. Барт открывает читателям свою любовь к фото, но не ко всем; тем, что зацепили его внимание, влюбились в себя. Таким «возлюбленным» Р. Барта является фото Дж. Ван де Зее 1926 г.⁴ Сквозь него нам презентирована семейная идиллия четы чернокожих. Посредством фото Р. Барт различает два плана в прочтении фотографий, Studium и Punctum. Studium дает общий культурный срез той ситуации, что выстраивается на фото, формирует исторический контекст, определяет социальный план. Согласно Studium'у мы узнаем об экономическом («зажиточная»⁵) и социальном («конформизм»⁶) статусах изображённого семейства. Проблема Studium'a, по Р. Барту, коренится в том, что он делает фото «проходящим», ставит его в один ряд с теми, что мы бездумно перелистываем в просмотре любого иллюстрированного издания. Punctum, в свою очередь, дефинируется Р. Бартом как «укол»⁷ или «рана»⁸; это то, что в просмотре цепляет наше внимание, как будто колит или кусает наш глаз. Этим укалывающим эффектом сработали на мыслителя сначала шнурки на ботинках центральной фигуры, а вскоре — жемчужная нить той же фигуры.

¹ URL: <https://lenta.ru/news/2022/03/03/aggressive>.

² URL: <https://inlnk.ru/0QnYBE>.

³ Барт Р. Мифологии. Москва : Академический проект, 2019.

⁴ Барт Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии. Москва : Ад Маргинем, 2011. С. 25.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 26.

⁷ Там же. С. 15.

⁸ Там же. С. 25.

Punctum, по Р. Барту, индивидуален при прочтении каждым, но отнюдь не случаен. Каждый находит в нем то, что откликается в его памяти, опыте. Punctum заставляет взгляд остановиться, мысль — заработать. Punctum колит и одновременно позволяет зрителю узнать в изображенном то, что ему близко¹. По следам А. Камю Р. Барт выстраивает аллгорию с трудом Сизифа: в просмотре фото усопшей матери все его внимание сфокусировано на попытке реконструировать распадающийся образ. Обесмысливание в этой реконструкции происходит, когда Р. Барт наблюдает факт существования своей матери, но ничего более. Она была; это подтверждают фото. Но каков ее образ, что может сопровождать мыслителя после ее кончины?.. В эту «рану» всякий раз бьют фото при очередном пролистывании, просмотре. Через эту рану выражена проблема узнавания. Фото дает картинку; задача скриптора в том, чтобы эту картинку прочесть, узнать, «вытащить» из нее обрывки образа, кристаллизировать этот образ. Эта операция оборачивается трудом Сизифа, когда с каждым просмотром фото вновь актуализируются процессы понимания и узнавания, а в конечном счете — их безрезультативность.

В попытке пройти по пути Р. Барта, кто конструировал философию фотографического образа, М. Дуарте сравнил фотографию с письмом². В его анализе размышления Р. Барта синхронизируются с вопрошанием М. Бланшо о другом и инаковости³. У обоих мыслителей мы сталкиваемся с глубокой интимностью образа, и в фотографии, и в письме.

Безусловно, Р. Барт не был единственным мыслителем, что поставил перед собой задачу дескрибировать фото. «Философия фотографии» В. В. Савчука, наверное, уже стала своеобразной «иконой» русскоязычного прочтения фотографии⁴. В своей работе философ из Санкт-Петербурга соглашается со своим французским прекурсором в том, что фотография является непосредственным отображением того, что произошло; она становится своеобразной «хранительницей

¹ *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии... С. 38.

² *Duarte M. M.* Photography and Writing, or the Intimacy of the Image: A Dialogic Encounter between Barthes's Camera Lucida and Blanchot's Philosophy of Otherness // *Photographies*. 2019. Vol. 12:3. P. 283—301. DOI: 10.1080/17540763.2019.1627392.

³ *Бланшо М.* Неписуемое сообщество. Москва : МФФ, 1998.

⁴ *Савчук В. В.* Философия фотографии. Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2005. 256 с.

памяти»¹. Но одновременно с этим В. В. Савчук отрицает прочтение фотографии как раны; наоборот, для него она выступает тем, что приглашает наблюдателя к проживанию реальности, тем, что посредством своей нормативности, заключает видимую реальность в рамку. Отсюда В. В. Савчук заключает, что «фотография выражает подлинность проживания мгновения, поскольку свидетельствует о прямом зрительном контакте с объектом»². В этой подлинности остается место для столкновения, спотыкания и укола, но также в ней остается место для радости и спокойствия. Подлинность, по В. В. Савчуку, маркируется желанием прожить и пережить фотографию³. В своих более поздних работах он обращается к конкретным фотографическим сериям петербургских художников⁴ и к феномену цифровой фотографии. В отношении последней философ фотографии подмечает, что цифровой формат фото «определяет всю сферу самопрезентации и коммуникации»⁵.

Кажется, сколь многое бы не было сказано о каждом феномене реальности, многое остается в ответ еще не произнесенным, не выраженным в литых словесных конструкциях. Это же применимо и к фотографии. Место философии фотографии укрепляется и автономизируется в системе философского знания, что, в том числе, демонстрируют современные западные исследования, где осуществляется поиск новых подходов в выражении философских аспектов фотографии⁶, конструируются и анализируются новые теории фотографии⁷, выстраивается историческая ретроспектива фотографии, в ее

¹ Савчук В. В. Философия фотографии... С. 6.

² Там же.

³ Там же. С. 8.

⁴ Савчук В. В., Кириллов А. А. Некрополитика концептуальной фотографии // EINAi: Философия. Религия. Культура. 2018. Т. 7, № 2 (14). С. 58—68. ; Савчук В. В. Пейзаж в эпоху медиального поворота (о фотографиях Юрия Опри) // EINAi: Философия. Религия. Культура. 2017. Т. 6, № 1 (11). С. 164—196.

⁵ Савчук В. В. Фотография в эпоху новых медиа // Studia Culturae. 2015. № 23. С. 177—187.

⁶ Walden S. Photography and Philosophy: Essays on the Pencil of Nature. New York : Blackwell Publishing Ltd, 2008. DOI: 10.1002/97804-70696651.

⁷ Abell C., Atencia-Linares P., McIver Lopes D., Costello D. The New Theory of Photography: Critical Examination and Responses // Aisthesis. Pratiche, Linguaggi E Saperi dell'estetico. 2018. Vol. 11, no 2. P. 207—234. URL: <https://doi.org/10.13128/Aisthesis-22969>.

движении от физического объекта реальности к теоретическому объекту¹.

Вместе с тем, в фокусе внимания данной работы лежит попытка конструирования социального понимания того, что происходит с Россией и миром в условиях военной операции на Украине. Призма понимания потому выстраивается посредством семиотического разбора видеоклипа «Яблонный Сад» в исполнении Shortparis и хора ветеранов им. Ф. М. Козлова, что был выложен на видеосервисе YouTube в марте 2022 г.²

В сравнении с фотографией любое аудиовизуальное произведение презентует картинку в движении. За этим стоит то, что, на наш взгляд, вполне удачно было разведено Ж. Делезом как «образ-движение» и «образ-время». В работе «Кино» Ж. Делез в какой-то мере выстраивает диахронию между кино и фотографией. Фото констатирует факт того, что есть; оно о настоящем, всегда о фиксируемой реальности, в какое бы время эта реальность не была бы зафиксирована. Кино, в свою очередь, никогда о том, что есть, но о том, что было или будет. Тело, по Ж. Делезу, является своеобразным «проводником» в пространства «до» и «после»: «Тело никогда не находится в настоящем времени, а всегда содержит некое «до» и некое «после», усталость и ожидание. Усталость, ожидание и даже отчаяние — это повадки тела. В этом направлении никто не зашел дальше, нежели Антониони. И вот его метод: показ внутреннего мира через поведение, — это уже не переживания, а «то, что остается от истекших переживаний», «то, что наступает после всего, после того, как все было сказано»; такой метод с необходимостью проходит через повадки или позы тела»³. Ж. Делез усматривает в этом т. н. «магию» кино, тело, что само по себе не мыслит, провоцирует зрителя подключаться к происходящему на экране, запускает его мысль. «Тело не мыслит, но, будучи упорным и косным в своих привычках, оно заставляет мысль и при- нуждает к мысли ускользающее от мысли, жизнь»⁴.

Кино остается загадкой в философии XXI в. В некоторых случаях следуя за Ж. Делезом, в иных — вступая в противоречие с ним, мыслители со всего мира продолжают вопрошать

¹ *Maigné C.* Philosophy of photography: From the naturalistic print to the theoretical object. Foreword // Archives de Philosophie. 2022. Vol. 85 (1). P. 7–9.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=12CsEuxN5vQ>.

³ *Делез Ж.* Кино. Москва : Ад Маргинем, 2004. С. 507.

⁴ Там же.

о кино. Некоторые заключают, что кинокартинка наиболее полно репрезентирует мир¹; другие обращаются к аналитической философии как тому инструментарию, что способен выстроить концептуальное исследование, ориентированное на логическую последовательность и ясность аргументации²; третьи пытаются осмыслить кино через разбор ключевых понятий (сопереживание, изображение, этика, жанр, интерпретация, повествование, зрелищность и стиль) и обращение к конкретным персоналиям режиссеров (А. Тарковский, И. Бергман и Т. Малик)³; наконец, четвертые ставят вопрос не только о природе кино настоящего и прошлого, но размышляют о новых направлениях исследований движущегося изображения за пределами пленки⁴.

Однако вернемся к заявленному видеоклипу. В пределах семиотической работы с ним обратимся к двум срезам, *Studium*'у и *Punctum*'у. Рассмотрим их в синтетическом единстве, переключке друг с другом. Но начнем с укола, вернее, с вопроса о том, чем меня зацепила эта работа из множества иного аудиовизуала.

«Яблонный Сад» попался мне на глаза случайно, в числе прочих рекомендаций от YouTube. Это было в марте 2022 г. *Studium* обозначенной временной рамки, наверное, можно выразить как попытку, прежде всего, европейских народов (не исключая российский народ) понять, что сейчас происходит. В режиме случайного просмотра «Яблонный Сад» меня укол: молодая странная поп-рок группа (пути с которой у меня до того не пересекались) обращается к яркому (в определенном смысле — «жирному») тренду. Обращаются они опосредованно: поют в дуэте с хором ветеранов (1), выстраивают визуальный ряд с акцентуацией на военно-патриотическую сцену (ветераны в форме, сцена обита красным бархатом) (2), поют о яблонях (3). Как кажется, русская культура

¹ *Kardum M.* Film kao filozofija: slučaj Wittgenstein // *Filozofska istraživanja*. 2020. Vol. 40, no. 4. С. 665—684. DOI: 10.21464/fi40401.

² *Film Theory and Philosophy* / R. Allen, M. Smith (Eds.) // *Oxford Scholarship Online*. 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198159216.001.0001.

³ *The Routledge Companion to Philosophy and Film* (1st ed.) / P. Livingston, C. Plantinga (Eds.). Routledge, 2008. URL: <https://doi.org/10.4324/9780203879320>.

⁴ *Philosophy and Film: Bridging Divides* (1st ed.) / C. Rawls, D. Neiva, S. S. Gouveia (Eds.). Routledge, 2019. URL: <https://doi.org/10.4324/9780429435157>.

пытается воплотить идею русской души посредством изображения дерева. Это и «Вишневый сад» А. П. Чехова¹, и «Катюша» М. И. Блантера и М. Исаковского, что открывается словами «Расцвели яблони и груши»², и березка, что является неотъемлемой составляющей русской народной сказки, и сами «Яблоки на снегу», что в 1980-е гг. воспел М. Муромов³, а в 1990-е гг. на нее собрала не менее притягательную кавер-версию пародийная рок-группа «Бони НЕМ»⁴. Яблонный сад “Shortparis” в первой части композиции цветет медом, во второй части — кровью. Уже в этом зреет вопрос, что кроется за образом яблони: идея русскости, духовно неделимой славянскости или вообще пародия на все происходящее. Элементы, на первый взгляд, кажущиеся пародийными, безусловно, приковывают к себе внимание: яблоки закапывают в снег (1), музыкальная синхронность переходит в тревожащую слух асинхронию аккордеона и фортепиано и обратно в мелодичность (что напоминает работы группы «АукцЫон») (2), ветераны на сцене соседствуют с одетыми как-то по-деревенски музыкантами (3), и, конечно, образ фронтмена группы, что не отпускает напряжения ни во взгляде, ни в движениях, ни в тональности (4).

Shortparis есть группа из российской глубинки (г. Новокузнецк), что сегодня творит в г. Санкт-Петербург. Shortparis созидает музыкальные эксперименты. Они не только про музыку. Скорее, они про форму отображения своего внутреннего мира, что не укладывается в какой-то один формат искусства. Это музыкальная группа, творящая перформансы. Они странные. Наверное, эта странность вкупе с кажущейся искренностью исполнения создают эффект юродства. В ряд юродивых отечественной музыкальной сцены Shortparis вписывает А. И. Шаклеева⁵. Она дефиницирует «юродство Христа ради» как архетип, считываемый российкой ментальностью. Юродивый, он кто? Он — дурачок. Эта дурачковость позволяет ему вести себя искренне, даже если эта искренность идет в разрез с нормами и требованиями общества.

¹ Чехов А. П. Вишневый сад // А. П. Чехов. Полное собрание сочинений и писем : в 30 т. Т. 13. Москва : Наука, 1986.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=Kri7ByE-9Mc>.

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=vFZFijjQ3pg>.

⁴ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=BDXW3UqXjIQ>.

⁵ Шаклеева А. И. Юродствование как феномен российских культурных практик // Ярославский педагогический вестник. 2020. № 2 (113). С. 209–215.

Ибо юродивый не просто глуп от природы, в своей глупости он близок к Богу.

Е. А. Жеребятникова, в свою очередь, задается вопросом, кому страшно в мире Shortparis¹. В этом вопросе экзистенциальный поиск коллектива Shortparis. Они поют о том, что им страшно² и о том, что им стыдно³. Но с такими вопросами Shortparis диссонируют с юродивым из классической русской литературы. Лизавета из «Братьев Карамазовых», например, Ф. М. Достоевского никого не боится и ничего не стыдится⁴. Вместе с тем, юродивость остается в их сценическом облике. Проявляется она в том, что они не страшатся и не стыдятся искренне заявить о своих страхе и стыде.

Представляется, что в работе «Яблонный Сад» ритмично, ударно, фальцетом, напряженно, тревожно и, вместе с тем, мелодично они заявляют о боли, что пронзает (или должно пронзить) сегодня всех. В последнем интервью Н. Солодникову фронтмен Shortparis, Н. Комягин, отметил, с момента их первой встречи, что состоялась 3 года назад, у него сложилось ощущение, что мир изменился больше, чем они⁵. Там же он предположил, что сегодня мы наблюдаем прецедент «выталкивания» страны, народа и всей русской культуры из европейской цивилизации. Во всем этом мы получаем новый экзистенциальный опыт, отсюда должны выработать стратегию поведения. Как показали события с 24 февраля 2022 г. разворачивается наше поведение не в конкретной географической локации, а в Интернете. Хочется, чтобы это поведение выстраивалось на принципах цифровой грамотности, что базируется на критическом мышлении, в противовес бездумности и массовой истерии.

Р. Барт писал: «Фото не “омывают” комнату, в них нет запаха, нет музыки — одна неимоверно разбухшая вещь. Насильственность Фотографии связана не с тем, что она запечатлевает проявления насилия, но с тем, что каждый раз

¹ Жеребятникова Е. А. Кому страшно в мире Shortparis: семиотический анализ музыкального клипа // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных / отв. ред. А. Г. Кожевникова. Томск, 2021. С. 591—594.

² URL: <https://www.youtube.com/watch?v=FUdteCBRX9c>.

³ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=8nXo65cd9Ck>.

⁴ Достоевский Ф. М. Братья Карамазовы // Ф. М. Достоевский. Собрание сочинений : в 15 т. Т. 9—10. Ленинград : Наука, 1991.

⁵ URL: <https://www.youtube.com/watch?v=wu1BEWW7zyQ>.

она насильственно заполняет взор и что в ней ничто не в силах подвергнуться отказу или трансформации»¹. Цифра расширяет возможности и пространства насилия. Это информационное насилие, когда внешняя тебе информация диктует практики твоего мышления и поведения. Это насилие мы испытали в период пандемии Covid-19, его же испытываем сегодня в связи с военной операцией. Понимание общества невозможно без учета этого насилия. Оно складывается в трех посылках. Первая — культурные индустрии являются социальными агентами; вторая — как таковые они выражают проблемы и идеи социальной реальности *hic et nunc*; третья — они определяют настроение общества и отдельных социальных групп в отношении одного из трех маркеров («за Россию», «против России», «нейтральная позиция»).

¹ *Барт Р.* Camera lucida. Комментарий к фотографии... С. 51.

Дистопия в мемах или мемы в дистопии? Размышления о цифровой культуре¹

Цель плато — обратиться к мемам не только с позиции плана выражения. Мемы рассматриваются как составная часть цифровой реальности и культуры. Через обращение к работам медиаисследователей, а точнее Н. Коулдри и А. Хепна с концепцией «медиатизации» и Й. ван Дийк с концептом “connectication”, вводится идея о том, что медиа (прежде всего — цифровые медиа) не являются более безучастными проводниками информации. Наоборот, посредством алгоритмов, что получены на основе обработки больших данных информации, они оказываются способными корректировать и регулировать жизнь человека и общества. Это побуждает задаться вопросами о возможности того, не обернулась ли цифровая реальность проектом реализовавшейся дистопии, и взглянуть на мемы как вариант выражения свободы пользователями сети.

Введение. Представления о том, что будущее человечества может быть не таким солнечным, как того хотелось бы, уже давно обосновались на страницах художественной литературы. В XX в. они плавно перекочевали на большой и телевизионный экраны, на страницы журналов-комиксов. У этих представлений есть разные имена: дистопия, антиутопия, какотопия. Уху русскоязычного читателя привычным стало второе имя из перечисленных. Важно же то, что эти представления результируют тот образ будущего, что тревожит или страшит писателя и создан, чтобы напугать

¹ Изначально это реплика на чрезвычайно интересную статью товарища Дыдрова: *Дыдров А. А. Антиутопия в Интернете: что нового мемы дали жанру? // Цифровой ученый: лаборатория философа. 2022. Т. 5, № 1. С. 6—13. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-6-13.*

(а по большому счету — предложить задуматься о вопросах, каким будет человек и общества завтра и возможно ли это предотвратить) читателей и зрителей.

Дистопические сюжеты не утрачивают актуальности сегодня. Наоборот, сама реальность (последние пару лет — пандемия Covid-19) подкидывает новые идеи, заставляющие переживать о своем завтра. Одновременно с этим в цифровую эпоху большая часть человечества вошла в режим «онлайн». В сети человек получает информацию о мире и оставляет информацию о самом себе. Ежегодно растет количество пользователей социальных сетей. В них пользователи не только обмениваются приватным, они включены в публичность, размышляя о злободневном. В сети возможны различные реакции на злобу дня, от лайка и шеринга до развернутого комментария и даже творчества. Излюбленной формой творения и самовыражения своего мнения в сети является мем.

В своей статье А. А. Дыдров задается вопросом о том, как существуют дистопические идеи и сюжеты в формате мемов. Следуя логике структуралистов и постструктуралистов он определяет мем как знак, денотативный план которого вносит существенные коррективы в дистопическое содержание. Однако, на мой взгляд, тема дистопий и мемов выходит далеко за пределы сосредоточения на плане репрезентации. Во-первых, сам цифровой контекст подбрасывает исследователям вопросы, в том числе, дистопического характера о том, не является ли тотальный онлайн тем раскрытым приватным, о чем предупреждали писатели еще век назад («розовые шторы» Е. Замятина, «телекраны» Дж. Оруэлла, сексуальная и консьюмеристская свободы у О. Хаксли). Сегодня мы разгуливаем со включенной геолокацией и становится даже как-то неудобно возмущаться на тему того, что «Большой Брат следит за тобой». Во-вторых, формат цифрового контента привлекает внимание сам по себе. Информация, что распространяется сегодня, существует в рамках точных алгоритмов. К примеру, тот же мем представляет собой картинку (или ограниченный ряд картинок) и надпись на ней. Ничего кроме. Более того, репрезентируется он той аудитории, что тагетирована; в этом случае содержание контента будет понято его получателем и, возможно, получит еще большее распространение (через шеринг своим цифровым «френдам»). Отсюда можно сформулировать исследовательский вопрос: не является ли цифровой контент, в том числе, мемы, репрезентацией того,

что социальные практики (по крайней мере — некоторые) становятся дистопическими («промывание мозгов», «массовое оболванивание», разрушение мнения единицы знанием большинства). Наконец, в-третьих, мемы в отличии от архитектуры социальных сетей, например, создаются самими пользователями, а не технологическими корпорациями. Здесь я наблюдаю надежду на то, что мем может быть определен как оплот свободы (выражение своего мнения и своих ценностей) в ситуации цифрового настоящего, что через свои отдельные черты может прочитываться как дистопийное.

Волны медиатизации: от книги к мему. В далеком 1966 г. в свет вышла работа П. Бергера и Т. Лукмана «Социальное конструирование»¹. В определенном смысле она революционизировала понимание об отдельных социальных практиках и обществе в целом, утвердив взаимовлияние человека и общества. Социальный конструкт, как и само общество, не есть нечто предустановленное; это своего рода эволюционирование социальной практики к социальному образцу. Человек в этом смысле играет двоякую роль: с одной стороны, он является порождением социальных конструктов, с другой стороны, он — их автор и творец. Согласно Е. Ним, большим упущением авторов стало то, что они проигнорировали роль и место медиа в своей социальной теории². Вместе с тем, она справедливо утверждает, что в социальном конструировании П. Бергера и Т. Лукмана речь вовсе не о медиа. Прежде всего, это история об intersubъективном мире; она о том, что некоторые акты социальных субъектов становятся повторяемыми, только типизировавшись они превращаются во внешнее, обязательно к исполнению большинства.

Полстолетия спустя, в 2016 г., в свет вышла работа Н. Коулдри и А. Хеппа «Медийное конструирование реальности»³. Если авторы теории социального конструкционизма были уверены в том, что мир людей творится самими людьми, точнее — природой и спецификой их взаимодействия в пространствах приватности и публичности, — то авторы концепции медиатизации

¹ Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. Москва : Медиум, 1995. 323 с.

² Ним Е. (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации // Социологическое обозрение. 2017. № 3. С. 409—427.

³ Couldry N., Hepp A. The Mediated Construction of Reality. Cambridge : Polity Press, 2016. 256 p.

предлагают скорректировать исследовательскую оптику, введя в нее элементы материалистической феноменологии. Речь идет о медиатехнологиях, что не просто присутствуют в мире человека, но оказывают все большее влияние на конструирование человеком собственной реальности. Так, пользователя социальной сети можно сравнить с подростком. Подросток занимается строительством своего мира в четко ограниченном пространстве; у него есть своя комната, где он может расставить мебель по своему вкусу, развесить постеры или картинки по стенам, но не может очистить свою комнату от интегральных предметов (к примеру, кровати, шкафа или рабочего стола) или вообще вывести свой мир за рамки родительской квартиры. Подобное мы наблюдаем в социальных сетях, где регистрация пользователя сведена к заполнению обязательных полей (имя, возраст, образование, аватар), а само присутствие пользователя в сети четко регулируется политикой разработчиков.

Н. Коулдри и А. Хепп утверждают практику медиатизации, согласно которой медиа больше не является безучастным посредником в коммуникации людей. Сегодня медиа инициируют количественные и качественные изменения в социальной жизни человека (чего стоят одни только мобильные гаджеты). Чтобы занять свое место в мире социальных практик, медиа прошли становление, что Н. Коулдри и А. Хепп именуют «волнами медиатизации». Авторы называют четыре волны:

Первая — механизация — с XV в. — печатный станок и печатные книги;

Вторая — электрификация — рубеж XIX — XX вв. — передача информации как электрический сигнал: от телеграфа и телефона до кинематографа и телевидения;

Третья — диджитализация — со второй половины XX в. — развитие Интернета и соответственно системы мгновенной коммуникации;

Четвертая — XXI в. — датификация — оперирование большими объемами информации, Big Data, развитие Интернета вещей.

Исследователи подмечают, что с эволюцией медиа мир людей и их поведение в этом мире становится все более контролируемыми. О. Горюнова выражает идею контроля в понятии «цифровой субъект»¹. На поверхности цифровой

¹ *Goriunova O.* The Digital Subject: People as Data as Persons // Theory, Culture and Society. 2019. Vol. 36, no 6. P. 125—145. URL: <https://doi.org/10.1177/0263276419840409>.

субъект есть сумма цифровых следов, что оставляет человек в сети. Но если капнуть глубже, то оказывается, что на практики человека в сети влияют многие факторы, которые вовсе не фундированы желаниями и интересами субъекта реального. На семинаре, инициированном Институтом философии РАН, О. Горюнова пояснила идею цифрового субъекта через конструкцию идеального маркетингового субъекта, что был использован политтехнологами при подготовке референдума по выходу Великобритании из Европейского Союза в 2016 г. Тогда политтехнологи обратились не только к живым экспертным голосам политиков и экономистов, но к сконструированному избирателю, среднестатистическому британцу, «такому же, как все простые избиратели», кто знает, как он проголосует и почему. Позиция сконструированного «мистера Джонсона» стала вирусно распространяться по неофициальным цифровым каналам, социальным сетям, форумам и чатам.

В размышлении о специфике функционирования новых медиа Н. Коулдри и А. Хепп формулируют свои опасения по поводу того, что социальная реальность выходит из-под власти человека. Само поведение, публичная и приватная стороны его жизни, все активнее встраиваются в алгоритмы, что осуществляются технологическими монополистами, корпоративными транснациональными гигантами из сферы цифровых технологий. Подобную идею развивает в своих кейсах Й. ван Дийк¹.

Цифровое как дистопическое. Ссылаясь на статью Л. Гросмана, что была опубликована в “Time Magazine” в декабре 2014 г. Й. ван Дийк конструирует кейс о “Facebook”² и М. Цукенберге³. Она фокусирует свое внимание на деятельности некоммерческого образования Internet.org, что было запущено в 2014 г. по инициативе “Facebook”⁴ с целью создать коалицию компаний из сферы High Tech для распространения сети

¹ *Dijk J., van.* The culture of connectivity: A critical history of social media. New York : Oxford University Press, 2013.

² Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

³ *Dijk J., van.* After Connectivity: The Era of Connectication // Social Media and Society. 2015. Vol. 1 (1). URL: <https://doi.org/10.1177%2F2056305115578873>.

⁴ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

Интернет в экономически и технологически неразвитых частях мира. В 2014 г. М. Цукенберг пригласил в коалицию компании “Nokia”, “Samsung” и “Qualcomm”; на тот момент их внимание было сосредоточено на некоторых районах Азии.

Миссия проекта состояла в том, чтобы сделать жизнь человека из «Третьего мира» лучше, подключив его к Интернету. Как заявляет Й. ван Дийк, на деле все оказалось не так просто. В официальном заявлении от Internet.org, цель проекта сформулирована так, «Если первое десятилетие было началом процесса соединения мира, то следующее десятилетие помогает соединить людей, которые еще не подключены, и наблюдать за тем, что происходит» (If the first decade was starting the process of connecting the world, the next decade is helping connect the people who are not yet connected and watching what happens)¹. Здесь Й. ван Дийк «запинается» о то, что “Facebook”² собрался «наблюдать за тем, что происходит». Встал разумный прикладной вопрос, как будет осуществляться это наблюдение. Ответ не заставил себя долго ждать. В прокладывании сети Интернет в отдельных азиатских регионах “Facebook”³ контролировал всю технологическую базу, которая помимо непосредственно проводов и вышек включала в себя те гаджеты, что раздавались жителям этих районов, и те приложения, что уже были установлены на гаджеты. По той причине, что все приложения дарованных гаджетов были прямо или косвенно связаны с корпорацией “Facebook”⁴, то М. Цукерберг монополизировал, с одной стороны, информационный рынок для жителей тех районов, где провели Интернет; с другой стороны, он получил доступ к их цифровым следам.

Такая интерпретация деятельности Internet.org побудила Й. ван Дийк развести понятия “connectivity” (связь) и “connectication” (подключение). Для русскоязычных глаза и уха разница между ними не кажется столь острой. Тем не менее, она есть. Connectivity предполагает не только техно-

¹ *Grosman L.* Inside Facebook’s plan to wire the world // Time Magazine. 2014. December 15. URL: <http://time.com/facebook-world-plan>.

² Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

³ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

⁴ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

логический срез связи. Речь вообще не о нем. Речь о связи людей друг с другом. Отсюда изначальная (декларируемая) цель социальных сетей в том, чтобы быть на связи (в контакте) с теми, с кем ты разделен, например, государственными границами. В свою очередь, *connectication* указывает именно на технологический уровень связи, т. е. непосредственно обладание гаджетом с выходом в Интернет, где нет намека на экзистенциальную близость.

Проблема, что порождена деятельностью “Facebook”¹ и иных технологических монополистов, по мысли Й. ван Дийк, в том, что они совершают подмену понятий, точнее — феноменов как результатов своей деятельности. На уровне риторики фигурируют *connection* и *connectivity*, на уровне практики оказывается *connectication*. Говорит ли это нам о том, что мы уже живем в дистопии. Наверное, нет. Однако само наличие подобных фактов указывает на то, что цифровое пространство не такой уж абстрактный объект. За ним стоят конкретные агенты, корпорации и люди, со своими *agenda*, которые могут быть завуалированы планом риторики. Поэтому пользователям социальных сетей остается утверждать свою свободу в сети всеми возможными способами, в том числе, *memе making*’ом. Отчасти об этом работа группы ученых из Израиля, что ставит проблему понимания интернет-мемов через цифровые группы². E. Segev с соавторами, опираясь, в том числе, на аналитику *Big Data*, приходят к выводу, что интернет-мемы можно прочитывать в их связи друг с другом, через принадлежность к более широким цифровым образованиям, которые названы «семьями» и «сетями». Принадлежность конкретного мема к семье или сети осуществляется не только через сплоченность, но и на основе уникальности самого мема, а точнее — того заявления, что вкладывает в него автор.

Краткое заключение. Наверное, задаваясь вопросом о плане репрезентации классических и новых дистопий в формате мемов, автор дискуссионной статьи не задумывался

¹ Социальная сеть, признанная в России экстремистской, запрещена законодательством РФ.

² *Segev E., Nissenbaum A., Stoloro, N., Shifman L. Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness // Journal of Computer-Mediated Communication. 2015. Vol. 20, no 4. P. 417—433. DOI: 10.1111/jcc4.12120.*

о связи цифрового настоящего с самой дистопией. Возможно, этой связи вовсе нет; возможно, это только выражение алармистских настроений отдельных ученых. Важно же то, что в контексте этой дискуссии перед нами встает ряд актуальных вопросов:

- о природе цифровой реальности;
- о ключевых субъектах и агентах цифровой коммуникации;
- наконец, о специфике оригинальных цифровых произведений, в том числе, мемах.

Думаю, что философам есть, что предложить развивающемуся социально-гуманитарному дискурсу исследований цифры.

Человек в сети: одиночество и общение¹

Технико-технологические трансформации внешнего мира (интенсивное развитие устройств мобильной связи, высокоскоростных коммуникационных технологий связи) оказывают значительное влияние на существование человека. При помощи технологии человек создал для себя альтернативную природе цифровую реальность, общение в которой дополняет непосредственное общение человека в мире реальном. Пандемия Covid-19 резко изменила привычный образ жизни человека в глобальном мире и сократила возможности для непосредственного общения. Обострилась проблема одиночества и возможностей его компенсации. В условиях пандемии изменился статус сетевого общения: из дополняющего оно стало основным, а в некоторых случаях и единственным вариантом общения.

В плато анализируются возможности компенсаторного общения в сети, посредством которого восполняются коммуникативные потребности человека, ограниченные в условиях пандемии. Представлен антиномический подход к общению как одновременно единению и обособлению. Общение понимается как необходимое условие полноценного человеческого существования. Раскрыта идея компенсаторного общения, того варианта общения, что позволяет человеку преодолеть одиночество, способствует формированию новых социальных навыков, развитию личности.

Новые средства коммуникации позволяют человеку реализовать компенсаторное общение в сети. Онлайн-коммуникация, опосредованная техническими средствами, позволяет преодолеть расстояние, политические, языковые и культурные границы. Примером сетевого общения является общение геймеров

¹ Наконец, это плато было подготовлено с дорогими моему уму и сердцу В. И. Гладышевым и Е. Г. Миляевой.

в одной из наиболее сложных на сегодня массовых многопользовательских онлайн-игр EVE Online. Пользователи онлайн-игр создают свои миры, вселенные. Эти онлайн-вселенные виртуальные, не ирреальные. Они позволяют трансформировать характер привычного геймерского времяпровождения (декомпенсация и аддикция), в своеобразный полигон для развития социальных навыков, гармонизирующих бытие человека в мире оффлайн. Аудитория EVE Online — геймеры, которые подключаются к игре в поисках реального общения, с целью преодоления «пандемии одиночества». Совместная онлайн-деятельность геймеров становится поводом для общения в форме прямой компенсации, восполняющей дефицит общения с другими в своеобразном «кружке по интересам». Переживание экзистенциального опыта становится поводом для деанонимизации геймера. Результатом общения геймеров на примере EVE Online становятся партнерские, дружеские отношения, что выходит за пределы виртуального мира ММО.

Общение как проблема в условиях пандемии (частный случай) и в ситуации взаимодействия людей в цифровом пространстве. В 2020 г. мы оказались «запертыми» в своих квартирах и домах, чтобы избежать ухудшения эпидемиологической обстановки в регионе, стране и мире. Для непосредственного общения были доступны только те, кто проживал на общей с нами территории (родственники, соседи); общение со всем остальным миром стало возможно в опосредованном формате, посредством компьютерной техники, подключенной к сети Интернет. Вместе с тем, нельзя утверждать то, что пандемия Covid-19 создала принципиально новую проблему для человека: достичь Другого не прямым, но преимущественно опосредованным способом. Несомненно, эпистолярный жанр известен человеку еще с древности и сохранился до наших дней (письма писали Эпикур, Эпиктет, Сенека; обменивались письмами лермонтовские «герои того времени» и тургеневские барышни, а сегодня кросспостинг это модная тенденция). Однако, оказавшись закрытыми от внешнего мира в своих домах, люди не стали доставать конверты, бумагу и перья с чернилами, а привычно включили свои смартфоны, планшеты, ноутбуки и компьютеры.

Общение в сети происходит посредством техники. Феномен сетевого общения, в том числе, сквозь призму синтеза человека с машиной, попал в пространство философской

рефлексии в конце XX в. Тогда Ж. Бодрийяр предложил концепт «Человека Телематического», обращение к которому кажется важным в русле данного исследования.

Черты Человека Телематического, по Ж. Бодрийяру¹:

- человек делегирует интеллект машине;
- человек отказывается от претензии на знание (как целевой установки эпохи Просвещения); управляя машинами, он ориентирован не на создание, на «манifestацию» мысли;
- прикованный к экрану, человек утрачивает и подвижность тела (линза как необходимый протез в преодолении дефектов зрения, порожденных интенсивной работой за монитором), и подвижность мысли (искусственный интеллект как возможный протез сознания);
- не общение посредством экрана, но сам экран превращается для пользователя компьютера в цель его деятельности;
- трансформируется парадигма чувствительности: расстояние между глазом и объектом его наблюдения стирается и опустошается, т. е. человек утрачивает те «крючки», посредством которых устанавливает порядок между собой и предметами внешней реальности; в цифровой (виртуальной, по Ж. Бодрийяру) реальности нет никаких «живых» предметов, соответственно и порядка между ними; перед человеком раскрывается пустота, которую он пытается чем-то заполнить (виртуальные образы, картинки, тексты, но безуспешно). Вообще глаз, на что в одной из своих статей указал С.А. Смирнов, становится ключевым инструментом познавательной активности человека, реализуемой в режиме «захвата»². По Ж. Бодрийяру, человек управляет машиной даже не столько с помощью мысли, сколько глазом, функционирующим по своеобразному алгоритму (включить — выключить, переключить, вверх — вниз), ориентированным на поглощение все большего количества образов и знаков. Все это приводит к «гомеостазу» человека с машиной;
- наконец, в контексте нашей исследовательской проблемы важно то, что на место реального общения пришла коммуникация как «абстрактная форма» взаимодействия людей, контакт человека с человеком преобразовался в «интерактивность экранов».

¹ Бодрийяр Ж. Прозрачность зла...

² Смирнов С. А. Визуальное путешествие как метод. Генезис // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2017. № 1. С. 9—26.

Иной взгляд в осмыслении фигуры человека, вовлеченного в технико-технологические процессы современности, предложил в начале XXI в. М. Серр. В серии эссе, объединенных под необычным заголовком «Девочка с пальчик» (с фр. “Petite roucette”), философ именует молодых людей девочками и мальчиками «с пальчик». В этом обозначении важно не то, что они маленькие (во всех смыслах этого слова: от телесности до мыслительной активности и социальной самостоятельности), а то, что в непрерывном пользовании мобильными устройствами связи — ноутбуками, планшетами и смартфонами — именно пальцы становятся ключевыми частями тела. Не голова теперь управляет телом, сами конечности как бы «устраивают» девочек и мальчиков в этом мире.

Что же происходит с головой человека? Здесь фантазия М. Серра выводит нас на еще более необычные образы. Он воспроизводит раннехристианскую легенду о святом Дионисии, который был осужден на обезглавливание еще в период расцвета Римской империи. По решению суда, Дионисия должны были казнить на холме, но стражники, отвечавшие за саму процедуру обезглавливания, поленились взбираться наверх и совершили расправу под холмом. Тогда тело Дионисия поднялось, подобрало голову и взобралось наверх, дабы покоиться на положенном месте казни.

Таковыми «дионисиями», по М. Серру, являются современные девочки и мальчики. Они «обезглавлены». Из этого следует то, что в цифровой реальности человек существует с как бы «отсеченной» головой. В этой процедуре отсечения М. Серр видит изменение парадигмы, но не чувствительности (как по Ж. Бодрийяру), а мыслительности. «Что остается у нас на плечах?», — вопрошает М. Серр; и тут же отвечает: «Интуиция, изобретательная и неумная»¹. Таким образом, девочки и мальчики «с пальчик» не безголовые (бездумные), но обезглавленные (интуитивные и инициативные); не те, кто по традиции (следуя по стопам своих родителей) занимают места «пассажиров» в «поезде» существования, но те, кто устремлен на кресла водителей, чтобы управлять движением и направлением собственной жизни.

Именно такие девочки и мальчики воздают хвалу цифровым сетям. В их аргументы против критики сетей старшим поколением входит то, что никогда ранее человечество не создавало «группы, близкие по численности населению

¹ Серр М. Девочка с пальчик... С. 27.

Земли»¹. Сама же похвала фундируется аргументом о том, что любые сетевые группы и коллективы объединяются без условия «истребления другого и самоистребления»², что было необходимым условием объединения ключевых групп прошлого, церкви и государства.

В таких огромных сетевых сообществах, в которые вовлечена большая часть населения Земли, коммуникация непрерывна³. Вопрос заключается в том, не остается ли человек, вовлеченный в интенсивные коммуникационные процессы, глубоко одиноким? Постоянно поглощая образы виртуального мира, что видит человек в мире реальном? Возможно ли реальное общение, живой контакт с Другим, который находится по ту сторону экрана?

От одиночества к общению в сети. Общение есть необходимое условие человеческой жизнедеятельности. Потребность в общении выступает одной из фундаментальных потребностей личности, «...нет такого положения, такой формы личного бытия, — писал С. Л. Франк, — в которые так или иначе не входило бы отношение к неким “ты”»⁴. Речь идет об общении как о всеобщем и универсальном отношении людей. Будучи нереализованной в необходимых для человека объеме и составе, потребность в общении порождает феномен одиночества. Проблему одиночества, которая ныне приобретает глобальный характер, невозможно анализировать вне связи с темой общения.

Понятие «общение», с нашей точки зрения, включает в себя все мыслимые формы межсубъектного отношения (в том числе, общение коллективных субъектов, общение реальной личности с субъективированными объектами, квазиобщение и пр.). При этом, «в любом случае общение не может осуществиться, минуя межиндивидуальные контакты; они в любых истолкованиях общения остаются “ядерными структурами”»⁵.

¹ Серр М. Девочка с пальчик... С. 57.

² Там же. С. 58.

³ Артамонова Ю. Д., Володенков С. В. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. 2021. № 2. С. 9—27.

⁴ Франк С. Л. Реальность и человек. Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. С. 122.

⁵ Кемеров В. Е. Общение // Новая философская энциклопедия : в 4 т. Т. III. Москва : Мысль, 2010. С. 131.

Многообразие реальных проявлений общения трудно зафиксировать в какой-либо одной дефиниции. Неслучайно А. А. Леонтьев считал, что вопрос о дефиниции этого понятия «становится самостоятельной научной проблемой»¹. Нередко авторами задается исключительно высокий нравственный идеал общения. Планка общения высоко поднимается над эмпирической реальностью. В свою очередь, все, что не укладывается в этот идеал, лишается статуса общения. Это называют коммуникацией, управлением, обслуживанием и т. д., но не общением.

С нашей точки зрения, наиболее аутентичен исследованию проблемы общения антиномический подход. Использование антиномического подхода весьма целесообразно и при анализе одиночества. Принцип антиномического монодуализма («и то, и другое»; «ни то, ни другое») открывает нам в свободном витании над противоречием и противоположностью горизонты «трансрационального единства»², мы относим к общению любые межсубъектные взаимодействия. Причем это не только те взаимодействия, что рождают общность, но и те, что порождают разобщенность, способствуют возникновению отношения острого соперничества и даже вражды. Любое общение есть единство «единения» с другим и «обособления» от другого. Внутри самого «единения» есть элементы обособления, некие ограничители степени взаимопроникновения «я» и «ты». В общение всегда вплетена антиномия. Общение во всех случаях лично ориентировано. Это именно то, что витает над противоположностями позитивных и негативных проявлений общения.

Иначе обстоит дело в границах субъект-объектного отношения. К нему мы относим коммуникацию и другие «общениеподобные» взаимодействия людей. Общение — необходимая составляющая бытия человека³. Одиночество, в свою очередь, не есть отсутствие общения. Человек никогда не покидает сферы общения. Даже в условиях полной депривации в его распоряжении остается внутренняя коммуникация

¹ Леонтьев А. А. Общение как объект психологического исследования // Методологические проблемы социальной психологии. Москва : Наука, 1975. С. 112.

² Франк С. Л. Непостижимое. Москва : Правда, 1990.

³ Ланганс Е. Г. Самоопределение как способ бытия человеком в современную кризисную эпоху : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Челябин. гос. акад. культуры и искусств. Челябинск, 2014.

или самообщение¹; человек есть принципиально диалогическое существо. Поэтому под одиночеством, в самом общем виде, мы понимаем неудовлетворяющее человека качество его общения, его (общения) недостаточность, неполноту, ущербность; оно выступает в качестве индикатора определенной деформации в сфере общения человека.

Зачастую человек в полной мере не осознает собственного одиночества. Лишь тогда, когда острота переживания становится достаточно ощутимой и вызывает у него дискомфорт, возникает интенция к поиску компенсирующих неудовлетворительное общение связей. Сам принцип компенсации обнаруживает себя в весьма широком круге явлений живой и неживой природы, но особое значение он приобретает в социуме, где целенаправленно формируется компенсаторный фонд общества, смягчающий социальные противоречия повседневной жизни, монотонность повседневности.

Диапазон средств общения постоянно расширяется. Поскольку исторически первым выступает непосредственное общение, «общение лицом к лицу», постольку принято считать его наиболее полноценным общением, общением реальным (от позднелат. *realis* — действительный). Роль общения лицом к лицу трудно переоценить, но в современном цифровом обществе возникли новые средства общения, предоставляющие человеку небывалые прежде возможности для осуществления новых форм и масштабов взаимодействия с интересными ему людьми.

Коммуникация в сети как компенсаторное общение. Компенсаторное общение в сети еще не было предметом специального исследования. Между тем, исследователи устанавливают связь между обращением человека к многопользовательским ролевым онлайн-играм (далее по тексту — ММОРПГ) и переживанием им одиночества, «игровое пространство виртуального мира ММОРПГ становится неким *компенсаторным полем* для неудовлетворенных потребностей личности <...> игроки могут не только *компенсировать недостаток в общении*, но и выстраивать новые социальные взаимоотношения в контексте виртуального мира с другими игроками» (курсив наш — Г. В.,

¹ Гримак Л. П. Общение с собой. Начала психологии активности. Санкт-Петербург : Ленанд, 2018.

М. Е., П. Р.)¹. Безусловно, компенсаторное общение в сети не может быть сведено к онлайн-играм. Однако в соответствии с задачами статьи нас интересуют именно они. Эволюция отношения к онлайн-играм поразительна. В. С. Бабинович, например, отмечает: «В течение последних десяти лет взгляд на видеоигры переосмысливается — от ассоциации с психическим заболеванием к новой тематизации. Видеоигры становятся полем для исследовательской деятельности и начинают пониматься как новая форма искусства»².

Анализируя проблему общения, нельзя не учитывать насущную потребность человека находится в «многоединстве», в контакте с множеством людей, образуя некую симфоническую личность³. Человеку просто необходимо, хотя бы изредка, быть в пространстве публичности. Конкретных форм «единства» великое множество: массовые зрелища, спортивные соревнования, национальные праздники, карнавалы и др. (М. М. Бахтин, Э. Канетти, С. Московичи, К. Жигульский, Н. А. Хренов и др.).

Осмелимся утверждать, что все указанные формы содержат компенсаторную составляющую, позволяющую осуществлять в атмосфере праздника реализацию *гедонистической функции общения*. Известно, что человек, находящийся в гуще людей, например, в праздничной толпе, ощущает себя так, будто весь город участвует в этом действии⁴. Как восполнить эту компенсаторную составляющую в случае, например, пандемии, когда непосредственные контакты затруднены? На помощь могут прийти массовые многопользовательские онлайн-игры (далее ММО) или массовые многопользовательские ролевые онлайн-игры (далее MMORPG) *как своеобразные площадки для виртуального общения вокруг игры (по аналогии с кружком по интересам)*.

¹ Брагина О. А. Одиночество как значимый фактор зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр // Пензенский психологический вестник : электронный научный журнал. 2015. № 2. С. 77—85.

² Бабинович В. С. Идентичность геймера в виртуальном пространстве видеоигр // Вестник Томского государственного университета. Философия. 2019. № 446. С. 64.

³ Карсавин Л. П. О личности // Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. Т. 1. Москва : Ренессанс, 1992.

⁴ Хренов Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики. Москва : Наука, 1981.

Обозначим две метаформы общения: 1. *общение, вплетенное в предметную деятельность*, выступающее ее (деятельности) подсистемой и необходимым условием осуществления этой деятельности, и 2. *общение ради общения*, т. е. ради тех ценностей, которые заключены в самом общении как таковом. Вплетенное в деятельность общение зачастую носит вынужденный характер, его цель — обслуживать предметную деятельность человека. Удовлетворение коммуникативных потребностей человека осуществляется в этом случае лишь попутно. Нередко оно происходит неуспешно и иногда даже травматично для самого человека. Напротив, общение ради общения не носит вынужденного характера. Оно избирается свободно в выборе партнеров по общению (среды общения), форм и стиля общения. Э. В. Соколов подчеркивал: «в любительских клубных объединениях, в коллективах художественной самодеятельности *многие участники сознательно ориентируются именно на общение*, рассматривая сами занятия в кружке или театральной студии как важные, но все же не первостепенные в иерархии своих жизненных ценностей. Не рассчитывая и не стремясь стать профессиональными актерами или музыкантами, они тем не менее *находят для себя наиболее интересным общение по поводу любимого ими искусства*» (курсив наш — Г. В., М. Е., П. Р.)¹. Таким образом, самоценное общение ради общения эмансипируется от предметной деятельности и начинает играть по отношению к вплетенному общению *компенсаторную* роль.

Через компенсацию к реальному общению в сети. Компенсаторное общение восполняет коммуникативные потребности человека, нереализованные во вплетенном общении. Оно гармонизирует коммуникативный мир человека. Общение, как личностно формирующий фактор, может способствовать личностному росту субъекта, вплоть до радикального преобразования его личности в целом.

Компенсаторное общение представлено в трех формах: *прямая компенсация, декомпенсация и сверхкомпенсация* средствами общения. Первая форма носит адаптивный, точнее гомеостатический характер. При дефиците общения, компенсаторное общение восполняет недостающее. Декомпенсаторное

¹ Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса / под ред. Б. Д. Парыгина. Ленинград : Наука, 1982. С. 92—93.

общение, в свою очередь, выступает как мнимая компенсация. В нем человек с наибольшей легкостью усваивает такие способы общения, которые значительно снижают его собственные требования к осуществлению самоутверждения (например, статусного). Это происходит либо традиционным способом (реальное общение в различных неформальных группах), либо в виртуальном коммуникационном пространстве в Интернете. Для подтверждения желаемого статуса или его повышения в декомпенсации человек затрачивает значительно меньшие усилия, что разворачивается на фоне ослабления действительно значимых контактов.

Напротив, сверхкомпенсация средствами общения выводит человека на более высокий уровень системности и целостности. Она не только восполняет недостающие компоненты потребности в общении (потребность в сочувствии, сопереживании, самоутверждении и пр.), она также формирует у человека новые социальные навыки, способствует его личностному росту, расширяет круг его общения и развивает способности к общению, делая возможными контакты по своей глубине, превосходящие прежние запросы. В сверхкомпенсации человек развивается посредством общения.

Если проанализировать компенсаторные возможности общения в сети (на примере онлайн-игр), проясняется следующее. Исследователи справедливо обращают внимание на радикальное отличие между *увеличением* «объема» общения в сети (онлайн-играми) и *зависимостью*¹. Общение в сети как зависимость указывает на компьютерную аддикцию. Любые проявления аддиктивного поведения оказывают разрушительное влияние на человека, его сознание и поведение, его возможность и способность к реальному общению.

Однако в новых исследованиях онлайн-игр постепенно исчезают алармистские настроения, происходит осмысление виртуального пространства жизни и деятельности человека, которое утрачивает привычные черты игры в классическом ее представлении. В современном философском дискурсе утверждается необходимость осмысления компьютерных игр. А. А. Говорунов подчеркивает, что сегодня «компьютерная игра имеет явную тенденцию вырастать за пределы собствен-

¹ Плотников В. В., Кубякин Е. О., Стригуненко И. К., Белашова Я. Ю. Онлайн-игры в социокоммуникативной среде сети Интернет // Вестник КРУ МВД России. 2018. № 1. С. 63–66; Пожаров А. И. Многопользовательская ролевая онлайн-игра как новый вид культурной коммуникации // ИСОМ. 2014. № 6-2. С. 270–273.

но игровой сферы»¹. С. А. Белозеров, в свою очередь, отмечает, что в начале XXI в. ММО и MMORPG не могут быть отнесены к развлекательным видеоиграм, так как требуют от играющих систематической работы, серьезных временных, волевых и интеллектуальных усилий. В ММО нельзя пройти игру до конца, т. к. виртуальные миры (развивающееся программное обеспечение, взаимодействие геймеров) всегда продолжаются (новые персонажи, приключения, кампании). Более того, деятельность в ММО и MMORPG является производительной, потому что создаваемые виртуальные ценности имеют потребительскую стоимость как в игровой, так и в реальной валюте². В рамках данного исследования одной из важных характеристик игр является то, что взаимодействие геймеров посредством игровых аватар (персонажей) не является фиктивным: виртуальные вселенные не есть ирреальные; они создают новые возможности, поводы и просторы для коммуникации и общения в онлайн-формате.

Дискуссионным среди исследователей остается вопрос о специфике коммуникации и общения в онлайн-играх. Некоторые отмечают, что общение в онлайн-играх похоже на разговор случайных попутчиков. Онлайн-коммуникация проще, ибо система отношений в игровой вселенной упрощена, не требует интеллектуальных и волевых усилий для достижения результата (повышение самооценки геймера или компенсации дефицита общения у человека с проблемами коммуникации). К тому же, общение в онлайн-играх зачастую не ограничено нормами морали и права, защищено анонимностью, что порождает вседозволенность; в этом видится причина переноса игрового насилия в реальный мир³. Другие, напротив, отмечают, что ММО служат социализирующей функцией как в виртуальной вселенной игры, так и в реальном мире. Ими

¹ *Говорунов А. А.* Матрица и сквозь нее. Рецензия на коллективную монографию «Медиафилософия XII. Игра или реальность. Опыт исследования компьютерных игр» // Праксема. 2019. № 1. С. 200; Медиафилософия XII. Игра или реальность. Опыт исследования компьютерных игр : колл. монография. Санкт-Петербург : Фонд развития конфликтологии, 2016.

² *Белозеров С. А.* Виртуальные миры MMORPG: Ч. I. Определение, описание, классификация // Психология : журнал ВШЭ. 2015. № 1. С. 54–70.

³ *Плотников В. В., Кубякин Е. О., Стригуненко И. К., Белашова Я. Ю.* Онлайн-игры в социокommunikативной среде сети Интернет...

отмечается развитие и обучение коммуникативным навыкам в иерархических структурах игры, то, что «азарт игры и целедостижения не только выполняет компенсаторную функцию, но и позволяет игрокам чувствовать себя увереннее в жизни и добиваться поставленных целей»¹. Наконец, Е. О. Труфанова говорит о «третьей природе», сфере цифровых коммуникаций, которая создает «особую настройку над культурой, но не материальную, а виртуальную». Интернет и связанные с ним виды деятельности утратили статус экзотики, стали социально одобряемы. По оценке Е. О. Труфановой, утверждать, что люди стремятся укрыться в мире онлайн от невзгод оффлайна, уже не актуально. Наоборот, стоит искать новые формы эскапизма, связанные с выходом из сети².

Современные исследования показывают, что при некотором снижении интенсивности непосредственного общения, сетевое общение в контексте онлайн-игр расширяет социальный опыт игроков. «В конечном счете именно через игру начинают формироваться многие современные социальные отношения. Так, пространство MMORPG зачастую становится лабораторией, в которой оттачиваются социальные навыки, происходит первое столкновение с другим и задаются контуры возможной интересубъективности <...> Здесь появляются необычные типы коммуникации, информации, интерпелляции»³. Так мы подходим к предварительному итогу статьи: самоутверждение человека, достижение им необходимого статуса в направлении сверхкомпенсации возможно при гармоничном сочетании общения в сети с общением лицом к лицу.

EVE Online как «вакцина» от одиночества. В 2003 г. CCP Games представила публике ММО в стиле Sci-Fi. Теперь каждый может стать капитаном собственного космического корабля. EVE Online — мир победившего капитализма в

¹ *Сергеева О. В., Царева А. В., Зиновьева Н. А.* «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры // *Logos et Praxis*. 2017. № 4. С. 51—63.

² *Труфанова Е. О.* Эскапизм: между природой и культурой // *Вестник САФУ. Философия*. 2021. № 1. С. 131—132.

³ *Буглак С. С., Латыпова А. Р., Ленкевич А. С., Очеретяный К. А., Скоморох М. М.* Образ другого в компьютерных играх // *Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология*. 2017. Т. 33, Вып. 2. С. 242—244.

далеком будущем и глубоком космосе, отражающий современную ситуацию в мире¹. Разработчики игры дали геймерам «песочницу», ограниченную только игровой механикой и совершенно свободную в сфере отношений игроков между собой. Оказалось, что в мире игры можно все; прямо как в реальном мире, только не вставая со своего компьютерного кресла и не отрываясь от монитора. Виртуальный мир игры EVE Online мы понимаем как «генерируемую серверной частью массового многопользовательского сетевого приложения обширную трехмерную территорию, или связанную телепортами систему дополняющих друг друга территорий, наполненную многопользовательской квазиматериальной обитаемой виртуальной средой, предоставляющей широкие возможности производительного труда и аватар-опосредованной жизнедеятельности»².

Одной из уникальных находок разработчиков EVE Online стал всегда присутствующий риск для игроков потерять свое игровое имущество, корабль, ценности на его борту, игровую валюту, место в корпорации. В стилистике капитализма решен даже момент смерти персонажа: после уничтожения спасательной капсулы (последний шанс сохранить уникальные импланты), он просыпается в новом клоне в медотсеке домашней станции. В игре ему нужно снова покупать импланты, корабль, снаряжение и т. д. Для многих игроков это трудная задача. Поэтому те, кто перешел в EVE из MMORPG World of Warcraft или Lineage, зачастую бросают игру еще на этапах обучения. Именно здесь на первый план выходит игровая кооперация геймеров: в больших корпорациях существуют компенсации в виде игровой валюты и кораблей для тех, кто «погиб в бою», выполняя боевые, шпионские и производственные задания. В ответ на оказанную помощь игрок должен быть лоялен своему «работодателю» и выполнять поставленные задачи, что требует сотни игровых часов.

Из характеристик EVE Online (как и других ММО) можно выделить те, что относятся к сфере общения:

— благодаря программному комплексу и специфике геймплея игроки могут эффективно сочетать синхронную и асинхронную коммуникацию (игровые чаты, голосовые клиенты, сайты, форумы и т. д.), успешно преодолевая

¹ Peers B. Making faces: Eve online's new portrait rendering // ACM SIGGRAPH 2011 Talks, SIGGRAPH'11. 2011. DOI: 10.1145/2037826.2037830.

² Белозеров С. А. Виртуальные миры MMORPG... С. 58.

- не только пространственно-временные ограничения, но и культурные и языковые различия¹;
- деятельность игроков, опосредствованная аватаром, обеспечивает геймеру анонимность;
 - игровое сообщество постоянно поддерживается разработчиками игры и самими геймерами.

Стоит отметить, что в отличие от ММО и MMORPG по мирам в стиле фэнтези, где акцентуация на облике аватара, виртуальный облик персонажа, его роль в EVE Online не являются решающими; они формируются геймерами утилитарно, под конкретные игровые задачи (один аккаунт включает три персонажа, которых можно «прокачать» под разные цели). Управление космическим кораблем от третьего лица (камера расположена вне корабля) и модерация несколькими окнами игрового клиента, числовыми таблицами (за игровой интерфейс EVE Online именуют «космическим Excel») позволяет игроку не отождествлять себя с игровым персонажем, сосредоточиться на выбранных в мире игры целях и задачах.

Коллективная деятельность в EVE Online является одним из ключевых условий достижения игровых целей. Это повод для начала коммуникации в игре. Вместе с тем, специфика игрового взаимодействия, совместные переживания событий в виртуальной вселенной, порождают своеобразную сферу общения между игроками. Компенсаторное общение в игре происходит между теми, кто разделяет увлечение другого в «кружке по интересам» (корпорации, альянсы, локальный чат, форум и проч.); часто оно переходит из онлайн в оффлайн.

В мире EVE Online можно вести все виды деятельности, характерной для ММО и MMORPG. В контексте PvE деятельности (игрок против программы) геймер может выполнять задания программных персонажей или уничтожить их корабли, реализовывать курьерские и поисковые миссии; необходимости вступать во взаимодействие с другими игроками здесь нет. Однако эффективная и успешная игровая деятельность (накопление игровой валюты или ценных предметов) возможна только в кооперации с другими игроками. Для этого геймеры списываются в чатах, используют программы для голосового общения (TeamSpeak, Mumble и др.). Но в контексте PvP деятельности (игрок против игрока) в EVE Online можно вступать в партнерские и конфликтные отно-

¹ Буглак С. С., Латыпова А. Р., Ленкевич А. С., Очеретяный К. А., Скоморох М. М. Образ другого в компьютерных играх... С. 241—253.

шения с другими игроками, а значит — совместно строить собственные корабли, цитадели и другие объекты; вместе можно разрушать имущество и убивать персонажей других игроков, захватывать их территории; можно играть на рынке, устраивая настоящие экономические кризисы, получать сверхприбыль и разорять других участников рынка; можно создавать финансовые пирамиды¹; можно входить в политические альянсы, устраивая мировые войны в космосе и ведя шпионские тайные игры, сопряженные с невероятно сложными коммуникациями между реальными людьми. Масштаб войн в EVE поразителен: в одном бою могут быть задействованы тысячи геймеров-пилотов, потери игрового имущества могут составлять сотни тысяч долларов, а по итогам таких битв в системах возводятся уникальные игровые объекты, монументы и памятники². Игровые памятники возводятся и в честь мирных исследователей: Katia Sae стал первым, кто исследовал все 7800 систем, не потерял ни одного корабля, создал интересный исследовательский проект по формату игра-игре, подарив другим геймерам уникальный контент.

Более того, геймеры в EVE вступают в эффективную кооперацию с учеными. В Project Discovery (2019 г.) они искали экзопланеты, классифицируя кривые блеска³. В 2020—2021 гг. они внесли свой вклад в борьбу с COVID-19, помогая обрабатывать результаты цитометрии, на основе которых ученые смогут понять, как именно популяции и типы клеток реагируют на новую инфекцию⁴.

¹ В 2011 г. корпорация Phasex Inc получила от геймеров более 1,8 триллиона исков (игровой валюты), что эквивалентно 50 тысячам долларов [EVE Online // Финансовые скандалы в космосе. URL: https://www.igromania.ru/news/42997/EVE_Online._Finansovye_skandaly_v_kosmose.html].

² Капсулеры уничтожили более 400 тысяч долларов в самой дорогой битве за всю историю. URL: <https://www.goha.ru/eve-online-kapsulery-unichtozhili-bole-400-tysyach-dollarov-v-samoj-dorogoj-bitve-za-vsyu-istoriyu-degeya>.

³ *Sullivan D. P., Winsnes C. F., Ekesson L., Hjelmare M. et al.* Deep learning is combined with massive-scale citizen science to improve large-scale image classification // *Nature Biotechnology*. 2018. Vol. 36, no 9. P. 820—832. DOI: 10.1038/nbt.4225; *Fleet R., Nurmikko-Fuller T.* The potential for serious spaceships to make a serious difference // *WebSci 2019 : proceedings of the 11th ACM Conference on Web Science*. 2019. P. 97—104. DOI: 10.1145/3292522.3326017.

⁴ Синтез науки и развлечений: как игра EVE Online помогла в борьбе с COVID-19. URL: <https://regnum.ru/news/society/3032799.html>;

Сами разработчики EVE Online стараются поддерживать толерантную коммуникацию между игроками. За угрозы, оскорбления по национальным или гендерным признакам, оскорбивший игрок может быть забанен в игре (лишен доступа даже к оплаченному игровому аккаунту) на неопределенный срок. Также карается RMT — продажа игровой валюты или игрового имущества за реальную валюту на сторонних площадках. При этом в экономическую активность внутри игровой вселенной разработчики не вмешиваются.

Одним из наиболее интересных мероприятий, способствующих переходу общения игроков из виртуальных чатов и голосовых приложений в реальный мир, является фанфест — грандиозное культурное событие, до пандемии проводившееся в Исландии. Это площадка для живых встреч игроков; не только друзья, но и враги в игре могут встретиться в комфортной атмосфере и пообщаться. Важным поводом для общения игроков является киберспортивное мероприятие «Турнир Альянсов». Участие в нем требует создания крепкой команды как в реальном любительском спорте.

Из особенностей коммуникации в EVE Online:

- возникает на основе коммуникации по игровым поводам, необходимым для достижения игровых результатов;
- использует программы голосового общения для обеспечения эффективной коммуникации;
- аватар-опосредованная деятельность и защита от деанонимизации позволяют геймеру по желанию сохранять анонимность.

Мы стоим на позиции, что в EVE Online есть место реального диалога между игроками. Возникновение реального общения связано с совместным экзистенциальным опытом игроков: победа над противником как результат успешной военной кампании или строительство корабля как результат совместной производственной деятельности, а также поражение в бою, потеря важного игрового сооружения, неудачная торговля и т. д. Геймплей в EVE Online предполагает длительные по времени игровые сессии: ожидать бой, например, можно десятки часов. В это время в голосовых и текстовых чатах идет оживленное общение геймеров на темы, выходящие за

Zhu B., Zheng X., Liu H., Li J., Wang P. Analysis of spatiotemporal characteristics of big data on social media sentiment with COVID-19 epidemic topics. // Chaos, Solitons and Fractals. 2020. Vol. 140. P. 110—123. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110123.

пределы игры. Люди делятся своими впечатлениями о событиях в реальном мире: обсуждают новости политики, экономики, культуры, спорта — это позволяет игроку представить себя не только как геймера-капсулера, но и как болельщика спортивной команды, представителя конкретной профессии и т. д. Долгие часы совместной игровой деятельности создают особую атмосферу, в которой люди делятся своими взглядами на жизнь, обмениваются переживаниями, мыслями и чувствами не только об игре и ее вселенной. Совместная деятельность в игре формирует реальное общение, помогает находить друзей и любимых в онлайн, с которыми впоследствии происходят встречи-развиртуализации в оффлайне.

Вместо заключения: fly safe. Игровая вселенная EVE Online характеризуется разработчиками и самими геймерами как жестокый мир, в котором нет места слабости и отсутствию силы духа. Поэтому важным остается вопрос, почему люди начинают общаться в мире, который является разобщающим по самой своей сути? EVE Online относится к играм инициативного вовлечения, в которых можно реализовывать отношения сотрудничества, конкуренции, целедостижения¹.

Кто приходит играть в EVE Online? Те, кто грезит о космосе; кто готов проводить в игре десятки часов в неделю; кто хочет почувствовать себя причастным к некому «элитарному» сообществу, обладающему своей уникальной историей, своим языком²; кто хочет попробовать новые виды социального взаимодействия, такие как — работа в команде, лидерство, исследования и т. д.

В EVE Online важным фактором развития игровой вселенной являются действия игроков, направленные на захват и удержание территории. В таких условиях востребованы игроки-стратеги, те, кто могут стать боевыми командирами и руководить флотом, и те, кто готов вместе совершать однообразные игровые действия для достижения поставленных целей. Атмосфера «боевого братства» или «семьи-клана» привлекательна для тех, кто в реальном мире чувствует себя исключенным из разнообразных кругов общения. Мир EVE Online дает человеку возможность реализовать себя в

¹ *Сергеева О. В., Царева А. В., Зиновьева Н. А.* «Встретимся в дополненной реальности...»...

² *Горностаев С. В.* Разговорно-просторечные и жаргонные элементы в языке индустрии видеоигр // Известия ВГПУ. 2016. № 9-10. С. 163—166.

виртуальной вселенной в разных амплуа. Поэтому игра предоставляет возможность для людей с ограниченными возможностями компенсировать недостаток общения в реальном мире. Чувство востребованности, вовлеченности в процессе совместной деятельности игроков, способно служить профилактике депрессии у инвалидов. Такие геймеры говорят «не об игровых достижениях, не о развлечении, а об удовлетворении базовых потребностей — возможности найти друзей, уважении, принадлежности к коллективу, самореализации»¹.

Исследования разработчиков игры показывают, что геймеры обретают в виртуальном мире организационные навыки, способность к обучению, устанавливают крепкие социальные связи, от дружеских контактов до браков; EVE-геймеры отвечают тому, кто решил развиртуализироваться и попросить реальной помощи².

На наш взгляд, для многих сегодня EVE Online является доступной площадкой для реализации компенсаторного общения в наиболее продуктивных его формах. Преодоление одиночества посредством онлайн-игр возможно только при условии реального общения, пусть даже технически опосредованного. Для этого геймеру нужно довериться другому, чтобы быть способным представить собеседнику себя реального. На основе доверия возможен диалог между равными; здесь начинаются реальные отношения, способные преодолеть любые границы, сотни километров, разделяющих игроков из разных стран.

Пандемия демонстрирует то, что онлайн способен сохранить, закрепить и даже углубить социальные связи. В условиях, когда возможность путешествий и живого общения ограничена, онлайн-проекты стали зачастую единственной возможностью для реализации хобби, свободного от работы общения, своеобразными *αγορά*, на которых люди могут встретиться, поговорить и в совместной деятельности создать что-то новое — картины, книги, фильмы, музыку, невероятные повороты игровых сюжетов. В этой со-творческой деятельности, на наш взгляд, реализуется сценарий М. Серра: девочки и мальчики из онлайн двигают своими пальцами, чтобы прорваться к другому, выйти в реальное общение с другим (-и) в сети.

¹ Белозеров С. А. Виртуальные миры MMORPG... С. 63.

² Интервью с разработчиком EVE Online — сила дружбы. URL: <https://rbkgames.com/games/eve-online/articles/intervyu-s-razrabotchikom-eve-online-eve-effect>.

Послесловие или благодарности

Эта книга не писалась, она собиралась в течение десятилетия. За это десятилетие со мной вместе шли многие, каждый из которых дорог моему сердцу.

Мой философский академический путь начался в стенах Челябинской государственной академии культуры и искусств благодаря Нине Георгиевне Апухтиной и Вере Сергеевне Невелевой. А продолжился в стенах Саратовского государственного университета, и в этом я безмерно благодарна (ибо благодарности бывают мерные, дозированные, а в этом случае — нет) Софье Владимировне Тихоновой.

В 2015 г. благодаря Елене Васильевне Гредновской я устроилась на кафедру философии Южно-Уральского государственного университета. С этого года вектор и содержание моих исследований тесно переплетается с научной деятельностью кафедры. Сам же интерес к философии сохраняется благодаря постоянному общению с моими любимыми коллегами и не менее любимыми студентами (размышления одной студентки можно найти на страницах этой книги).

А этих товарищей стоит выделить персонально: Екатерина Галимулловна Миляева, Денис Сергеевич Артамонов, Александра Александровна Решикова. Вот просто так, без лишних пояснений.

Каким бы ни был путь, он невозможен без поддержки семьи. Благодарю всю свою семью и персонально Артура Александровича Дыдрова за его готовность смотреть со мной в одном направлении.

Литература

1. *Abell, C.* The New Theory of Photography: Critical Examination and Responses / C. Abell, P. Atencia-Linares, D. McIver Lopes, D. Costello // *Aisthesis. Pratiche, Linguaggi E Saperi dell'estetico.* — 2018. — Vol. 11, no 2. — P. 207–234. — URL: <https://doi.org/10.13128/Aisthesis-22969>.

2. *Ag Ahmed, M. A.* Sociocultural determinants of nomadic women's utilization of assisted childbirth in Gossi, Mali: A qualitative study / M. A. Ag Ahmed, L. Hamelin-Brabant, M. P. Gagnon // *BMC Pregnancy and Childbirth.* — 2018. — Vol. 18. — Art. 388.

3. *Akçayir, M.* What makes you a digital native? Is it enough to be born after 1980? / M. Akçayir, H. Dündar, G. Akçayir // *Computers in Human Behavior.* — 2016. — Vol. 60. — C. 435–440.

4. *Alberts, G.* Archaeology of the Amsterdam digital city; why digital data are dynamic and should be treated accordingly / G. Alberts, M. Went, R. Jansma // *Internet Histories.* — 2017. — Vol. 1:1-2. — P. 146–159. DOI: 10.1080/24701475.2017.1309852.

5. *Apak, K.* Traditional Wall Construction Technology of the Ottoman Empire in Relation to the Seismic Resistance of Bath Structures in the Marmara Region / K. Apak // *RILEM Book-series.* — 2018. — No 18. — P. 250–258.

6. *Bay, M.* Conversations with a pioneer: Paul Baran in his own words / M. Bay // *Internet Histories.* — 2017. — Vol. 1, no 3. — P. 273–282.

7. *Bergamo, O.* Surface and curves: A dialogue between nature and structural analysis in *Advances* / O. Bergamo // *Intelligent Systems and Computing.* — 2019. — Vol. 809. — P. 173–183.

8. *Bodrunova, S. S.* Internet Science / S. S. Bodrunova, O. Koltsova, A. Folstad, H. Halpin et ad. // *INSCI 2018 International Workshops, St. Petersburg, Russia, October 24–26, 2018 :*

Revised Selected Papers. — URL: <https://pureportal.spbu.ru/en/publications/internet-science-insci-2018-international-workshops-st-petersburg> (дата обращения: 04.09.2023).

9. *Bombardelli, O.* Digital Citizenship and Lifelong Learning. *Advances / O. Bombardelli // Intelligent Systems and Computing*. 2021. — Vol. 1231 AISC. — С. 817—826.

10. *Paloque-Bergus, C.* Arpanet (1969—2019) / *Camille Paloque-Bergès, Valérie Schafer // Internet Histories*. — 2019. — Vol. 3:1. — P. 1—14.

11. *Campbell, H.* Making space for religion in Internet studies / *H. Campbell // Information Society*. — 2005. — Vol. 21, iss. 4. — P. 309—315. DOI: 10.1080/01972240591007625.

12. *Carroll, L.* Alice's Adventures in Wonderland / *L. Carroll*. — New York : Bamboo Books, 2015.

13. *Chernigovskaya, T. V.* More on Brain and Semiosis: Can We Find a Point in Neuronets? / *T. V. Chernigovskaya // Voprosy Filosofii*. — 2021. — No 6. — С. 5—13. — URL: <https://doi.org/10.21146/0042-8744-2021-6-5-13>.

14. *Collins, H. M.* The Third Wave of Science Studies: Studies of Expertise and Experience / *H. M. Collins, R. Evans // Social Studies of Science*. — 2002. — Vol. 32, iss. 2. — P. 235—296. DOI: 10.1177/0306312702032002003.

15. *Cosmo, N. di.* Environmental stress and steppe nomads: Rethinking the history of the Uyghur Empire (744—840) with Paleoclimate data / *N. di Cosmo, A. Hessel, C. Leland, L. Andreu-Hayles et al. // Journal of Interdisciplinary History*. — 2018. — Vol. 48, no 4. — P. 439—463.

16. *Couldry, N.* The Mediated Construction of Reality / *N. Couldry, A. Hepp*. Cambridge : Polity Press, 2016. — 256 p.

17. *Crocker, S.* Tell us about... / *S. Crocker // Internet Histories: Digital Technology. Culture and Society*. — 2017. — Vol. 1(1—2).

18. Digital existence: Ontology, ethics and transcendence in digital culture / *A. Lagerkvist (ed.)*. — Routledge : Taylor & Francis Group, 2020.

19. *Dijck, J. van.* After Connectivity: The Era of Connectification / *van J. Dijck // Social Media and Society*. — 2015. — Vol. 1, no 1. — URL: <https://doi.org/10.1177%2F2056305115578873>.

20. *Dijck, J. van.* The culture of connectivity: A critical history of social media / *van J. Dijck*. — New York : Oxford University Press, 2013.

21. *Driscoll, K.* Searching for missing “net histories” / K. Driscoll, C. Paloque-Berges // *Internet Histories*. — 2017. — Vol. 1:1-2. — P. 47—59. DOI: 10.1080/24701475.2017.1307541.
22. *Duarte M. M.* Photography and Writing, or the Intimacy of the Image: A Dialogic Encounter between Barthes’s *Camera Lucida* and Blanchot’s Philosophy of Otherness / M. M. Duarte // *Photographies*. — 2019. — Vol. 12:3. — P. 283—301. DOI: 10.1080/17540763.2019.1627392.
23. *Duncan, B.* *Media Literacy Recourse Guide* / B. Duncan. — Toronto : Ministry of Education of Ontario : Publications Branch of Queen’s Printer, 1989.
24. *Elias, S. A.* *Encyclopedia of Quaternary Science* / S. A. Elias. — Elsevier, 2013. — 3576 p.
25. *Etiopie, G.* Understanding the origin of methane on Mars through isotopic and molecular data from the ExoMars orbiter / G. Etiopie // *Planetary and Space Science*. 2018. No 159. P. 93—96.
26. *Eugenios, J.* Ray Kurzweil: Humans will be hybrids by 2030 / J. Eugenios // *CNNMoney*. — 2015. — 4 June. — URL: <http://money.cnn.com/2015/06/03/technology/ray-kurzweil-predictions>.
27. *Film Theory and Philosophy* / R. Allen, M. Smith (Eds.) // *Oxford Scholarship Online*. — 2011. DOI: 10.1093/acprof:oso/9780198159216.001.0001.
28. *Fingeret, M. C.* Gender differences among MDMA users on psychological and drug history variables / M. C. Fingeret, F. G. Moeller, A. Stotts // *Addictive Disorders and their Treatment*. — 2005. — No 4(2). — P. 43—48.
29. *Fleet, R.* The potential for serious spaceships to make a serious difference / R. Fleet, T. Nurmikko-Fuller // *WebSci 2019 : proceedings of the 11th ACM Conference on Web Science*. — 2019. — P. 97—104. DOI: 10.1145/3292522.3326017.
30. *Gálik, S.* Cyberspace as a New Existential Dimension of Man / S. Gálik, Tolnaiová S. Gáliková // *Cyberspace*. IntechOpen ; B. E. Abu-Taieh, A. El. Mouatasim, I. H. Al Hadid (Eds.). — 2020. — URL: <https://doi.org/10.5772/intechopen.88156>.
31. *Goriunova, O.* The Digital Subject: People as Data as Persons / O. Goriunova // *Theory, Culture and Society*. — 2019. — Vol. 36, no 6. — P. 125—145. URL: <https://doi.org/10.1177/0263276419840409>.
32. *Grosman, L.* Inside Facebook’s plan to wire the world / L. Grosman // *Time Magazine*. — 2014. — December 15. — URL: <http://time.com/facebook-world-plan>.

33. *Häggrot, M. Carlsen* The right to vote and nomadic voter enrolment / Häggrot M. Carlsen // *Citizenship Studies*. — 2018. — Vol. 22, no 7. — P. 725–744.

34. *Irwin, W.* The Simpsons and Philosophy: The D’oh! of Homer. Blackwell Publishing / W. Irwin, M. Conard, A. Skoble. — The Blackwell Philosophy & Pop Culture Series.

35. *Jones, S.* Fizz in the field: Toward a basis for an emergent internet studies / S. Jones // *Information Society*. — 2007. — Vol. 21, iss. 4. — P. 233–237. DOI: 10.1080/01972240591007544.

36. *Jones, S.* Out from the PLATO cave: uncovering the pre-Internet history of social computing / Jones Steve, Guillaume Latzko-Toth // *Internet Histories*. — 2017. — Vol. 1:1-2. — P. 60–69. DOI: 10.1080/24701475.2017.1307544.

37. *Kannisto, P.* Travelling like locals: Market resistance in long-term travel / P. Kannisto // *Tourism Management*. — 2018. — No 67. — P. 297–306.

38. *Kardum, M.* Film kao filozofija: slučaj Wittgenstein / M. Kardum // *Filozofska istraživanja*. — 2020. — Vol. 40, no. 4. — C. 665–684. DOI: 10.21464/fi40401.

39. *Keen, A.* How to fix the future: Staying human in the digital age / A. Keen. — 2018. — URL: <https://www.theguardian.com/books/2018/mar/04/how-to-fix-future-staying-human-digital-age-andrew-keen-review>.

40. *Li, L.* Rewilding cultural landscape potentially puts both avian diversity and endemism at risk: A Tibetan Plateau case study / L. Li, D. T. Tietze, A. Fritz, M. Bürgi et al. // *Biological Conservation*. — 2018. — No 224. — P. 75–86.

41. *Lyailya, K.* Spatial orientations of Nomads’ lifestyle and culture / K. Lyailya, S. Zaure, K. Aigul, M. Ainur et al. // *Rupkatha Journal on Interdisciplinary Studies in Humanities*. — 2018. — No 10(2). — P. 27–39.

42. *Maigné, C.* Philosophy of photography: From the naturalistic print to the theoretical object. Foreword / C. Maigné // *Archives de Philosophie*. — 2022. — Vol. 85 (1). — P. 7–9.

43. *Mattalia, G.* Interstitial but Resilient: Nomadic Shepherds in Piedmont (Northwest Italy) Amidst Spatial and Social Marginalization / G. Mattalia, G. Volpato, P. Corvo, A. Pieroni // *Human Ecology*. — 2018. — Vol. 46, no 5. — P. 747–757.

44. *Media Education*. — Paris : UNESCO, 1984. — C. 8.

45. *Moore, J. W.* Capitalism and the Web of Life: Ecology and the Accumulation of Capital / J. W. Moore. — London : Verso, 2015.

46. *Nikou, S.* The impact of digitalization on literacy: Digital immigrants vs. Digital natives / S. Nikou, M. Brännback, G. Widén // 27th European Conference on Information Systems — Information Systems for a Sharing Society, ECIS 2019. — 2020.
47. *Ocheretyany, K. A.* From Behavioral Design to Reverence for Life: Care Policies for the Digital Environment / K. A. Ocheretyany // *Galactica Media: Journal of Media Studies*. — 2021. — No 3(2). — P. 166—193. — URL: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i2.145>.
48. Orange is the New Black. Bora Bora Bora. — URL: <http://clipiki.ru/video/240000/Oranzhevyiy--hit-sezona-1-sezon-10-seriya> (дата обращения: 05.09.2023).
49. *Passie, T.* The history of MDMA as an underground drug in the United States, 1960—1979 / T. Passie, U. Benzenhöfer // *Journal of Psychoactive Drugs*. — 2016. — Vol. 48, no 2. — P. 67—75.
50. *Peers, B.* Making faces: Eve online's new portrait rendering / B. Peers // ACM SIGGRAPH 2011 Talks, SIGGRAPH'11. — 2011. DOI: 10.1145/2037826.2037830.
51. *Pétursdýttir, Þ.* Theory adrift: The matter of archaeological theorizing / Þyra Pétursdýttir, B. Olsen // *Journal of Social Archaeology*. — 2018. — No 18(1). — P. 97—117.
52. *Philosophy and Film: Bridging Divides (1st ed.)* / C. Rawls, D. Neiva, S. S. Gouveia (Eds.). — Routledge, 2019. — URL: <https://doi.org/10.4324/9780429435157>.
53. *Pornpongtechavanich, P.* Intelligent Interactive Learning Platform for Seamless Learning Ecosystem to Enhance Digital Citizenship's Lifelong Learning / P. Pornpongtechavanich, P. Wannapiroon // *International Journal of Emerging Technologies in Learning (IJET)*. — 2021. — Vol. 16, no 14. — P. 232—248. — URL: <https://doi.org/10.3991/ijet.v16i14.22675>.
54. *Posthuman Feminism*. — Cambridge : Polity Press, 2021.
55. *Posthuman Knowledge*. — Cambridge : Polity Press, 2017.
56. *Prensky, M.* Digital Natives, Digital Immigrants / M. Prensky // *On the Horizon*. — 2001. — Vol. 9, no 5. — P. 1—6.
57. *Roberts, N.* The Holocene: an environmental history / N. Roberts. — John Wiley & Sons, 2014. — 376 p.
58. *Rogerson, S.* Digital Existence — The Modern Way to Be / S. Rogerson. — 2018. — URL: <https://doi.org/10.13140/RG.2.2.29522.25289>.

59. *Rothblatt, M.* Virtually Human. The Promise — and the Peril — of Digital Immortality / M. Rothblatt. — New York : Macmillan, 2014.

60. *Rushkoff, D.* Program or Be Programmed: Ten Commands for a Digital Age / D. Rushkoff. — New York : OR Books, 2010.

61. *Segev, E.* Families and Networks of Internet Memes: The Relationship Between Cohesiveness, Uniqueness, and Quiddity Concreteness / E. Segev, A. Nissenbaum, N. Stoloro, L. Shifman // Journal of Computer-Mediated Communication. — 2015. — Vol. 20, no 4. — P. 417–433. DOI: 10.1111/jcc4.12120.

62. *Smirnov, S. A.* Human and digit: The story of temptation/ S. A. Smirnov // Bulletin of Chelyabinsk State University. — 2021. — No 8. — C. 22–29. — URL: <https://doi.org/10.47475/1994-2796-2021-10803>.

63. *Smith, E. E.* From digital natives to digital literacy: Anchoring digital practices through learning design/ E. E. Smith, R. Kahlke, T. Judd // ASCILITE 2018 — Conference Proceedings — 35th International Conference of Innovation, Practice and Research in the use of Educational Technologies in Tertiary Education. — Open Oceans : Learning Without Borders. — C. 510–515.

64. *Solomko, D.* Ecohumanistics as a kind of scientific knowledge and methodology for understanding the specifics of the relationship “human — Technical and-technological world” / D. Solomko // Socium i vlast. — 2022. — No 1. — P. 15–25. — URL: <https://doi.org/10.22394/1996-0522-2022-1-15-25>.

65. *Stiegler, B.* Etats de choc: Bêtise et savoir au XXI siècle. / B. Stiegler. — Paris : Fayard : Mille et une nuits, 2012.

66. *Streeter, T.* The Internet as a structure of feeling: 1992–1996/ T. Streeter // Internet Histories. — 2017. — Vol. 1:1-2. — P. 79–89. DOI: 10.1080/24701475.2017.1306963.

67. *Sullivan, D. P.* Deep learning is combined with massive-scale citizen science to improve large-scale image classification / D. P. Sullivan, C. F. Winsnes, L. Ekesson, M. Hjelmare et ad. // Nature Biotechnology. — 2018. — Vol. 36, no 9. — P. 820–832. DOI: 10.1038/nbt.4225.

68. The Routledge Companion to Philosophy and Film (1st ed.) / P. Livingston, C. Plantinga (Eds.). — Routledge, 2008. — URL: <https://doi.org/10.4324/9780203879320>.

69. *Tolstikova, I.* Generation Z and Its Value Transformations: Digital Reality Vs. Phygital Interaction. Communications / I. Tol-

stikova, O. Ignatjeva, K. Kondratenko, A. Pletnev // Computer and Information Science. — 2020. — No 1242. — P. 47—60.

70. *Trufanova, E. O.* Escapism: Between Nature and Culture / E. O. Trufanova // Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series Humanitarian and Social Sciences. — 2021. — No 1. — P. 125—134. — URL: <https://doi.org/10.37482/2287-1505-V081>.

71. *Trufanova, E. O.* Приватное и публичное в цифровом пространстве: размывание границ / E. O. Trufanova // Galactica Media: Journal of Media Studies. — 2021. — No 3(1). — P. 14—38. — URL: <https://doi.org/10.46539/gmd.v3i1.130>.

72. *Tulchinskii, G. L.* Digitized Humanism / G. L. Tulchinskii // Russian Journal of Philosophical Sciences. — 2018. — No 11. — С. 28—43. — URL: <https://doi.org/10.30727/0235-1188-2018-11-28-43>.

73. *Vyugina, D.* Generation Z in Russia: The Digital Divide of the Generation Putin in Generations Z in Europe: Inputs, Insights and Implications / D. Vyugina. — Bingley : Emerald Publishing Limited, 2019. — P. 253—274.

74. *Walden, S.* Photography and Philosophy: Essays on the Pencil of Nature / S. Walden. — New York : Blackwell Publishing Ltd, 2008. DOI: 10.1002/9780470696651.

75. *Wieckiewicz, G.* History of MDMA (ecstasy): From synthesizing until today/ G. Wieckiewicz, M. Piegza, R. Pudlo // Psychiatria. — 2021. — Vol. 18, no 2. — P. 136—139.

76. *Zhang, Y.* The age and accretion of the Earth / Y. Zhang // Earth-Science Reviews. — 2002. — Vol. 59, no 1—4.— P. 235—263.

77. *Zhu, B.* Analysis of spatiotemporal characteristics of big data on social media sentiment with COVID-19 epidemic topics / B. Zhu, X. Zheng, H. Liu, J. Li, P. Wang // Chaos, Solitons and Fractals. — 2020/ — Vol. 140. — P. 110—123. DOI: 10.1016/j.chaos.2020.110123.

78. *Znakov, V. V.* Existential experience: A mystery and a problem / V. V. Znakov, N. A. Kasavina ; Institute of Philosophy Russian Academy of Sciences // Philosophy Journal. — 2018. — Vol. 11, no 2. — С. 123—137. — URL: <https://doi.org/10.21146/2072-0726-2018-11-2-123-137>.

79. *Анисимов, Н. Ю.* Уроки стресс-теста: вузы в условиях пандемии и после нее : аналитический доклад / Н. Ю. Анисимов, В. Н. Васильев, А. Е. Волков и др. — URL: https://www.hse.ru/data/2020/07/06/1595281277/003_%D0%94%D0%BE%D0%BA%D0%BB%D0%B0%D0%B4.pdf.

80. Антоновский, И. Жизнь по законам косплея / И. Антоновский. — URL: <http://mtrpl.ru/cosplay/> (дата обращения: 05.09.2023).

81. Аристотель. Большая этика // Аристотель. Сочинения : в 4 т. — Т. 4. — Москва : Мысль, 1984. — С. 373—374.

82. Артамонова, Ю. Д. Медиатизация как исследовательский концепт: основные предпосылки, формирование и возможности дальнейшего развития / Ю. Д. Артамонова, С. В. Володенков // Праксема. Проблемы визуальной семиотики. — 2021. — № 2. — С. 9—27.

83. Артеменко, Н. А. Понятие изначальной временности у М. Хайдеггера: апории (на материале «Бытия и времени»). Ч. 1. Хайдеггеровская версия феноменологии темпоральности человеческого бытия: вопрос о целостности Dasein / Н. А. Артеменко // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. — 2011. — Т. 2, № 1. — С. 18—25.

84. Артеменко, Н. А. Хайдеггеровская «потерянная» рукопись: на пути к «Бытию и времени» / Н. А. Артеменко. — Санкт-Петербург, 2012.

85. Аттали, Ж. На пороге нового тысячелетия / Ж. Аттали. — Москва : Международные отношения, 1993. — 133 с.

86. Бабинович, В. С. Идентичность геймера в виртуальном пространстве видеоигр / В. С. Бабинович // Вестник Томского государственного университета. Философия. — 2019. — № 446. — С. 64—67.

87. Барт, Р. Camera lucida. Комментарий к фотографии / Р. Барт. — Москва : Ад Маргинем, 2011. — 272 с.

88. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт. — Москва : Прогресс, 1989. — 616 с.

89. Барт, Р. Мифологии / Р. Барт. — Москва : Академический проект, 2019.

90. Батаева, Е. В. Фланерство и видеомания: модерные и постмодерные визуальные практики / Е. В. Батаева // Вопросы философии. — 2012. — № 11.

91. Бауман, З. От паломника к туристу / З. Бауман // Социологический журнал. — 1995. — № 4. — С. 133—154.

92. Бахтин, М. К философии поступка / М. Бахтин. — URL: <http://www.infoliolib.info/philol/bahtin/postupok3.html> (дата обращения: 05.09.2023).

93. Бахтин, М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура Средневековья и Ренессанса / М. М. Бахтин. —

URL: http://www.gumer.info/bibliotek_Buks/Culture/Baht/index.php (дата обращения: 05.09.2023).

94. *Белозеров, С. А.* Виртуальные миры MMORPG: Ч. I. Определение, описание, классификация / С. А. Белозеров // Психология : журнал ВШЭ. — 2015. — № 1. — С. 54–70.

95. *Бергер, П.* Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания / П. Бергер, Т. Лукман. Москва : Медиум, 1995. — 323 с.

96. *Берлин, И.* Философия свободы. Европа / И. Берлин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2001. — 448 с.

97. *Бланшо, М.* Неопишемое сообщество / М. Бланшо. — Москва : МФФ, 1998. — 78 с.

98. *Блейк, У.* Порицания невинности / У. Блейк. — URL: <http://lib.ru/POEZIQ//BLAKE/blake.txt> (дата обращения: 04.09.2023).

99. *Бовуар, С.* Второй пол : в 2 т. / С. Бовуар. — Т. 2. — Москва : Прогресс ; Санкт-Петербург : Алтейя, 1997. — 831 с.

100. *Бодлер, Ш.* Об искусстве / Ш. Бодлер. — Москва : Искусство, 1986. — 421 с.

101. *Бодрийяр, Ж.* Прозрачность зла / Ж. Бодрийяр. — Москва : Добросвет : КДУ, 2014. — 258 с.

102. *Бостром, Н.* Прими красную таблетку: наука, философия и религия в «Матрице» / Н. Бостром. — Москва : Ультра.Культура, 2003. — 312 с.

103. *Брагина, О. А.* Одиночество как значимый фактор зависимости от многопользовательских ролевых онлайн-игр / О. А. Брагина // Пензенский психологический вестник : электронный научный журнал. — 2015. — № 2. — С. 77–85.

104. *Брайдотти, Р.* Постчеловек / Р. Брайдотти. — Москва : Изд-во Института Гайдара, 2021. — 408 с.

105. *Бродель, Ф.* Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. / Ф. Бродель — URL: <http://www.demoscope.ru/weekly/knigi/brodel/brodel.pdf>.

106. *Буглак, С. С.* Образ другого в компьютерных играх / С. С. Буглак, А. Р. Латыпова, А. С. Ленкевич, К. А. Очеретяный и др. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Философия и конфликтология. — 2017. — Т. 33, Вып. 2. — С. 241–253.

107. *Ветютнев, Ю. Ю.* Кризис в аксиологии права / Ю. Ю. Ветютнев // Долженствование, норма и научное зна-

ние в прогнозируемом будущем : материалы Всерос. науч. конф. — Симферополь, 2021. — С. 157—159.

108. *Ветютнев, Ю. Ю.* Отражение ценностного релятивизма в правовых нормах / Ю. Ю. Ветютнев // Мир человека: нормативное измерение — 7.0. Проблема обоснования норм в различных перспективах: от реализма до конструктивизма и трансцендентализма : сб. тр. междунар. науч. конф. / редкол.: И. Д. Невважай (отв. ред.) [и др.]. — Саратов, 2021. — С. 493—497.

109. *Гельдерлин, Ф.* Патмос / Ф. Гельдерлин. — URL: <http://magazines.russ.ru/bereg/2009/25/ge22.html>.

110. *Гибсон, У.* Джонни Мнемоник / У. Гибсон. — URL: <http://lib.ru/GIBSON/johnmnem.txt> (дата обращения: 04.09.2023).

111. *Гиренок, Ф. И.* Археография событий : колл. монография / Ф. И. Гиренок и др. — Москва : ИФ РАН, 1999. С. 67—88.

112. *Гиренок, Ф. И.* Метафизика папа / Ф. И. Гиренок. — Москва : Лабиринт, 1995. — 200 с.

113. *Гоббс, Т.* Левиафан / Т. Гоббс. — Москва : Рипол Классик, 2017. — 478 с.

114. *Говорунов, А. А.* Матрица и сквозь нее. Рецензия на коллективную монографию «Медиафилософия XII. Игра или реальность. Опыт исследования компьютерных игр» / А. А. Говорунов // Праксема. — 2019. — № 1. — С. 196—203.

115. *Гозман, Л. Я.* Психология эмоциональных отношений / Л. Я. Гозман. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1987. — 174 с.

116. *Горностаев, С. В.* Разговорно-просторечные и жаргонные элементы в языке индустрии видеоигр / С. В. Горностаев // Известия ВГПУ. — 2016. — № 9-10. — С. 163—166.

117. *Грааф, Дж. Д.* Потреблятьство. Болезнь, угрожающая миру / Дж. Д. Грааф. — Москва : Алгоритм, 2016. — 368 с.

118. *Гримак, Л. П.* Общение с собой. Начала психологии активности / Л. П. Гримак. — Санкт-Петербург : Ленанд, 2018. — 331 с.

119. *Грицанов, А. А.* Новейший философский словарь / А. А. Грицанов. URL: <https://www.e-reading.club/book.php?book=149350>.

120. *Грицанов, А. А.* Постмодернизм : энциклопедия / А. А. Грицанов, М. А. Можейко. — URL: <http://www.infoliolib.info/philos/postmod/nomadologiya.html>.

121. *Гришечкина, Н. В.* Гражданская экспертиза и научное знание в цифровую эпоху / Н. В. Гришечкина, С. В. Тихонова // Эпистемология и философия науки. — 2018. — Т. 55, № 2. — С. 123—138.
122. *Де Лаэт, М.* Зимбабвийский втулочный насос: механика текучей технологии / М. Де Лаэт, А. Мол // Логос. — 2017. — № 27(2). — С. 171—232.
123. *Дебор, Г.* Психогеография / Г. Дебор. — Москва : Ад Маргинем, 2017. — 111 с.
124. *Делез, Ж.* Кино / Ж. Делез. — Москва : Ад Маргинем, 2004. — 622 с.
125. *Делез, Ж.* Мишель Турнье и мир без Другого / Ж. Делез. — URL: <http://anthropology.ru/ru/text/delyoz-zh/mishelturne-i-mir-bez-drugogo> (дата обращения: 05.09.2023).
126. *Делез Ж.* Анти-Эдип / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург : У-Фактория, 2008. — 670 с.
127. *Делез, Ж.* Тысяча плато. Капитализм и шизофрения / Ж. Делез, Ф. Гваттари. — Екатеринбург : У-Фактория ; Москва : Астрель, 2010. — 892 с.
128. *Делез, Ж.* Общество контроля. PostScriptum / Ж. Делез. — URL: <http://konservatizm.org/konservatizm/sociology/260312081020.xhtml> (дата обращения: 04.09.2023).
129. *Деррида, Ж.* Письмо и различие / Ж. Деррида. — Москва : Академический проект, 2000. — 494 с.
130. *Долин, А. В.* Джим Джармуш. Стихи и музыка / А. В. Долин. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 224 с. (Кинотексты).
131. *Дронова, О. А.* Роман Йозефа Рота «Бегство без конца»: между документальностью и фикциональностью / О. А. Дронова // Социально-экономические явления и процессы. — 2014. — № 1 (059). — С. 162—167.
132. *Дыдров, А. А.* Антиутопия в Интернете: что нового мемы дали жанру? / А. А. Дыдров // Цифровой ученый: лаборатория философа. — 2022. — Т. 5, № 1. — С. 6—13. DOI: 10.32326/2618-9267-2022-5-1-6-13.
133. *Дыдров, А. А.* Свобода человека и человекоподобных существ (на материале фантастических литературных и аудиовизуальных произведений) / А. А. Дыдров, Р. В. Пеннер // Вестник Челябинской государственной академии культуры и искусств. — 2013. — № 1 (33). — С. 87—91.
134. *Емельянов, Ю. В.* Рождение и гибель цивилизаций / Ю. В. Емельянов. — Москва : Вече, 1999. — 542 с.

135. *Жеребятникова, Е. А.* Кому страшно в мире Shortparis: семиотический анализ музыкального клипа / Е. А. Жеребятникова // Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения : сб. материалов VIII (XXII) Междунар. науч.-практ. конф. молодых учёных ; отв. ред. А. Г. Кожевникова. — Томск, 2021. — С. 591—594.

136. *Замятин, Е. И.* Мы / Е. И. Замятин. — Москва : Правда, 1989. С. 307—462.

137. *Знаков, В.* Непостижимое и тайна как атрибуты экзистенциального опыта / В. Знаков // Психологические исследования. — 2013. — № 6(31). — URL: <https://doi.org/10.54359/ps.v6i31.675>.

138. И цзин «Книга Перемен» и ее канонические комментарии / пер. с кит., предисл. и примеч. В. М. Яковлева. — Москва : Янус-К, 1998. — 267 с.

139. *Иванова, Е.* Созвездие Горгоны: эссе об эффектах медиа / Е. Иванова, М. Корецкая, Е. Савенкова. Санкт-Петербург : Алетей, 2012. 328 с.

140. *Ильенков, Э. В.* К вопросу о природе мышления (на материалах анализа немецкой классической диалектики) : автореф. дис. ... д-ра филос. наук / Э. В. Ильенков. — Москва : Институт философии АН СССР, 1968.

141. *Ильенков, Э. В.* Школа должна учить мыслить: о природе способности / Э. В. Ильенков. — Москва : Изд-во Моск. психолого-социального института, 2002. — 108 с.

142. *Инишев, И. Н.* «Иконический поворот» в теориях культуры и общества / И. Н. Инишев // Логос. — 2012. — № 1. — С. 184—211.

143. *Калинин, О. И.* Лингвопрагматические характеристики образа вируса в китайской лингвокультуре / О. И. Калинин // Языки и культуры стран Азии и Африки : тез. докл. междунар. науч.-практ. конф. — Москва : Изд-во Моск. лингвистич. ун-та, 2021. — С. 85—87.

144. *Калинин, О. И.* Сопоставительный анализ метафорического образа коронавируса в СМИ КНР и Республики Корея / О. И. Калинин, Д. В. Мавлеева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. — 2020. — Т. 18, № 4. — С. 99—109.

145. *Калох Вид, Н. Л.* Язык Апокалипсиса в драме М. А. Булгакова «Бег»: аллюзия как стилистический инструмент / Н. Л. Калох Вид // Вестник Московского государственного

областного университета. Серия: Русская филология. — 2014. — № 3. — С. 85—92.

146. *Кампер, Д.* Тело. Насилие. Боль : сб. ст. / Д. Кампер. — Санкт-Петербург : Изд-во Русской христианской гуманитарной академии, 2010. — 176 с.

147. *Камю, А.* Миф о Сизифе / А. Камю. — Москва : Астрель, 2011. — 218 с.

148. *Карсавин, Л. П.* О личности // Л. П. Карсавин. Религиозно-философские сочинения. — Т. 1. — Москва : Ренессанс, 1992.

149. *Касавина, Н. А.* «Digital existence»: цифровой поворот в понимании человеческого бытия / Н. А. Касавина // The Digital Scholar: Philosopher's Lab. — 2020. — No 3(4). — С. 73—89. — URL: <https://doi.org/10.5840/dspl20203441>.

150. *Кастельс, М.* Галактика Интернет: размышления об Интернете, бизнесе и обществе / М. Кастельс. — Екатеринбург : У-Фактория, 2004. — 327 с.

151. *Кемеров, В. Е.* Общение / В. Е. Кемеров // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — Т. III. — Москва : Мысль, 2010. — С. 131.

152. *Кириллова, Н. Б.* Медиалогия / Н. Б. Кириллова. — Екатеринбург : Академический Проект, 2015. — 424 с.

153. Книга Иова // Поэзия и проза Древнего Востока / пер. С. Аверинцева. — Москва, 1973.

154. *Кон, И. С.* Социология личности / И. С. Кон. — Москва : Политиздат, 1967. — 383 с.

155. *Корнеев, А.* Что такое NFT-токены. И причем тут Бэнкси / А. Корнеев. — URL: <https://www.rbc.ru/crypto/news/6040cd429a7947281adb5a94> (дата обращения: 04.09.2023).

156. *Короленко, Ц. П.* Семь путей к катастрофе: деструктивное поведение в современном мире / Ц. П. Короленко, Т. А. Донских. — Новосибирск : Наука, 1990. — 222 с.

157. *Кулева, М.* Привилегии присутствия / М. Кулева. — URL: <https://garagemca.org/ru/event/garagereflections/materials/margarita-kuleva-privilegii-prisutstviya?fbclid=IwAR36yayevKsl848Eu3G2nprq3nUiUrEErWyIRKbTNXNhgJU9xQ6CcGg3nr-Q> (дата обращения: 04.09.2023).

158. *Куницман, А.* Отказ и ограничение использования Интернета в среде российских IT-специалистов / А. Куницман, Е. О. Богданова, Э. Я. Пономарева, А. А. Щетвина // Социология власти. — 2018. — № 3. — С. 144—164.

159. *Ланганс, Е. Г.* Самоопределение как способ бытия человеком в современную кризисную эпоху : автореф. дис. ... канд. филос. наук / Е. Г. Ланганс ; Челябин. гос. акад. культуры и искусств. — Челябинск, 2014.

160. *Ланир, Д.* Вы не гаджет: манифест / Д. Ланир. — Москва : Corpus, 2011. — 317 с.

161. *Латур, Б.* Визуализация и познание: изображая вещи вместе / Б. Латур // Логос. — 2017. — № 2 (117). — С. 95—156.

162. *Латур, Б.* Пересборка социального: введение в акторно-сетевую теорию / Б. Латур. — Москва : Высшая школа экономики, 2014. — 381 с.

163. *Лекторский, В. А.* Эпистемология классическая и неклассическая / В. А. Лекторский. — Москва : Эдиториал УРСС, 2001. — 255 с.

164. *Леонтьев, А. А.* Общение как объект психологического исследования / А. А. Леонтьев // Методологические проблемы социальной психологии. — Москва : Наука, 1975. С. 112.

165. *Леонтьев, Д. А.* Смыслообразование и его контексты: жизнь, структура, культура, опыт / Д. А. Леонтьев // Мир психологии: научно-методический журнал. — 2014. — № 1. — С. 104—117.

166. *Лобанова, Л. В.* Отражение феномена свободы в категориях уголовного права / Л. В. Лобанова, А. П. Рожнов, Л. Н. Ларионова // LOGOS ET PRAXIS. — 2019. — Т. 18, № 4. — С. 32—41.

167. *Локк, Дж.* Два трактата о правлении / Дж. Локк. — Москва : Социум, 2022. — 480 с.

168. *Макаров, А. И.* Что такое номинативный язык общества? Философский анализ социальной теории О. Розенштока-Хюсси / А. И. Макаров, И. С. Селезнев // LOGOS ET PRAXIS. — 2020. — Т. 19, № 1. — С. 25—34.

169. *Маклюэн, М.* Понимание медиа. Внешние расширения человека / М. Маклюэн. — Москва : Канон+, 2003. — 462 с.

170. *Малиновский, П. В.* Транспрофессионализм как критерий эффективности управления человеческим потенциалом / П. В. Малиновский. — URL: <http://www.shkp.ru/lib/actions/ss/malinovsky/publications/1>.

171. *Мамардашвили, М.* Проблема обогрева и возможный человек / М. Мамардашвили. — URL: <https://monocler.ru/mamardashvili-vozmozhnyj-chelovek>.

172. *Мановас, Я.* Бибихин: опыт слушания / Я. Мановас. — URL: http://bibikhin.ru/opyt_slushaniya (дата обращения: 05.09.2023).

173. *Марк Аврелий.* Размышления / Марк Аврелий. — URL: <http://lib.ru/POEEAST/avrelij.txt> (дата обращения: 05.09.2023).

174. *Марков, Б. В.* Бездомность человека в постсоветском пространстве / Б. В. Марков // Человек постсоветского пространства : сб. материалов конф. ; под ред. В. В. Парцвания. — Вып. 3. — Санкт-Петербург : Санкт-Петербургское философское общество, 2005. — С. 324—350.

175. *Маслов, В. М.* Свобода, свободы, виртуальная реальность / В. М. Маслов // Вестник Челябинского государственного университета. — 2020. — № 5 (439). — С. 50—58. DOI: 10.24411/1994-2796-2020-10507.

176. Медиафилософия XII. Игра или реальность. Опыт исследования компьютерных игр : колл. монография. — Санкт-Петербург : Фонд развития конфликтологии, 2016.

177. *Михайлов, И. А.* Бытие к смерти / И. А. Михайлов // Новая философская энциклопедия : в 4 т. — URL: <http://philosophy.niv.ru/doc/encyclopedia/new-philosophical/articles/236/bytie-k-smerti.htm>.

178. *Невелева, В. С.* Мир современного человека между турбулентностью и устойчивым развитием / В. С. Невелева, М. П. Меняева // Вестник Челябинского государственного университета. — 2021. — № 5 (451). — С. 69—76. DOI: 10.47475/1994-2796-2021-10510.

179. *Николаева, В. В.* Влияние хронических болезней на психику / В. В. Николаева. — Москва : Изд-во МГУ, 1987. — 166 с.

180. *Ним, Е.* (Не)социальное конструирование реальности в эпоху медиатизации / Е. Ним // Социологическое обозрение. — 2017. — № 3. — С. 409—427.

181. Об объявлении в Российской Федерации нерабочих дней : Указ Президента РФ от 25.03.2020 № 206. — URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_348485/ (дата обращения: 05.09.2023).

182. Опыты нечеловеческого гостеприимства : антология / под ред. М. Крамар, К. Саркисова. — Москва : V-A-C press, 2018. — 255 с.

183. *Ортега-и-Гассет, Х.* Размышления о технике / Х. Ортега-и-Гассет. — URL: <http://philosophy.mitht.ru/ortegaigasset.htm> (дата обращения: 04.09.2023).

184. *Панферов, В. Н.* О роли внешности в регуляции отношений / В. Н. Панферов // Человек и общество. — Вып. III. — Ленинград : Изд-во ЛГУ, 1968. — С. 235—240.

185. *Пеннер, Р. В.* Видеограундинг как практика осмысленного бытия человека в пространстве медиакультуры / Р. В. Пеннер // Культура. Власть. Общество: пути реализации государственной культурной политики : материалы межрегион. науч.-практ. конф. — Екатеринбург, 2015. — С. 120—123.

186. *Пеннер, Р. В.* Свобода «по-калифорнийски» или восприятие «онтологического понимания» свободы видеограундером / Р. В. Пеннер // Знак: проблемное поле медиаобразования. — 2014. — № 1 (13). — С. 94—100.

187. *Платон.* Алкивиад I. / Платон. — URL: <https://nsu.ru/classics/bibliotheca/plato01/alki1.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

188. *Платон.* Апология Сократа / Платон. — URL: <http://psylib.ukrweb.net/books/plato01/01apols.htm> (дата обращения: 05.09.2023).

189. *Плотников, В. В.* Онлайн-игры в социокоммуникативной среде сети Интернет / В. В. Плотников, Е. О. Кубякин, И. К. Стригуненко, Я. Ю. Белашова // Вестник КРУ МВД России. — 2018. — № 1. — С. 63—66.

190. *Пожаров, А. И.* Многопользовательская ролевая онлайн-игра как новый вид культурной коммуникации / А. И. Пожаров // ИСОМ. — 2014. — № 6-2. — С. 270—273.

191. *Раш, М.* Новые медиа в искусстве / М. Раш. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2018. — 256 с.

192. *Розанов, В. В.* Опавшие листья. Короб первый // В. В. Розанов. Уединенное. — Москва : Политиздат, 1990. — 541 с.

193. *Савчук, В. В.* Медиафилософия: приступ реальности / В. В. Савчук. — Санкт-Петербург : Изд-во РХГА, 2013. — 350 с.

194. *Савчук, В. В.* Неизбежность медиафилософии / В. В. Савчук. — URL: http://mediaphilosophy.ru/biblioteca/articles/savchuk_inevitability (дата обращения: 04.09.2023).

195. *Савчук, В. В.* Некрополитика концептуальной фотографии / В. В. Савчук, А. А. Кириллов // EINA: Философия. Религия. Культура. — 2018. — Т. 7, № 2 (14). — С. 58—68.

196. *Савчук, В. В.* Пейзаж в эпоху медиального поворота (о фотографиях Юрия Опри) / В. В. Савчук // *EINAI: Философия. Религия. Культура.* — 2017. — Т. 6, № 1 (11). — С. 164—196.
197. *Савчук, В. В.* Философия фотографии / В. В. Савчук. — Санкт-Петербург : Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. — 256 с.
197. *Савчук, В. В.* Фотография в эпоху новых медиа / В. В. Савчук // *Studia Culturae.* — 2015. — № 23. — С. 177—187.
199. *Самойлова, Е. О.* Онтологические компоненты феномена косплея / Е. О. Самойлова // *Философские науки.* — 2014. — № 9. — С. 678—681.
200. *Сартр, Ж.-П.* Экзистенциализм — это гуманизм / Ж.-П. Сартр // *Сумерки богов.* — Москва : Политиздат, 1989 — С. 319—344.
201. *Секацкий, А. К.* Книга номада / А. К. Секацкий. — Санкт-Петербург : Амфора, 2000. 113 с.
202. *Сергеева, О. В.* «Встретимся в дополненной реальности...»: социальные компетенции игроков в многопользовательские онлайн-игры / О. В. Сергеева, А. В. Царева, Н. А. Зиновьева // *Logos et Praxis.* — 2017. — № 4. — С. 51—63.
203. *Серр, М.* Девочка с пальчик / М. Серр. — Москва : Ad Marginem, 2016. — 77 с.
204. Синтез науки и развлечений: как игра EVE Online помогла в борьбе с COVID-19. — URL: <https://regnum.ru/news/society/3032799.html>.
205. *Смирнов, С. А.* Визуальное путешествие как метод. Генезис / С. А. Смирнов // *Праксема. Проблемы визуальной семиотики.* — 2017. — № 1. — С. 9—26.
206. *Соколова, Е. Т.* Самосознание и самооценка при аномалиях личности / Е. Т. Соколова. — Москва : Изд-во МГУ, 1989. 213 с.
207. *Соловьев, О. Б.* Общества контроля и дисциплины / О. Б. Соловьев // *Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Философия.* — 2009. — Т. 7, № 2. — С. 47—57.
208. Социально-психологические проблемы научно-технического прогресса / под ред. Б. Д. Парыгина. — Ленинград : Наука, 1982.
209. *Степанчук, Ю. А.* Цифровые технологии в образовании студентов гуманитарной направленности: к вопросу

о смене парадигмы / Ю. А. Степанчук // Культура, Власть, Общество: пути реализации государственной культурной политики. — Екатеринбург, 2015. — С. 115—119.

210. *Тарас, А. Е.* Педагогическая профилактика правонарушений несовершеннолетних / А. Е. Тарас. — Минск : Народная асвета, 1982. 187 с.

211. *Тихонова, С. В.* Странное время в объектно-ориентированной онтологии: Харман и Латур / С. В. Тихонова, Д. С. Артамонов // Вестник Томского государственного университета Философия. Социология. Политология. — 2021. — № 63. — С. 43—52.

212. *Тихонова, С. В.* Цифровое общество и цифровая антропология: трансдисциплинарные основания социально-эпистемологических исследований / С. В. Тихонова, С. М. Фролова // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Философия. Психология. Педагогика. — 2019. — Т. 19, № 3. — С. 287—290.

213. *Тойнби А. Дж.* Цивилизация перед судом истории : сборник / А. Дж. Тойнби. — Москва : Рольф, 2002.

214. *Труфанова, Е. О.* Человек в лабиринте идентичностей / Е. О. Труфанова // Вопросы философии. — 2010. — № 2. — С. 13—22.

215. *Труфанова, Е. О.* Эскапизм: между природой и культурой / Е. О. Труфанова // Вестник САФУ. Серия «Гуманитарные и социальные науки». — 2021. — № 1. — С. 125—134.

216. *Тульчинский, Г. Л.* Цифровизация: возможности и социально-гуманитарные издержки / Г. Л. Тульчинский // Ведомости прикладной этики. — 2021. — № 57. — С. 34—47.

217. *Франк, С. Л.* Непостижимое / С. Л. Франк. — Москва : Правда, 1990. — 510 с.

218. *Франк, С. Л.* Реальность и человек / С. Л. Франк. — Санкт-Петербург : РХГИ, 1997. — 478 с.

219. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла / В. Франкл. — Москва : Прогресс, 1990. — 366 с.

220. *Фролов А. В.* Экзистенция и мир в цифровую эпоху / А. В. Фролов // Вестник Московского университета. — 2018. — № 3. — С. 18—30.

221. *Фромм, Э.* Бегство от свободы / Э. Фромм. — Москва : Прогресс, 1989. 269 с.

222. *Фуко, М.* Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы / М. Фуко. — Москва : Ad Marginem, 1999. — 480 с.

223. Фуко, М. Технологии себя / М. Фуко // Логос. — 2008. — № 2. — С. 96—122.
224. Хабермас, Ю. Философский дискурс о модерне : пер. с нем. / Ю. Хабермас. — Москва : Весь Мир, 2003. — 416 с.
225. Хайдеггер, М. Бытие и время / М. Хайдеггер. — Москва : Ad Marginem, 1997. — 451 с.
226. Хайдеггер, М. Вопрос о технике // М. Хайдеггер. Время и бытие (статьи и выступления). — Москва : Республика, 1993. — 445 с.
227. Хайдеггер, М. Отрешенность / М. Хайдеггер. — URL: <http://lib.ru/HEIDEGGER/gelassen.txt> (дата обращения: 04.09.2023).
228. Ханова П. Есть ли у козплекса смысл? / П. Ханова. — URL: http://expert.ru/russian_reporter/2014/33/est-li-u-kospleyasmysl/ (дата обращения: 05.09.2023).
229. Харауэй, Д. Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х / Д. Харауэй. — Москва : Ад Маргинем Пресс, 2017. — 127 с.
230. Хренов, Н. А. Социально-психологические аспекты взаимодействия искусства и публики / Н. А. Хренов. — Москва : Наука, 1981. — 304 с.
231. Цицерон. Философские трактаты / Цицерон. — Москва : Наука, 1985. — 382 с.
232. Чубаров, И. Медиа, медианаука и философия медиа / И. Чубаров, А. Рябова // Логос. — 2015. — № 2. — С. 92—105.
233. Шаклеева, А. И. Юродствование как феномен российских культурных практик / А. И. Шаклеева // Ярославский педагогический вестник. — 2020. — № 2 (113). — С. 209—215.
234. Шафранская К. Д. Психологические трудности общения лиц с косметическими дефектами // Психология межличностного познания. Москва : Педагогика, 1981. С. 212—221.
235. Шляков А. В. «Бездомность» человека эпохи постмодерна / А. В. Шляков // Традиционная и техногенная цивилизация: проблемы взаимодействия : сб. материалов науч.-практ. конф. — Тюмень : ТюмГНГУ, 2010. — С. 360—363.
236. Шляков, А. В. Номадизм и Агротизм. К постановке проблемы / А. В. Шляков // Человек. — 2016. — № 1. — С. 30—35.

237. Эмоциональные нарушения в детском возрасте и их коррекция / В. В. Лебединский и др. — Москва : Изд-во Моск. ун-та, 1990. — С. 54—55.

238. *Эпштейн, М. Н.* Проективный словарь гуманитарных наук / М. Н. Эпштейн. — Москва : Новое литературное обозрение, 2017. — 609 с.

239. *Ярославцева, Е. И.* Человек аутопоэзисный в цифровом формате / Е. И. Ярославцева // Человек. — 2019. — № 2. — С. 121—127.

Научное издание

Пеннер Регина Владимировна

**Картография цифрового:
опыты философского понимания**

Монография

Верстка *В. Б. Феркель*

Подписано в печать 18.09.2023 г
Гарнитура NewtonС.
Бумага офсетная. Формат 60×84/16.
Усл. печ. л. 14,42
Тираж 500 экз.
Заказ № 115.

ЗАО «Библиотека А. Миллера»
454091, г. Челябинск, ул. Свободы, 159.

Отпечатано ООО «Типография “Вера”»
454080, г. Челябинск, ул. Свободы, 22.

